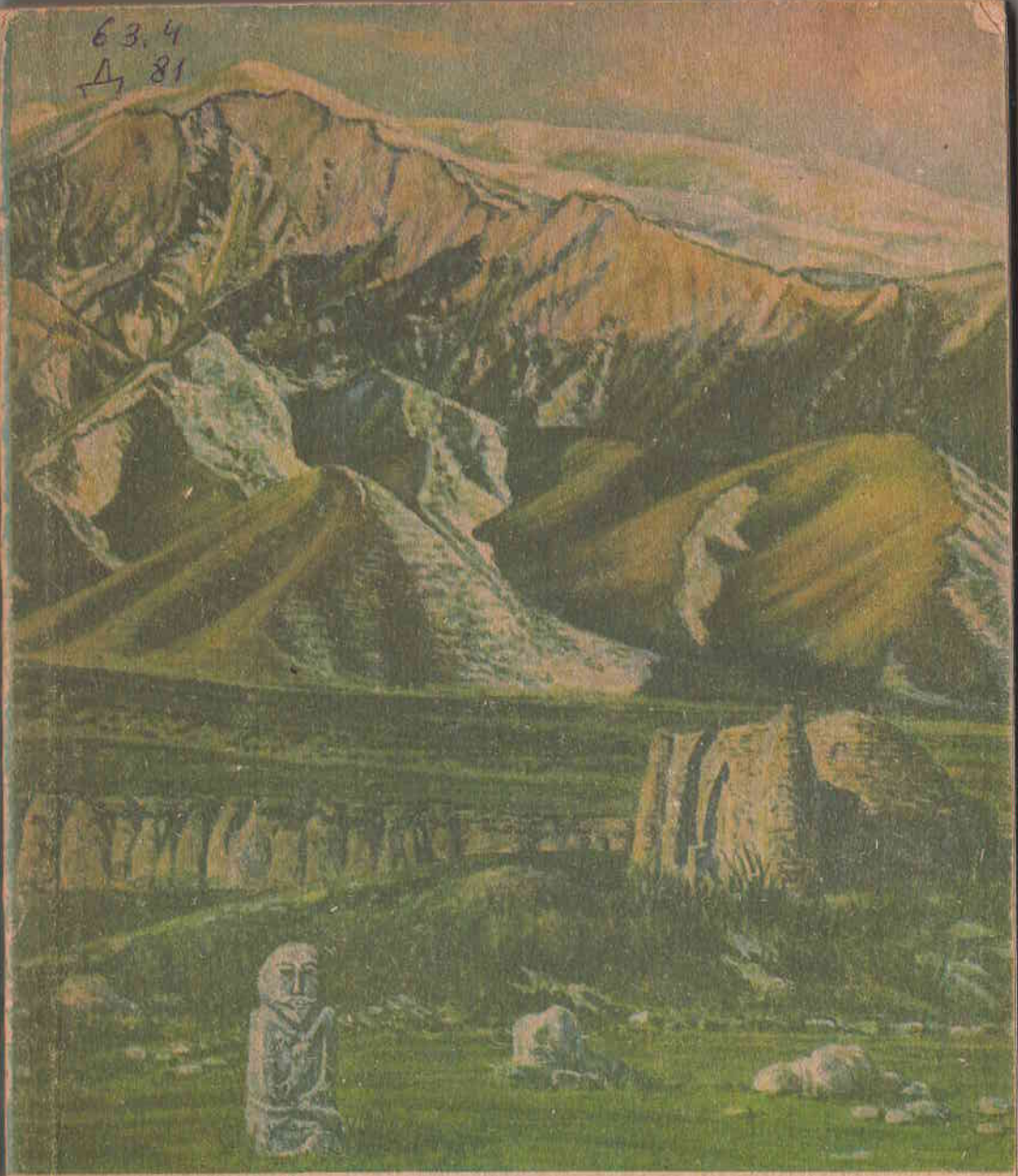

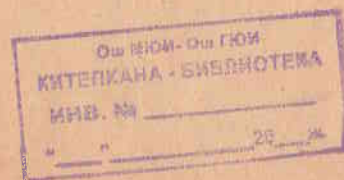
63.4
Д 81

Б. Дуйшеев

ПАМЯТЬ ТЯНЬ-ШАНЯ

ПАМЯТЬ ТЯНЬ-ШАНЯ

Рецензенты:

Доктор исторических наук Ю. Заднепровский, кандидат исторических наук А. Бабаев, В. Мокрынин

Дуйшеев Б.

Память Тянь-Шаня: Истор. очерки о памятниках Киргизстана XVIII—XIX вв. /Под ред. В. М. Плоских — Ф.: Мектеп, 1986. — 120 с.

В книге в научно-популярной форме на основе богатого экспедиционного материала рассказывается об историко-археологических памятниках Киргизстана XVIII—XIX вв. Дается история, характеристика и описание кокандских и киргизских крепостей, являвшихся оплотом ханской власти в Киргизии, памятников культовой архитектуры — гумбезов и мазаров, приводятся легенды, связанные с этими памятниками, рассказывается о горнорудных промыслах и декоративно-прикладном искусстве киргизского народа, о воспитательном значении памятников, их изучении и охране.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Д 0507000000—141
М 452 (17)—86 без объявл. — 86

ББК 63.4(2 Ки)

© «Мектеп» 1986 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Осенью 1984 г. Советский Киргизстан торжественно отметил свой 60-летний юбилей. За срок жизни одного поколения пройден путь, равный векам, построено общество, о котором мечтали тысячелетиями, за которое отдавали жизнь лучшие представители всех поколений. Еще в рисунках Саймалы-Таша, дошедших до нашего времени, древние люди пытались осмыслить свое существование, свое призвание, свои чаяния. Это свидетельствует о том, что природе каждого человека, как современного так и первобытного, свойственны стремление познать прошлое, осознать настоящее, мечта о прекрасном будущем.

Как известно, до Октябрьской революции киргизский народ не имел собственных исторических хроник. Однако это не означает, что народ был лишен исторического сознания и знания. Не было и нет народа, который бы мыслил и действовал без учета опыта прошлого, без мечты о светлом будущем. «У всех народов, — подчеркивает академик М. П. Ким¹, — историческое сознание играло определяющую роль в формировании нравов, обычаев, традиций». Эта мысль особенно четко прослеживается на материалах устного народного творчества. Так, в героическом эпосе «Манас» в легендарном преломлении киргизский народ выражал свои представления о собственной истории, о взаимоотношениях с другими народами, свои мечты о лучшей жизни. Веяния далеких времен его многовековой истории донесли до нас традиционные предметы материальной культуры, национальный орнамент, архитектура надмогильных мавзолеев-гумбезов. Их исследования воссоздают картину трудовой жизни многих поколений, многовековой борьбы с природой за выживание, борьбы с внешними агрессорами за свободу и независимость. Этот период был ознаменован жестоким феодальным гнетом, нищетой и забитостью народных масс.

Советская власть дала киргизскому народу свободу, помогла создать национальную государственность, письменность, положила начало развитию образования, науки и культуры. 60 лет

¹ См.: Ким М. П. Проблемы истории и теории реального социализма. М., 1983, с. 8.

назад вышел первый номер газеты «Эркин-Тоо», началось научное изучение истории Киргизстана. Снаряжаются этнографические, археологические, социологические экспедиции, переводятся восточные источники, публикуются сборники документов. В 1956 г. выходит первое академическое издание «Истории Киргизии», в котором нашла освещение история с древнейших времен до середины XX столетия. Затем появляются монографические исследования, разрабатываются узловые проблемы истории Киргизии и обобщающие труды на более высоком научно-теоретическом уровне. Самым крупным результатом работы большого коллектива обществоведов нашей республики сегодня является подготовка пятитомной академической «Истории Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней», первый том которой вышел из печати к юбилею республики.

В настоящее время ведется комплексная работа по подготовке к изданию шеститомного «Свода памятников истории и культуры Киргизстана». Составленный кадастр памятников насчитывает уже более 5 тыс. единиц. В написании его принимают участие археологи, историки, архитекторы, художники, партийные и практические работники различных специальностей. Это своего рода «Красная книга» — память о прошлом, энциклопедическое издание всех памятников Киргизстана — от рисунков и каменных изваяний первобытного человека до современных скульптурных и архитектурных ансамблей.

Может создаться впечатление: все уже зафиксировано и описано, история, по крайней мере прошлая, исследована. Стоит ли дальше ею заниматься? Что нового может внести в ее изучение каждая следующая книга? Ответить на эти вопросы помогут новые археологические открытия.

При раскопках средневекового городища Невакет (совр. Красная речка, что в 36 км от Фрунзе), один из отрядов археологической экспедиции под руководством В. Д. Горячевой обнаружил буддийский текст, написанный на бересте древнеиндийским письмом «брахми». Здесь же были найдены несколько художественно оформленных керамических оссуариев (костехранилищ для погребения) со скульптурными изображениями, сценами посвящения огню, керамическая плита с рельефно отпечатавшей головкой жреца (или царя), держащего в поднятой руке алтарь с огнем. Иконографическое сравнение позволяет отнести находку к кругу зороастрийских образцов согдийской коропластики VI—VII вв.

Продолжались стационарные археологические исследования на Буранинском городище (средневековый Баласагун). Выявлена производственная мастерская, датируемая по комплексу находок XII в. Нижние слои дали керамику IX—X вв., образцы привозной посуды с трехцветной подглазурной росписью. Была найдена резная глиняная штукатурка с рисунками и арабскими кувшитскими надписями.

Фрагменты цветного стекла и многочисленной керамики, найденные при раскопках Баласагуна, переключаются со случайными находками осколков стекла, хумов и фрагментов керамики, обнаруженными в прошедший полевой сезон в Токтогульском районе отрядом Б. Дуйшеева. Особый интерес представляет то, что форма и орнамент хумов из Токтогула тождественны находкам со дна оз. Иссык-Куль.

Внимание ученых привлекло побережье озера у с. Дархан, сплошь усыпанное обломками средневековой керамики. Три года назад старожилы передали отряду поднятые со дна озера в этом месте два бронзовых кинжала, небольшой котелок, а в 1985 г. — большой жертвенный бронзовый котел со дна залива у с. Песчаное. Примечательно обнаружение здесь каменных зернотерок и древней керамики. Историки датируют эти предметы сакским временем — т. е. 2,5 тысячами лет.

В поисках подводных сокровищ киргизским археологам в 1984—85 гг. оказала помощь группа аквалангистов Московского института стали и сплавов под руководством С. С. Прапора. Первые же погружения у с. Дархан оказались результативными: коллекция собранной на берегу керамики пополнилась аналогичными образцами со дна озера. Причем керамика встречалась лишь на расстоянии до 1 км от берега, на глубине до 5,5 м и протяженностью до 3 км. В этом же квадрате был обнаружен размытый водой некрополь: на песчаном дне четко просматривались 7 костяков. Антропологические исследования показали: черепа женские и мужские, возраст средний — около 30 лет, тип европеоидный с примесями монголоидности. Обнаруженный кариец на зубах приблизительно средневекового времени и другие признаки говорили за то, что останки пролежали в воде около тысячи лет.

Керамика также датирована средневековым временем — X—XII вв. На глубине около 3 м нашли жернов — *жаргылчак*. Обычная находка, характерная для средневековых поселений Киргизии. Значительный интерес представляет поднятая со дна, с глубины 2 м, небольшая медная монета, полностью окислившаяся. Когда ее очистили от патины, оказалось, что это лишь заготовка для монеты — круглый кусочек бронзы. Такие образцы в Семиречье и на территории Киргизии археологи находили и раньше, кстати, и при раскопках на Красной речке. Они имели хождение в Караханидском каганате в XI в. наряду с тисненными монетами.

Исследование материала обнаруженного комплекса показало, что открыто новое средневековое городище, погребенное под водами оз. Иссык-Куль. Как и древние курганы, и оплывшие средневековые холмы Киргизии, оно хранит еще немало подводных тайн. Их изучение — дело предстоящего будущего.

Уделяя большое внимание памятникам древней и средневековой культуры, ученые оставляли в стороне фортификационные

сооружения — кокандские крепости и киргизские архитектурные мавзолей-гумбезы. Три года назад их специальным изучением занялся научный сотрудник Института истории республиканской Академии наук Б. Дуйшеев. Три полевых сезона интенсивных поисков дали интересный материал. В процессе работы над ним археологи пришли к заключению, что, несмотря на кочевой образ жизни, киргизский народ сумел пронести через века традиционные элементы архитектуры, сохранил уникальную материальную и духовную культуру, свидетельством чего являются древние рукописи, эпитафии на камнях. И пусть не каждому было доступно строительство пышных гумбезов — они возводились над могилами феодалов или представителей исламского духовенства, но строил-то их народ. И потому оцениваем мы их как творение народных мастеров.

В памяти народа не сохранилось имени погребенной в гумбезе Манаса. Лишь в советское время ученые прочитали на портале мавзолея, что здесь 6 мая 1334 г. захоронена Канizeк-хатун, дочь эмира Абуки. Но памятник чтится и в наши дни. И не как надгробие некоей феодалки, а как народное архитектурное сооружение с самобытным национальным орнаментом, являющимся уникальным образцом киргизского прикладного искусства. Возможно, имя Канizeк ассоциировалось у народа с именем Каныкей — верной спутницы Манаса, которая по эпосу возвела ему это надгробие, с которым неразрывно связано представление народа о Манасе. Есть в эпосе проникновенные строки:

Так задумала Каныкей:
«Я шесть тысяч возьму кирпичей.
Я воздвигну Манасу гумбез...
Будет чудом он из чудес.
За веками пройдут века,
Но времен седая река
Обойдет и минует его,
Даже с места не сдвинет его.
Будет гордый гумбез нерушим,
Будет время бессильно пред ним...»²

В настоящее время памятник реставрирован, здесь создан литературно-этнографический музей.

А память вновь возвращает нас к прошлому. Узорным кружевом резьбы засиял реставрированный Узгенский комплекс XI—XII вв. Арабская вязь повествует о благочестивых святых, а перед нашим взором предстает филигранное мастерство народных умельцев. И будто не на молитву аллаху, а на поклонение искусству древних зодчих созывал с минарета народ муэдзин. Этот памятник, получивший вторую жизнь, и сегодня привлекает внимание как местных жителей, так и десятков тысяч

² См.: История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней, т. 1. Фрунзе, 1984, с. 598.

туристов, приезжающих издалека. Историко-археологический музей под открытым небом — «Бурана» создан на месте столицы некогда могущественного государства Караханидов Баласагун. Здесь сосредотачиваются находки со всех археологических объектов республики.

Памятники истории и культуры Киргизстана сегодня выступают уже не как немые свидетели прошлого, а как живые участники необъятной стратиграфии культуры, начиная с находок каменного века до современной архитектуры и искусства. Они помогают воссоздать историю, возродить память о прошлом, ибо прошлое, став неразлучным спутником настоящего, служит будущему — делу эстетического и интернационального воспитания трудящихся. Вот потому-то именно сейчас и приобретает особую значимость ленинский завет о бережном отношении к культурному наследию прошлого, приобщении к нему многомиллионных народных масс.

Исследование прошлого, изучение его, память о нем могут и должны занять достойное место в арсенале идеологической работы, ибо история — непреходящий великий учитель. «Каждое новое поколение, вступающее в жизнь, — говорил М. С. Горбачев в докладе на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС», — обращается к ее истокам, ибо гражданская и политическая зрелость неотделима от истории страны, от ее героических страниц»³.

Книга Б. Дуйшеева открывает новую страницу в истории культуры киргизского народа, знакомит с археологическими открытиями памятников XVIII—XIX вв., которые займут достойное место в многотомном «Своде памятников истории и культуры Киргистана».

В. Плоских

³ Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1985, с. 45.

БЕРЕЧЬ, ИЗУЧАТЬ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Интерес к памятникам истории и культуры возрастает с каждым годом. Особая тяга ученых к проблемам, связанным с наследием прошлого, отнюдь не случайна. Памятники старины давно уже признаны ценными историческими источниками, поскольку отражают многовековую историю того или иного народа, его роль в истории мировой цивилизации. Созданные многовековым трудом и талантом народа, они являются сокровищницей народной мудрости, жизнеутверждающей правды, раскрывают исторические взаимосвязи народов, их борьбу за социальное и национальное освобождение. Памятники служат целям науки, просвещения, культуры, интернационально-патриотического и эстетического воспитания народа.

Культурное наследие киргизского народа составляет неотъемлемую часть общечеловеческой культуры, а археолого-архитектурные памятники по праву входят во «всесоюзный музей под открытым небом». С каждым годом история культуры пополняется новыми открытиями, становится достоянием миллионов трудящихся.

Благодаря постоянной помощи Коммунистической партии охрана памятников, умножение культурных богатств получили в нашей стране небывалое развитие. Осуществление ленинских принципов сбережения культурного наследия и приобщения к нему широких масс стало делом миллионов людей. В идеологической направленности этой важной задачи самым примечательным является то, что советские люди воспитываются в духе уважения к сокровищам культуры всего человечества и населяющих нашу Родину народов, в духе советского патриотизма и интернационализма.

Стратегия КПСС объемно и точно выражена лаконичной формулировкой: «Все во имя человека, все для блага человека». На XXVI съезде КПСС большое внимание было уделено вопросам культурного строительства, духовной жизни. Съезд поставил перед научной и творческой интеллигенцией ряд сложных и принципиально новых задач. Такой подход обусловлен су-

щественными изменениями, происходящими в духовной жизни советских людей, всех социальных слоев нашего общества. Новым подтверждением этого являются и материалы последних пленумов ЦК КПСС, поставивших перед обществоведами ответственную задачу решительного поворота к реальным практическим проблемам.

Общественные науки призваны служить целям построения нового общества. Определенная роль в этом принадлежит памятникам истории и культуры как своеобразному арсеналу прошлого, в полной мере используемого для строительства будущего. Поэтому эффективней должна осуществляться работа по изучению, охране и пропаганде памятников истории и культуры в свете нового Закона СССР и Киргизской ССР об их охране и использовании. Дело охраны памятников требует координирования совместных усилий всех организаций, в той или иной мере причастных к охране, научному изучению, выявлению и пропаганде культурного наследия. Комплексный подход к проблеме — требование сегодняшнего дня.

Время и сама суть ленинского учения нацеливают всех участников этого весьма значимого общественного движения на разрешение научной задачи кардинального значения — все более глубокого раскрытия историко-региональных пластов культуры и одновременно их пропаганда. В процессе взаимообогащения культур памятники выступают уже не как немые свидетели прошлого, а как живая память о нем.

Киргизский народ — в прошлом кочевой и почти поголовно безграмотный — до революции не имел постоянных, оседлого типа жилищ — ни домов, ни дворцов, и, соответственно, архитектуры и монументального искусства в современном понимании этих значений. Он не имел даже своей национальной письменности. И хотя упоминания о киргизах в письменных источниках соседних народов восходят к глубокой древности, своей письменной истории до революции он так и не создал. Да и что, казалось бы мог оставить после себя скотовод-кочевник, который даже свое жилище — разборную юрту — перевозил с собой при перекочевках с места на место также, как и свой нехитрый скарб? Поэтому, естественно, может возникнуть вопрос: о какой же архитектуре может идти речь, если не было градостроительства? И как-то само собой получалось, что отрицательный ответ накладывал негативный отпечаток на исследование и изучение памятников киргизского народа XVI—XIX вв. И только в последнее время исследователи заинтересовались такими творениями прошлого как крепости и гумбезы, хотя уже давно изучаются гумбез Манаса и Узгенский комплекс, Шах-Фазиль, башня Бурана и торговый караван-сарай Таш-Рабат в Центральном Тянь-Шане.

Народная память зыбка. Многие памятники, отдаленные от нас веками, не удается пока расшифровать. А вот о памятниках

XVIII—XIX вв. немало интересного может еще сообщить информатор, сохранивший в памяти рассказы отцов, дедов и прадедов. В первую очередь это касается культовых архитектурных сооружений, поскольку культ предков особенно чтился среди киргизов в прошлом, традиция эта не изжита еще полностью и сегодня.

Хочется обратить особое внимание именно на три вида памятников, которые сами по себе довольно быстро разрушаются, ветшают, исчезают. Это, во-первых, надгробные и культовые сооружения — гумбезы, мазары, мечети, медресе. Во-вторых, остатки крепостей — кокандских и киргизских — на территории Киргизии. В-третьих, эпитафии на камнях, отдельные документы, рукописи и книги, передававшиеся из поколения в поколение как семейные реликвии. Все они принадлежат к XVIII—XIX вв. Археологи к ним относятся несколько свысока: эти слишком поздние объекты не представляют для них особого интереса. Не занимают ими специально и этнографы. К тому же постепенно уходят из жизни информаторы — ключ к этнографическому познанию объектов. Вот потому-то памятники эти и предстают чаще как молчаливые стражи былого. Этот «орешек» можно раскусить лишь общими усилиями — археологов, этнографов, историков, поскольку объекты находятся на стыке этих трех дисциплин. Соединение исторического, этнографического и археологического поисков исследований поможет полнее раскрыть картину жизни и быта тех времен. Только в комплексном соединении истории, археологии, этнографии могут быть решены многие вопросы сравнительно недавнего прошлого Киргизстана — XVIII—XIX вв.

На территории Киргизстана, как и во всех странах древнего мира, общественная жизнь была тесным образом связана с религиозными воззрениями, со сменой политической власти и сложными этническими процессами. Все это ставит перед советской наукой задачу объективного и глубокого, основанного на тщательном анализе источников, исследования всех пластов культурного наследия. Памятники истории и культуры в наши дни все больше получают острое политическое звучание, а подчас явно тенденциозную трактовку со стороны фальсификаторов, служат предметом идеологических споров и даже диверсий.

Средневековые памятники Киргизии относятся к поре, часто именуемой в научной литературе «мусульманским Ренессансом». Еще до недавнего времени они считались произведениями «мусульманской культуры» или «мусульманского искусства», а художественный вкус средневековых зодчих представлялся как производное от религиозной идеологии. В работах советских ученых убедительно доказано, что ислам был существенным, но далеко не главным, не определяющим элементом в «искусстве ислама». Эта художественная общность в произведениях архитектуры, монументального и прикладного искусства охваты-

вала, прежде всего, страны Среднего Востока и была вызвана рядом причин: единообразием процесса общественного развития, переплетением исторических судеб с древнейших времен, а затем — в системе арабского халифата; универсальной ролью арабской письменности, ставшей связующим звеном для ираноязычной и тюркской среды; постоянными контактами ряда стран и народов, обусловленными широкими политическими, культурными и экономическими связями, непрерывным обменом художественного опыта. Но при всем сходстве типовых зданий, связанных с отправлением культа ислама, при углубленном анализе произведений художественной культуры и архитектуры отчетливо проявляется местная специфика. Памятники Киргизии X—XI вв. отнесены исследователями к Ферганской и Северо-Туркестанской архитектурным школам, сложившимся уже в XI в. Истоки их, однако, лежат в доарабской и даже — восточно-эллинской среде. Так, средневековое зодчество отражает связь времен, доживший до наших дней духовный опыт многих поколений. Средневековому мастеру обязаны мы многими конструкциями, пережившими века, и продолжающими сохраняться и сегодня в народном жилище населения Средней Азии, в том числе Киргизии; вплоть до нового времени дожили при возведении мемориально-культовых сооружений и основные планировочные схемы. И не ислам, а народные традиции, идущие из глубины веков, прослеживаются в их решении. Уже древние саки возводили мавзолеи. Прототипом средневековых усыпальниц послужили так называемые наусы, курумы и мугхона полуоседлого населения Ферганы и Семиречья, характерные для первых веков н. э. В киргизских мавзолеях-гумбезах сохраняется давняя традиция погребальной обрядности.

Еще в середине прошлого столетия Чокан Валиханов, посетив Иссык-Кульскую котловину, обратил внимание на единичные строения киргизов своеобразной архитектуры. Это были мавзолеи, которые строились из глины, а иногда с использованием средневекового глазурованного кирпича, выбрасываемого в штормы на берег волнами озера. Тогда же Валиханов в своем «Иссык-Кульском дневнике» отмечал, что если говорить об архитектуре кочевых киргизов, то следует говорить именно о надгробной архитектуре — гумбезах¹. Внимание Валиханова привлек гумбез Ногая в устье р. Тюп, он сделал зарисовки гумбеза сына Джантая. В наши дни не удастся обнаружить даже их развалин. Однако сохранились рисунки гумбезов и описание мавзолеев, сделанные Валихановым и Семеновым-Тянь-Шанским.

Поскольку строительный материал был непрочным, в основном глина, а у населения было еще предубеждение против ремонта гумбезов — все это привело к тому, что с XVIII — первой

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 томах, т. 1. Алма-Ата, 1984, с. 253—255.

половины XIX в. таких мавзолеев сохранилось немного — можно сказать единицы. Правда, в это время возводились отдельные мавзолеи и из более прочного материала, иногда из жженого кирпича. Например, гумбезы Тайлака в Центральном Тянь-Шане, Идриса Пайгамбара на Чаткале, гумбезы в Арсланбобе и некоторые другие, которые в неплохом состоянии дошли до наших дней.

Другой вид памятников — крепости — сравнительно несложные фортификационные сооружения XVIII—XIX вв. По письменным источникам прошлого они исчисляются в несколько десятков — в том числе Пишпек, Токмак, Каракол, Барскаун, Конурулен, Суфи-Курган, Дараут-Курган, Чиназ и др. Но до нас дошли лишь три: крепость Кан в среднем течении р. Сох, Дараут-Курган в Чон-Алае и Чолок-Коргон в Центральном Тянь-Шане. Остальные были разрушены во время восстаний киргизского народа против кокандского владычества. Ветер, дождь, снег и хозяйственная деятельность человека довели до разрушения.

По образцу и подобию отдельных кокандских крепостей, но гораздо меньших размеров, возводили свои укрепления в прошлом столетии и киргизы: Ормон-Коргон на Сан-Таше, Кызыл-Ункур на Иссык-Куле, Чон-Коргон в Кетмень-Тюбе и некоторые другие. Сегодня от них остались лишь одни названия. Чтобы составить хотя бы их план, нужны кропотливые поиски на местности, зачистка и даже археологические раскопки.

Немалый интерес представляют материальная культура и декоративно-прикладное искусство киргизского народа прошлых веков, которые не были еще предметом специального исследования и выявление и изучение которых непосредственно связано с полевыми историко-этнографическими работами.

Важное значение в процессе познания прошлого своего народа представляют горнорудные промыслы Сары-Джаза и Ак-Тюза, раскрывающие секреты древних умельцев, а также эпитафии, рукописи, книги и отдельные документальные памятники.

Памятники — наше национальное достояние, и их поиски и изучение — долг не только ученых, но и представителей общест-венности, учащейся и студенческой молодежи.

В республике проводится большая работа по охране, изучению и пропаганде культурного наследия. Свидетельством тому служит принятый Закон Киргизской ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (декабрь 1977 г.). Новым проявлением заботы государства о сохранности памятников истории и культуры явилось постановление правительства республики «О подготовке и издании „Свода памятников истории культуры Киргизской ССР“» (июль 1981 г.) в шести томах. В них получают энциклопедическое освещение как памятники древности и средневековья, так и памятники

XVIII—XIX вв., историко-культурные мемориалы и ансамбли советского периода.

Вместе с тем особенно сейчас заметны многочисленные недочеты и упущения, без устранения которых невозможно полноценное использование этого богатейшего наследия в целях патриотического, интернационального и художественно-эстетического воспитания трудящихся. На многих памятниках отсутствуют мемориальные доски, нет охранных надписей даже на больших — союзного значения памятниках археологии и архитектуры.

Нередко еще приходится стадживаться с фактами бесконтрольности и отсутствия элементарной охраны памятников на местах. Представители исполкомов местных Советов зачастую даже не знают, о каких «буграх» идет речь при распашке полей. Нельзя сказать, что никакой работы в этой области не проводится. Но того, что делается в основном по линии Общества охраны памятников, пока явно недостаточно. Хочется, чтобы была понята сама идея важности историко-археологических и культовых памятников, чтобы и хозяйственные работники, и местные власти, и общественность от равнодушия к ним перешли к их сохранению и пропаганде. Ученые, со своей стороны, сделали бы все, чтобы эти памятники стали доступны всем, чтобы все желающие могли с ними познакомиться по статьям или книгам.

Сегодня основная задача для нас, да и не только для нас, — это проблема общесоюзная — в налаживании научного контроля и археологического надзора на строительных и хозяйственных работах, ибо памятники Киргизии — единственное свидетельство нашей истории, о которой письменные источники сохранили очень немногое.

Многонациональная социалистическая культура восприняла все лучшее из историко-культурного наследия прошлого страны. Культура народа — это его память. Не может, не должно быть разрыва нити памяти. Реакционные силы всегда стремились убить в народе память о прошлом, разорвать связь поколений, превратить людей в несчастных манкуртов, не помнящих родства. В связи с этим хочется обратить внимание на легенду, мастерски вплетенную Ч. Айтматовым в сюжетную ткань романа «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»), легенду о манкурте — рабе, у которого жуаньжуаны жестокими пытками отбивали память. И манкурт потом уже «не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери, одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом»². Вот таким несчастным манкуртом, не помнящим своего прошлого, может стать народ, предающий забвению историю.

² Айтматов Ч. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981, с. 109.

Крупный американский философ Дж. Сантьяна (1863—1952) как-то сказал: «Народ, который не помнит своего прошлого, обречен вновь его пережить». Автор, правда, упоминал о трагедиях в жизни народов, катаклизмах истории, которые непременно быстро забываются. Но это распространяется и на более широкие ассоциации, на все прошлое и предомлиени к современности. Бесцельно уничтожая исторические памятники, мы иногда вольно или невольно губим память о прошлом.

Обобщая опыт, накопленный человечеством и его поступательном движении, анализируя прошлое, извлекая из него необходимые уроки, история обращает свои взоры в настоящее и будущее, и памятники уже становятся не молчаливыми стражами тайн былого, а открытой книгой, читаемой современником.

В настоящее время зарубежные буржуазные идеологи Запада и Востока как бы смыкаются в своих фальсификациях советской исторической действительности и истории культуры, в частности, народов Средней Азии. К примеру, турецкий ученый, профессор Кемаль Х. Карпат, являясь активным пропагандистом пантюркистской идеи, пытается и культуру среднеазиатских народов представить лишь как общетюркскую исламскую культуру, идеальным образцом которой считает Турцию. К истокам этой «общетюркской» культуры пантюркисты относят и такие памятники письменности среднеазиатских народов, как «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий») Махмуда Кашгарского и дидактическую поэму «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского. Научный анализ не только археологических и архитектурных, но и письменных памятников опровергает клеветнические измышления буржуазных фальсификаторов, доказывает самобытность развития среднеазиатских народов, в частности, киргизского народа.

Современное развитие археологической, как и всей исторической науки, вышло за рамки отдельных республик. Сегодня невозможно решать проблемные вопросы истории Киргизии без привлечения материалов других среднеазиатских республик. Все чаще принимаются решения научных всесоюзных совещаний и конференций по совместному изучению того или иного объекта, имеющего общерегиональное значение. Археологические изыскания, развернувшиеся широким фронтом во всех уголках Средней Азии и Казахстана, каждый год дают новые материалы для исследования той или иной историко-культурной проблемы.

Однако темпы изучения памятников отдельных эпох в Киргизии заметно отстают от других республик. А между тем неисчерпаемые духовные богатства хранит земля, и ждут исследователей сотни древних городов и селений Киргизии, средневековых крепостей-курганов, гумбезов. Поэтому не случайно начато стационарное изучение представляющих науч-

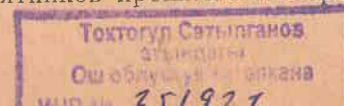
ный интерес и перспективных раннесредневековых городищ у с. Красная речка и Бурана, рассчитанное на многолетние комплексные археологические исследования, как это практикуется в других республиках, начато научное исследование крепостей и гумбезов XVIII—XIX вв., изучаются горнорудные промыслы, материальная культура и декоративно-прикладное искусство киргизов.

В последние годы подход к делу сохранения памятников истории и культуры стал более целеустремленным, научно-организованным, широким и планомерным. Сейчас задачи в области охраны памятников не сводятся лишь к кругу вопросов, связанных с их охраной и визуальным обследованием, а организуются заповедные зоны их естественного, приближенного к древности окружения, создаются музеи под открытым небом. Восемь лет уже работает музей под открытым небом на базе археолого-архитектурного комплекса «Бурана», создан литературно-этнографический музей «Гумбез Манаса», решен вопрос об организации заповедника «Тахт-и Сулейман» в г. Оше, полностью отреставрирован Узгенский архитектурный комплекс, законсервирован Таш-Рабат, реставрируется мавзолей Шах-Фазиль.

Решать вопросы охраны культурного наследия в настоящее время невозможно без учета общих градостроительных задач и застройки населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры. К ним относятся такие исторические города, как Фрунзе, Ош, Узген, отдельные поселки — Наукат, Гулистан (Ошская область) и другие. Как и по всей стране, здесь проводятся большие и систематические работы по реконструкции городов с памятниками истории и культуры. Современные мероприятия по планировке и застройке сочетаются с их охраной и использованием. И это понятно, поскольку исторически сложившиеся комплексы, сочетаясь с современной застройкой, являются как бы связующим звеном прошлого с настоящим. Архитектурно-археологическое наследие — это овеществленный опыт культуры народов, отражающий крупные вехи в его историческом развитии. Оно помогает увидеть нашу жизнь в движении, в протраственнных и временных связях.

Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в число памятников включает не только отдельные здания и сооружения, но и «памятники градостроительства и архитектуры — архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов, а также связанные с ними произведения садово-паркового искусства, природные ландшафты».

Таким образом, Закон гарантирует сохранность всей исторической и природной среды архитектурных зданий и сооружений. Восстановление памятников прошлого и современное строитель-

ство должны стать единым творческим процессом преобразования окружающей среды и облика наших городов. Целенаправленное использование исторического памятника даст ему как бы вторую жизнь.

Поэтому первоочередными для археологии и архитектуры остаются задачи установления охранных зон памятников, зон регулирования застройки, охраны исторического ландшафта, служащие сохранению целостности и наилучшего обозрения комплексных памятников истории и культуры. Расскажем подробнее о таких памятниках, как крепости, гумбезы, скульптуры древних тюрков, материальная культура и декоративно-прикладное искусство, горнорудные промыслы, раскрывающие историю культуры киргизского народа.

Каждый наш рассказ — это этюды о результатах трехлетних экспедиционных работ по обследованию памятников истории и культуры Киргизстана дореволюционного периода, которые найдут отражение в шеститомном «Своде памятников истории и культуры республики».

КОКАНДСКИЕ И КИРГИЗСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

елое столетие (со второй половины XVIII до второй половины XIX в.) история Киргизии была неразрывно связана с Кокандским ханством. И все это столетие киргизский народ неустанно боролся, сначала против завоевательных походов кокандских ханов, затем — против ханско-феодалного гнета. Упорная борьба способствовала падению ханской деспотии. Однако путь народа к этому был долгим и трудным. Южные районы Киргизии были завоеваны кокандскими войсками в ходе упорного сопротивления киргизского народа с 1762 по 1821 г., а северные — с 1825 по 1832 г. Завоевательную политику кокандцев облегчали межфеодалные родоплеменные усобицы.

Предыстория. Кокандский правитель Ирдана, используя в качестве повода для нападения на киргизов разграбление феодалами племени адыгине одного из кокандских купеческих караванов, торговавших с Восточным Туркестаном, неожиданно напал в 1762 г. на Ош и Узген¹, взял с бою крепость Мады. Объединенные силы племен ичкилик, адыгине и монголдор под руководством Хаджи-бия не смогли выдержать натиска и отступили в горы. Чтобы закрепить свое господство, Ирдана оставил в Оше не только своего наместника с отрядом войск, но и направил туда 50 кокандских колонистов для организации здесь рисовых плантаций². Так было положено начало не только кокандскому завоеванию Киргизии, но и колониционному закреплению плодородных долинных земель киргизов, которые частично были оттеснены в предгорья Ферганского хребта, на Алай и Памир. Постепенно и сюда доходят щупальца кокандских войск. Но там кокандцы уже вступали в прямое соприкосновение с новым китайским имперским наместничеством — Синьцзян, с цинскими пограничными разъездами и пикетами. Для определения границ своих владений и для закрепления за собой за-

¹ Бернштам А. Источники по истории киргизов XVIII в. — Вопросы истории, 1946, № 11—12, с. 129.

² Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977, с. 223.

воеванных киргизских земель кокандцы начали возводить укрепленные глинобитные сооружения. Так возникли крепости Таш-Курган на Памире, Суфи-Курган и Дараут-Курган на Алае.

В 1821 г. Омар-хан завершает завоевание Южной Киргизии, посплав в зимний поход на Кетмень-Тюбе своего полководца Сеид-Кул-бека. Сопровождение киргизов во главе с неким Сатыке успеха не имело³. Для утверждения здесь своего господства на р. Узун-Ахмат, в месте слияния ее с Нарыном, было воздвигнуто одноименное укрепление, известное среди киргизов как Улуг-Коргон.

В 1825 г. кокандские войска завоевали Чуйскую долину и возвели здесь самые восточные свои крепости Пишпек и Токмак, в которых оставили военные гарнизоны. На Иссык-Куль направляется кокандское посольство с предложением принять подданство Коканда. Но планы мирного присоединения прииссыкульских киргизов сорвались. Бугинцы высказались за единение с Россией⁴. Тогда кокандские ханы решили действовать силой: они направили весной 1831 г. войска через Тянь-Шань на южное побережье Иссык-Куля во главе с минбаши Хак-Кулы, а из Ташкента на Иссык-Куль вышел с войсками Ляшкер-кушбеги. Разбив на Тянь-Шане сопротивление объединенных сил саяков и чериков под руководством братьев Тайлака и Атантая, Хак-Кулы основал три крепости — Тогуз-Тороо, Джумгал и Куртка, а Ляшкер-кушбеги — Каракол, Барскаун и другие на Иссык-Куле.

Цепь крепостей, воздвигнутая в центре киргизских кочевий, а также на границе с Китаем, с одной стороны, закрепляла кокандское господство в Киргизии, с другой — отражала грабительские набеги цинских войск. Четверть века спустя Чокан Валиханов писал об этих крепостях: «Кокандцы, подчинив ди-кокаменных киргиз, опоясали границы Восточного Туркестана до самого Хотана»⁵.

В «Описании Кокандской военной линии на р. Чу», составленном старшим адъютантом отдельного Сибирского корпуса капитаном генерального штаба М. И. Венюковым, даны планы кокандских укреплений Токмак и Пишпек. В нем говорится, что кокандская линия укреплений в Причуйской стране имела двойное значение: во-первых, охраняла границу, которой кокандцы считали р. Чу, во-вторых, поддерживала их владычество над разными родами киргизов, кочующих от Иссык-Куля на запад, преимущественно по левому берегу р. Чу.

Линию эту составляли восемь укреплений: Токмак, Пишпек, Ак-Суу, Ит-Кичу, Аулие-Ата, Чолок-Коргон (одноименное укреп-

ление было и в Центральном Тянь-Шане), Сузак. Все они были отделены от внутренних районов Кокандского ханства невысокими горами (Кызыл-Курт, Боролдай и Кара-Тау), составляющими одну цепь, а первые четыре, кроме того, заснеженным хребтом Киргизским Ала-Тоо. Сузак и Чолок-Коргон являлись форпостами на путях к Азрету и Ташкенту с низовой р. Чу, а остальные укрепления располагались на пути из Заилийского края в Коканд⁶.

В одной из первых энциклопедических статей о Кокандском ханстве, появившейся в середине прошлого столетия на страницах русской периодической печати, дана следующая характеристика крепостей:

«Границы Кокании прикрыты крепостями, в которых содержатся постоянные гарнизоны для досмотра проходящих караванов и для наблюдения за кочевым населением... На дорогах из России в Ташкент лежат крепостцы: Сузак и Чулак-Курган, впрочем, в последнее время кокандское правительство устроило впереди их новое укрепление при реке Чу... Куртка лежит на восточной покатости Белур-Тага не более как в двух днях пути от Кашгара»⁷.

Завоевание Северной Киргизии кокандцами длилось с 1825 по 1832 г., но господство их здесь оказалось непродолжительным. Крепости, возведенные, например, на Иссык-Куле в 1832 г., были разрушены повстанцами через 10 лет, в 1842 г., а в 1855 г. иссык-кульские киргизы добровольно вошли в состав России. Разрушенные населением или заброшенные кокандские крепости приходили в упадок. И даже путешественники второй половины XIX в. отмечали, что крепостей становится все меньше и меньше, пытались зарисовать их и описать.

Во время своего путешествия по Туркестану в 1867—1870 гг. В. В. Верещагин оставил несколько зарисовок кокандских крепостей, которые еще сохранили свои прежние очертания. Среди них «Янги-Курган», «Развалины старинных крепостных стен», «Бывшее укрепление Кош-Тегермен близ города Ходжента», «Сторожевая башня в долине реки Чу». До наших дней они дошли в развалинах, и лишь археологические данные, дополненные сведениями архивных источников, позволяют воссоздать их первоначальный облик.

Еще в 70-х годах прошлого столетия царский посланник в Кашгар А. Н. Куропаткин писал, что совсем недавно Кокандское ханство было могущественнейшим в Средней Азии. Границы его доходили от города Чимкента на западе, до Нарынского края на востоке, где было построено укрепление Куртка. Ко-

³ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973, с. 228.

⁴ Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. — Исторический архив, I. М.—Л., 1936, с. 249.

⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 2. Алма-Ата, 1962, с. 326.

⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 11, док. 54. Отдельные документальные материалы любезно предоставлены В. Я. Галицким.

⁷ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. — Зап. РГО, кн. III. СПб., 1849, с. 214.

кандцы владели всей горной полосой до выхода в Кашгарскую равнину. Кургашин-Кани и Таш-Курган считались пограничными передовыми постами кокандцев, местом сбора зекета — налогов с кочевников — и пограничными форпостами, сдерживавшими агрессивные посягательства Цинского Китая.

«Пока правительства были сильны, — отмечал Куропаткин, — они воздвигли в горах ряд укреплений, с помощью которых держали в руках горское население. Ослабление власти правительства прежде всего отразилось на горах. Тогда целые роды кара-киргизов и кипчаков обыкновенно не только отказывались платить установленный незначительный зекет со своих стад, но, собравшись в шайки, вторгались в долину и окончательно подорвали начавшее ослабевать правительство»⁸.

Кокандские крепости по своим размерам и назначению делились на три группы: крупные, средние и мелкие.

Крупные крепости, как правило, располагались в стратегических пунктах и хорошо укреплялись. Размеры такой крепости достигали 1,5—2,5 га. Обносилась она двойной или даже тройной крепостной стеной и снаружи рвом. Гарнизон ее составлял от 500 до 1500 чел., на вооружении крепости имелось несколько пушек.

Крупные крепости в настоящее время можно реконструировать лишь по планам и описаниям, составленным русскими топографами и военными еще в прошлом столетии (Венюков, Картусов, Вараксин, Стрельников, Шестаков, Гречков). К ним относятся крепости Пишпек, Аулие-Ата, Чалдовар.

Пишпек. По сведениям русских источников, крепость была построена в одноименном урочище в 1825 г. кокандским главнокомандующим Ляшкером-кушбеги по приказанию Мадалихана. В свое время она являлась крупным административным центром кокандцев по управлению киргизским населением в Семиречье, опорным пунктом сборщиков налога, торговой факторией и фортификационным форпостом на крайнем северо-востоке Кокандского ханства. Площадь Пишпека первоначально составляла 2,25 га.

Согласно киргизской народной легенде, ранее на этом месте был похоронен некто из племени солто по имени Пишпек (*бишкек* — буквально: мутовка для взбалтывания кумыса). Ему посмертно был возведен мавзолей-гумбез. Поэтому и основанное здесь кокандское укрепление было названо Пишпеком⁹.

Отстроенная на остатках раннесредневекового городища «Кузнечная крепость», крепость Пишпек располагалась на левом берегу р. Аламедин, вытекающей из заснеженного Киргиз-

ского хребта. Находясь в центре зимних киргизских пастбищ и на перекрестке скотопроегонных и торговых путей, она занимала, таким образом, господствующее положение.

Крепость имела типичную для позднесредневековых глинобитных укреплений застройку, ее окружали два ряда широких и высоких стен, изрезанных бойницами и амбраурами, угловые башни и ворота, по внешнему обводу стен проходил ров. В плане крепость имела неправильный четырехугольник, за первыми крепостными стенами располагались жилые постройки, казармы, лавки, мазанки торговцев. Внутри цитадели, занимавшей восточную часть укрепления, находился дом коменданта крепости и других начальников. Здесь же размещались караульные службы, оружейные склады, казначейство и разные хозяйственные помещения — продовольственные склады, бойня, а также колодец¹⁰.

Источники сообщают о Пишпеке как крупном перевалочном торговом центре. Здесь имелись караван-сарай для купцов, мечеть, лавки. Вблизи западной стены военной крепости строило дома кокандское гражданское поселение. Здесь жили купцы и земледельцы.

Чтобы обеспечить повиновение окрестного киргизского населения, коменданты крепости Пишпек держали у себя заложников (аманатов) — детей или родственников крупных киргизских феодалов, разжигали межфеодалные распри, поддерживали родоплеменные уوبيцы. В Пишпеке имелся зиндан — тюрьма-колодец.

Сохранилось несколько описаний, рисунков и чертежей крепости Пишпек — до и после взятия ее совместными усилиями киргизских повстанцев и русских войск. Описывая крепость, один из современников отмечал, что она обнесена двойной стеной. Внутренняя стена выше наружной и до того широка, что по гребню ее, как уверяли, может проехать телега.

Наружный ров, окружающий стены, был глубок, ширина — от 10 до 16 м. На стенах располагалось 8 медных и чугунных орудий. В Пишпеке находился гарнизон в 500 джигитов, которые набирались преимущественно из киргизов, вооруженных пиками, и из сартов, имеющих ружья и сабли. Примерно столько же было сарбазов — регулярной пехоты.

С принятием в начале 1855 г. исык-кульскими киргизами российского подданства кокандцы спешным порядком укрепляют Пишпек, усиливают его гарнизон. До русских властей доходили слухи об активизации в Коканде и других городах Средней Азии деятельности турецких и английских агентов. Интересно в этом плане донесение западно-сибирского генерал-губернатора Гасфорда военному министру от 31 мая 1855 г., в

⁸ См.: Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1870, с. 9.

⁹ Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977, с. 27.

¹⁰ См.: Галицкий В. Я. История города Пишпека, 1878—1917. Фрунзе, 1980, с. 20—21.

котором указывалось: «Кокандцы, подстрекнутые турецким султаном (и, вероятно, англичанами...), в числе 9000 человек под начальством родственника хана прибыли в первых числах мая в пограничную свою крепость Пишпек на верховья р. Чу»¹¹.

Сменился и комендант Пишпека, им был назначен Атабек. В этих условиях чуйские киргизы вынуждены были временно смириться с новым обложением налогами и бесчинствами кокандских солдат. Но ненадолго. Вскоре в Семиречье вспыхнуло одно из наиболее крупных антикокандских восстаний. Восставшие казахи и киргизы расправились с ненавистными сборщиками налогов, прервали сообщение между кокандскими крепостями и осадили Пишпек. Посланные против них отряды пяти кокандских пансатов (военачальников) были наголову разбиты под Пишпеком повстанцами. В конце концов восстание было подавлено.

В конце апреля — начале мая 1858 г. Атабек с отрядом войск в 5 тыс. человек вышел из Пишпека, перешел р. Чу и начал грабить окрестное население. Лишь узнав, что из Верного навстречу кокандцам вышло три роты пехоты и две сотни казаков, он вынужден был вернуться в Пишпек.

В 1860 г. из Верного для пресечения грабительских действий кокандцев и взятия Токмака, Пишпека выступил двухтысячный русский отряд под начальством полковника И. Э. Циммермана. Кочевавшим по Чу киргизам были разосланы обращения, что действия отряда направлены исключительно против кокандцев. 26 августа 1860 г. был взят Токмак, а вскоре после непродолжительной осады и Пишпек. Укрепление при активной помощи киргизов было разрушено¹². Но, когда русские войска возвратились в Верный, кокандцы вновь отстроили Пишпек, правителем которого в 1861 г. был назначен Рахматулла. Новый комендант рьяно взялся за выколачивание увеличившихся налогов, окрестное киргизское население заставил работать над восстановлением крепостей Токмак и Пишпек, призвал новых заложников. На «учебу» в Пишпек вынужден был отдать своего сына и один из крупнейших феодалов Чуйской долины Байтык Канаев, чей гумбез до сих пор возвышается справа от дороги из Фрунзе в Воронцовку.

Таким образом, против кокандцев зрело недовольство не только среди трудящихся масс, но и среди феодалов. А тут еще Рахматулла задержал 300 лошадей Байтыка да надругался над его сыном. Киргизское население решило снова выступить против кокандцев. Как свидетельствуют фольклорные материалы, во время одного из праздников Байтык уничтожил при-

ехавших к нему в аил Рахматулла с 60 сарбазами¹³. В сентябре 1862 г. восстали все киргизы Чуйской долины. В Верный был послан гонец за помощью. Подошедшие русские войска во главе с начальником Алатавского округа Г. А. Колпаковским осадили Пишпек. 24 октября 1862 г. кокандцы сдались. С помощью окрестного населения крепость Пишпек была окончательно разрушена¹⁴.

Мы остановились столь подробно на описании пишпекских событий потому, что, во-первых, крепость являлась самым крупным кокандским укреплением в Киргизии, и, во-вторых, описание любого фортификационного либо архитектурного сооружения без действующих лиц, без указания их роли в исторических событиях остается мертвым.

Аулие-Ата — средневековый Тараз (современный Джамбул). Находится это укрепление на территории Казахстана, однако, в свое время оно играло важную роль в проведении кокандской колонизационной политики в Киргизии.

Аулие-Ата, основанное в 1822 г., можно было назвать укреплением-городом и даже промысловым: это была одна из основных кокандских крепостей в Семиречье, превосходившая даже по размерам все остальные крепости. Здесь имелся большой базар и до 1500 человек жителей. Крепость была обнесена рвом и валом, имела 5 медных пушек и гарнизон джигитов в 100 человек и сарбазов до 500 человек. В 1859—1860 гг. на вооружении крепости было 8 пушек и несколько десятков больших ружей, стрелявших картечью. В полевых условиях их возили на верблюдах¹⁵. Лежащая у подножья гор, в долине Таласа, Аулие-Ата служила кокандцам важным оплотом в долине р. Чу, а также складом для военных и продовольственных припасов. Отсюда доставлялись провизия и прочие товары в Пишпек и другие ближайшие укрепления. Это был сборный пункт всех войск, направляемых к долине Сырдарьи, для охранения верховьев р. Чу. От крупных крепостей сегодня не осталось даже развалин.

Гораздо лучше сохранились укрепления средних размеров. Такие крепости имели площадь от 0,2 до 1 га. Они обносились мощной крепостной стеной, фланкированной по углам башнями. Высота стен достигала 5 м. По верхней части стен шел ряд бойниц. Такие крепости обычно имели гарнизон примерно из 100—200 воинов, вооруженных частью пиками и холодным оружием, частью — огнестрельным. В зависимости от обстоятельств гарнизон мог увеличиваться. На вооружении у крепости было

¹³ Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX века. Фрунзе, 1961, с. 22—23.

¹⁴ Галицкий В. Я. История города Пишпека, с. 29—30.

¹⁵ Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии XIX в. (первая половина), с. 59.

¹¹ Цит. по кн.: Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966, с. 182.

¹² Галицкий В. Я. История города Пишпека, с. 28.

несколько пушек. Такие крепости в основном контролировали близлежащие районы, караванные пути, являлись сторожевыми форпостами, их гарнизоны собирали с населения налоги.

В настоящее время более или менее хорошо сохранились лишь три такие кокандские крепости: Дараут-Курган на Чон-Алае, крепость Кан на р. Сох и Чолок-Коргон в Центральном Тянь-Шане.

Дараут-Курган. Крепость расположена в одноименном селе на левом берегу р. Кызыл-Суу. Первые сведения об этой крепости приводит А. П. Федченко, посетивший ее в 70-х годах прошлого столетия во время путешествия по Туркестану. А. П. Федченко нанес визит вежливости коменданту крепости Дараут-Курган Исмаилу-токсобе¹⁶. Исмаил-токсоба был назначен комендантом в 1870 г., когда в соседнем Каратегине правитель отказался от вассальной зависимости от Кокандского ханства и объявил себя независимым. С этого времени в случае восстания алайские киргизы имели возможность найти спасение в Каратегине. Одновременно токсобе поручили расширить и укрепить Дараут, который и приобрел современные очертания. Он представлял собой четырехугольник, обнесенный глиняными стенами высотой до 2 сажен, с одними воротами на северной стороне. Прежний коргон оказался целиком внутри новых застроек. Он и стал служить Исмаилу и его семье — детям и женам в качестве дома.

Внутри крепости были навесы, которые служили укрытием для людей, а в случае нападения являлись возвышенной опорой для стрельбы. Обширный двор предназначался для лошадей. Здесь же, видимо, держали скот и ставили юрты.

Гарнизон состоял из 50—60 всадников с ружьями и саблями, причем все были из местного киргизского населения. Гарнизон не держали постоянно, а собирали лишь в случае необходимости, в остальное время джигиты жили в своих домах¹⁷. Крепость была построена в первой половине XIX в. Обследование крепости нашей экспедицией летом 1984 г. показало, что это прямоугольное в плане укрепление сейчас имеет размеры 76 × 43 м, высота крепостных стен 4 м, по углам крепость фланкирована мощными башнями диаметром 3 м, высота башен 5 м, толщина стен у основания 1 м. В верхней части стен и башен на высоте примерно 2—2,5 м идет ряд бойниц для ружейного огня. Ворота расположены в центре северной стены. Снаружи крепость была обнесена небольшим рвом. С 1940-х годов она используется под склады. При землетрясении была частично разрушена, но затем восстановлена, за исключением двух угловых башен.

¹⁶ Токсоба — один из низших феодальных чинов в административной иерархии Кокандского ханства.

¹⁷ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950, с. 371.

Крепость вполне можно отнести к разряду исторических памятников, которые нуждаются в охране. В стенах крепости целесообразно создать историко-краеведческий музей Алая, который, несомненно, сыграет большую роль в историко-культурном воспитании подрастающего поколения.

А что известно о других алайских крепостях?

Некоторые сведения о них содержатся в записях А. Н. Куропаткина. Вот что он писал: «В 16-ти верстах от ночлега долина Гульчи образует широкую котловину. Прямо на юг виднеется продолжение Гульчинского ущелья с дорожкой на Алай. С запада в котловину входит ущелье Таушкан, по которому идет дорога на Мурдаш и Кызыл-Курган (можно обойти Янги-Арык). С востока же входит Терекское ущелье, ведущее на перевал Терек-Даван, в которое мы и свернули, и, пройдя мимо развалин зякетского поста, называемого Суфи-Курган, остановились на ночлег. Место, где был построен пост, находилось на пересечении двух путей из Кашгара и из Алая, выбрано удачно»¹⁸.

Куропаткин застал лишь развалины большинства крепостей. «При слиянии речек Гульчи и Мурдаша, — писал он, — лежат развалины зякетного поста Кызыл-Курган. Пост был построен 60 лет тому назад, при кокандском хане Омаре. Он состоял из четырехугольной стенки, сажен по 20-ти в стороне, сложенной из красной глины с фланкирующими башнями по углам. Цель поста заключалась во взимании зякета. В настоящее время от поста остались только развалины»¹⁹.

По источникам известно лишь, что во время восстания 1867 г. алайских киргизов во главе с Садыр-Серкером против ханского гнета повстанцы осадили и взяли Кызыл-Курган, а его коменданта Кул-датху убили²⁰.

Кан. В ходе экспедиционных работ 1984 г. на юге Киргизии нами была обследована, снята на план и сфотографирована еще одна кокандская крепость — Кан, которая до сих пор представляет собой внушительное сооружение. Ранее эта крепость неоднократно посещалась советскими археологами Ю. Д. Баруздиным, Ю. А. Заднепровским и другими, но так как целью их изучения были более ранние памятники, они ограничивались лишь фиксацией этого памятника.

Крепость расположена на правом берегу р. Сох на высоком холме, верхняя часть которого спланирована. Длина площадки, на которой расположена крепость, — 500 м, ширина — около 100 м. По краю площадки по всему периметру идет ряд крепостных стен высотой 2—2,7 м, в которых в шахматном порядке

¹⁸ Куропаткин А. Н. Кашгария..., с. 229.

¹⁹ Там же, с. 226.

²⁰ Взаимосвязи киргизского народа с Россией и народами Средней Азии и Казахстана. Фрунзе, 1985, с. 182.

расположены бойницы. Площадка разделена на две половины небольшим саем, и, естественно, крепость также делится на две части. Южная часть, очевидно, предназначалась для хозяйственных целей. Здесь же прослеживаются следы построек. Имелось двое ворот. Одни — в юго-западном углу, видимо, входные, другие, расположенные на северной стороне, соединяли южную часть крепости с северной. Между ними был небольшой коридорчик.

По сторонам от входных и соединительных ворот, по углам крепости и по центру крепостных стен расположены мощные полые башни диаметром 3 м с бойницами. Южная сторона крепости укреплена валом естественного происхождения, по верху которого идет крепостная стена.

Вторая, северная часть почти в два раза меньше южной. В северо-западном ее углу прослеживаются развалины трех прямоугольных в плане построек. В некоторых местах заметны постройки, примыкающие к крепостной стене. В центре южной части расположены ворота, фланкированные двумя башнями, соединяющие северную часть с южной. Определенной геометрической формы крепость не имеет, и визуальнo назвать ее размеры трудно. В стратегическом отношении крепость располагалась на очень удобном месте и фактически была неприступна: с одной стороны защищена крутыми склонами холма, с другой — горами. Крепость осуществляла контроль над всей межгорной долиной р. Сох. Наиболее уязвимым местом крепости являлось снабжение ее водой: в случае перекрытия единственного арыка она могла остаться без воды.

В исторических источниках сведений о крепости почти не сохранилось. Имеется лишь единственное упоминание об этой крепости, которая, кстати, названа просто Сох, и связано оно с народно-освободительной борьбой киргизского народа против кокандского гнета в целом и против ханского наместника в крепости Алима-кипчака в частности.

Все началось с того, что весной 1873 г. Худояр-хан направил к сохским киргизам очередных налоговщиков с требованием взыскать зекет в гораздо больших размерах, чем он взимался ранее: вместо одного барана с хозяйства хан требовал три. Население возмутилось, налоговщиков задержали, избили, часть их была убита. С каждым днем восстание ширилось. В июне 1873 г. была осаждена и взята крепость Кан (Сох) — хорошо укрепленный стратегический пункт в горах, где хранилась секретная казна хана. Казна и комендант укрепления Алим-кипчак были захвачены повстанцами²¹.

Сохское восстание явилось первой вспышкой широко развернувшейся позже народно-освободительной войны против ханского гнета, приведшей в конечном итоге к падению в 1876 г.

самого Кокандского ханства и добровольному вхождению южных киргизов в состав России.

Ханской власти не помогли и укрепления с карательными гарнизонами, разбросанные по всей Киргизии.

Чолок-Коргон. Другой крепостью, аналогичной Кану, но уже в Центральном Тянь-Шане, является Чолок-Коргон. В конце 40-х годов XX в. крепость снята была на план и описана А. Н. Бернштамом²², а в 1983 г. была обследована, зафиксирована и снята на план нашей экспедицией. Расположена она в двух с половиной километрах к северу-востоку от с. Конорчок Ак-Талинского района на территории колхоза им. В. И. Ленина. Крепость прямоугольной формы (35 × 40 м). По углам выступают 4 башни — овальные, в плане — в виде усеченного конуса. На восточной и западной сторонах крепости заметны остатки еще двух башен. Крепость разделена на 2 неравные части стеной: на северную и южную. По всей стене и на башнях на высоте 2 м идет ряд бойниц. К южной стене примыкают пять построек, в северной части крепости их нет. Вход расположен в центре западной стены. Разрушены юго-восточная и северо-западная башни, часть северо-западной и восточной стены. Высота сохранившихся стен — 3,3 м. Стены построены из паховых блоков, имеют, как и башни, щелевидные бойницы. Стратегически крепость стоит на удобном месте, южная стена выходит на берег р. Алабука. С остальных стен крепости хорошо просматривается вся долина. Крепость практически закрывает все межгорье.

Крепость Чолок-Коргон расположена в извилине реки. С ее башен, имевших высоту до 5 м, далеко просматривалась долина. Южная часть крепости, очевидно, имела потайной выход, ибо по естественному углублению, образованному рекой, можно быстро (расстояние 400—600 м) подняться на склон горы, служащей наблюдательным пунктом.

По заключению А. Н. Бернштама, «крепость Чолок-Коргон представляет собой типичный образец строительства XIX в. (эпохи Коканда) и является одной из тех немногих крепостей баев и маналпов, которые в очень незначительном количестве дошли до современности»²³.

По итогам специальных трехлетних полевых исследований сегодня мы можем уже с уверенностью констатировать, что вообще на территории Киргизии таких кокандских и киргизских крепостей среднего масштаба, как Дараут-Курган, Кан и Чолок-Коргон, больше не сохранилось, а если отдельные и сохранились, то представляют собой бесформенные развалины. Восстановить их первоначальный вид и определить точное место-

²² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.— Л., 1952, с. 122.

²³ Там же.

²¹ Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии..., с. 48—50.

нахождение можно лишь по описанию и рисункам исследователей, краеведов и путешественников прошлого столетия. Это крепости Токмак, Джумгал, Куртка. Многие же крепости бесследно исчезли и восстановить их конфигурацию, а иногда даже указать точное местонахождение невозможно, поскольку в источниках они упоминаются лишь вскользь.

Первые сведения о крепостях Тянь-Шаня Куртка, Джумгал и Тогуз-Тороо относятся к 1830—1832 гг., когда ханский главнокомандующий Хак-Кулы был отправлен на завоевание киргизов Центрального Тянь-Шаня. Эти крепости наиболее известны. О других, таких, как Кочкор, Атбаш, имеются лишь упоминания.

Вот что писал А. Н. Куропаткин в 60-х годах прошлого столетия: «Между тем Мадали-хан уже весной следующего 1831 г. открыл новый поход против кара-киргизов. Его отряды дошли до верховьев Нарына и вторглись даже в Илийскую провинцию. В следующем году кокандцами было основано укрепление Куртка на Нарыне и укрепление Таш-Курган на южных склонах Памирской выси. Кашгария оказалась опосредованно владениями кокандскими, откуда владычеству китайцев всегда грозило или вторжение хойжей, или набеги кара-киргизов»²⁴.

В памяти местного населения также не сохранилось никаких сведений о большинстве кокандских крепостей и их местонахождении. Название крепостей позволяло локализовать их в соответствии с топонимикой на побережье одноименных рек. Но это — слишком ориентировочно, поэтому в ходе экспедиционных работ пришлось потратить немало времени, чтобы найти эти крепости, точнее, то, что от них осталось.

Джумгал. Крепость расположена в Джумгалском районе в среднем течении р. Джумгал, на правом ее берегу, в местности Кара-Ой, у с. Каирма. От мощной некогда крепости остались лишь следы оплывших стен. Дождь, снег, ветер разрушили их.

Крепость прямоугольная (60 × 80 м). Сохранились фрагменты стены на западной и северной сторонах длиной сейчас не более 3—5 м, высотой до 1 м. Крепость в свое время была окружена рвом, с южной стороны обрывом выходит к р. Джумгал. Стены возведены на фундаменте. В юго-восточном углу заметны следы построек. Вокруг крепости заболоченные места. Когда река разливалась, доступа к ней практически не было. Это, вероятно, и служило дополнительной защитой укрепления от набегов окрестных кочевников. Однако возникает вопрос, почему для строительства своего укрепления кокандцы не взяли расположенную в 150—200 м средневековую крепость, превосходящую новую стратегически? В целом же место было выбрано удачно. Крепость контролировала пути кочевков в

²⁴ Куропаткин А. Н. Кашгария..., с. 118—119.

Джумгалской долине, находилась на торговом тракте. Здесь же обитали кокандские налоговосборщики и наместник хана.

Согласно архивным документам, укрепление Джумгал было возведено кокандцами в 1830-х гг. и служило местом сбора зекета с кочевников и мелких торговых операций. В нем стоял небольшой гарнизон. Артиллерия отсутствовала, гарнизон наполовину был вооружен холодным оружием²⁵. Численность гарнизона составляла от 100 до 150 человек²⁶. Обзорение на местности подтверждает эти данные: такой гарнизон вполне мог размещаться на названной территории укрепления Джумгал. Правда, в период падения крепости гарнизон Джумгала насчитывал менее 50 человек, был плохо вооружен. Русский отряд, прибывший в 1862 г. на Центральный Тянь-Шань под руководством капитана Проценко, при поддержке восставших местных киргизов неожиданно напал на гарнизон, который не смог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Кокандцы вынуждены были бежать, крепость Джумгал была взята без боя и разрушена²⁷.

Куртка. Особенно много сведений в литературе содержится о кокандской крепости Куртка, с которой связаны события 30-х годов прошлого века, когда киргизский народ начал национально-освободительную борьбу против кокандских колонизаторов. Возглавил ее киргизский батыр Тайлак.

Крепость Куртка располагалась на естественном холме в месте слияния р. Куртка с Нарыном. С одной стороны защитой служил обрыв в р. Нарын, с другой — в р. Куртка. Уязвимые для неприятеля две другие стороны были укреплены мощными стенами с башнями. Хотя, возможно, стены могли быть с четырех сторон.

Подъемный материал, собранный нами в ходе экспедиции, состоял из аморфных фрагментов поздней керамики, венчика сосуда. Один из них оказался с процарапанным полосным орнаментом. Другой — типа фаянсового осколка со светло-изумрудной поливой. В карьерном разрезе прослеживается несколько метров зольного слоя — следы некогда полыхавшего здесь пожара.

Проведенные исследования показали, что, во-первых, крепость существовала недолго (это подтверждено и письменными источниками), во-вторых, основана она была на новом месте и средневековой предшественницы у нее не было.

От крепости сохранились лишь отдельные участки, южная половина разрушена обвалом в р. Нарын. Западная часть крепости разрушена полностью в результате карьерных разрабо-

²⁵ См.: Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии XIX в. (первая половина), с. 59.

²⁶ Проценко. Путь из Заилыкского края в Кашгарию. 1862. — ЦГВИА, ф. 400, оп. 264/916-а, д. 43, л. 44.

²⁷ Джамгерчинов Б. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963, с. 263.

ток. Сохранились лишь остатки стен в северо-восточной части крепости. С восточной стороны стена выходит к месту слияния рек Куртка и Нарын, южная — на р. Нарын. Следы северной и западной стен крепости заметны лишь специалистам, но крепостные стены полностью разрушены.

Крепость в плане прямоугольная, по углам были расположены башни (сохранились лишь следы юго-восточной и северо-восточной башен). Внутри укрепление было разделено на две части: южную и северную. В южной части, видимо, были постройки (сейчас судить трудно, так как в этом месте проводились карьерные разработки). По данным источников, крепость была построена в 1832 г. и среди киргизов была известна также под названием Какыр-Коргон. В народной поэме о героях освободительной борьбы против кокандцев — Тайлаке и Атантае, записанной А. Чоробаевым, есть такие строки: «Атантай и Тайлак были батырами. Они жили около крепости Какыр-Коргон, тогда правил киргизами кокандский хан, который киргизскую кровь сосал»²⁸.

Возвращения Тайлака к борьбе против кокандского гнета нашли поддержку рядовых киргизских тружеников. Они отказались платить грабительские налоги и поднялись на открытое восстание.

В район Куртки был послан карательный отряд под начальством Арап-батыра. Двигался он из Ферганской долины через Тогуз-Тороо. Здесь, в местности Быча, между кокандским отрядом и выступившим им навстречу киргизским ополчением произошло сражение. Повстанцы победили, отряд карателей был разгромлен, был убит и сам Арап. Тайлак занял крепость, захватив при этом в плен 60 кокандских чиновников.

Лишь после предательского убийства Тайлака²⁹ ханские войска снова захватили Куртку и восстановили разрушенное укрепление. Новый комендант крепости Мамразык возвысил сына Тайлака, Осмона, вступив с ним даже в родственные отношения и пожаловал ему звание пансата (полковника) и датхи — высокие чиновные звания ханского двора. Это льстило честолюбивому Осмону, который держал постоянно 500 джигитов, готовых к услугам коменданта.

Однако народ продолжал оказывать сопротивление ханскому деспотизму и произволу его ставленников в Куртке. Неоднократно восставали черики во главе с Турдуке, вообще отказавшиеся платить зякет курткинским ставленникам хана. Комендант Куртки Мамразык в течение двух лет обращался к андижанскому наместнику с просьбой выслать карательный отряд в 700 человек. Но занятые своими придворными интригами и феодальными усобицами центральные власти так и не

²⁸ См.: Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии..., с. 32.

²⁹ Подробнее о Тайлаке и Атантае будет рассказано в следующей главе.

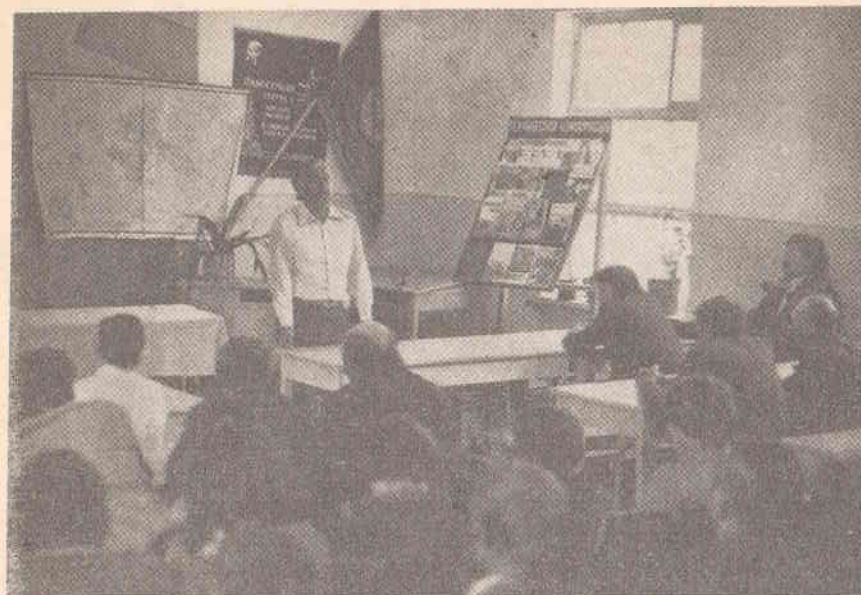
Японские кинематографисты на съемках киргизских памятников. На трассе «Великого шелкового пути».

Подводные трофеи Исык-Куля.

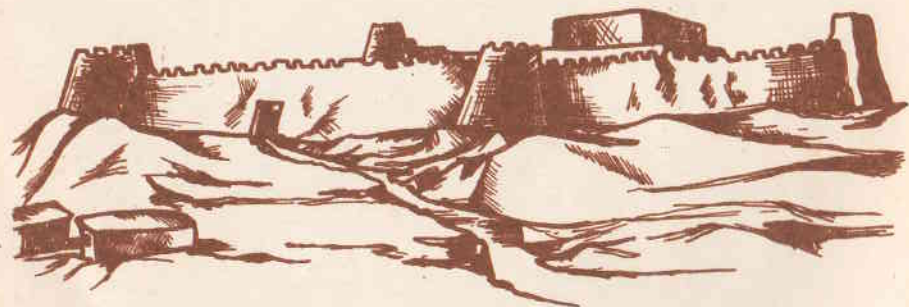
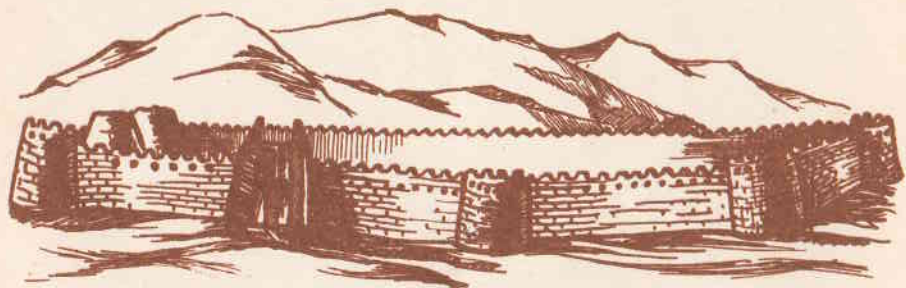
Памятник П. П. Семенову-Тян-Шанскому на берегу Иссык-Куля.

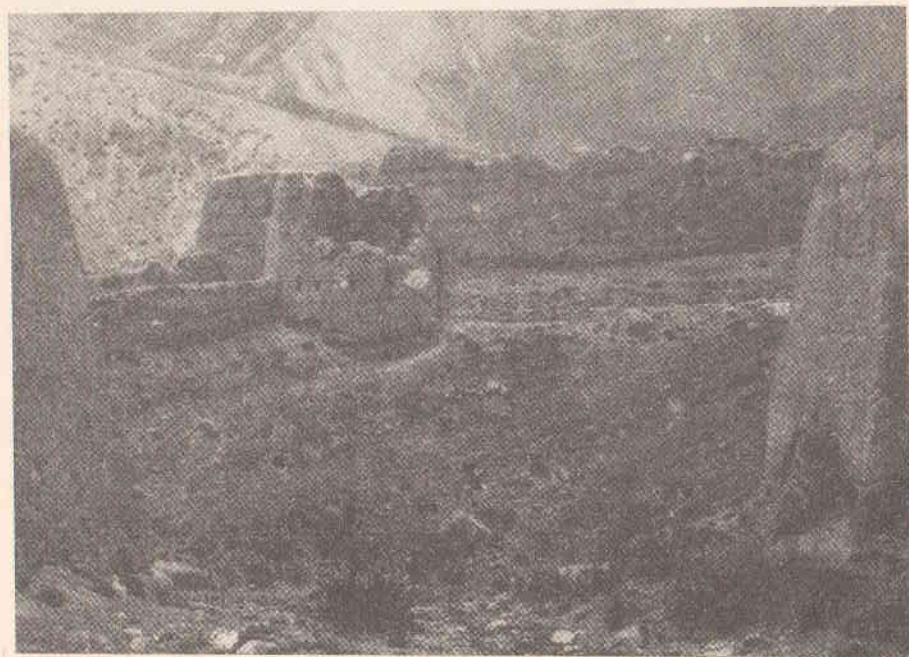
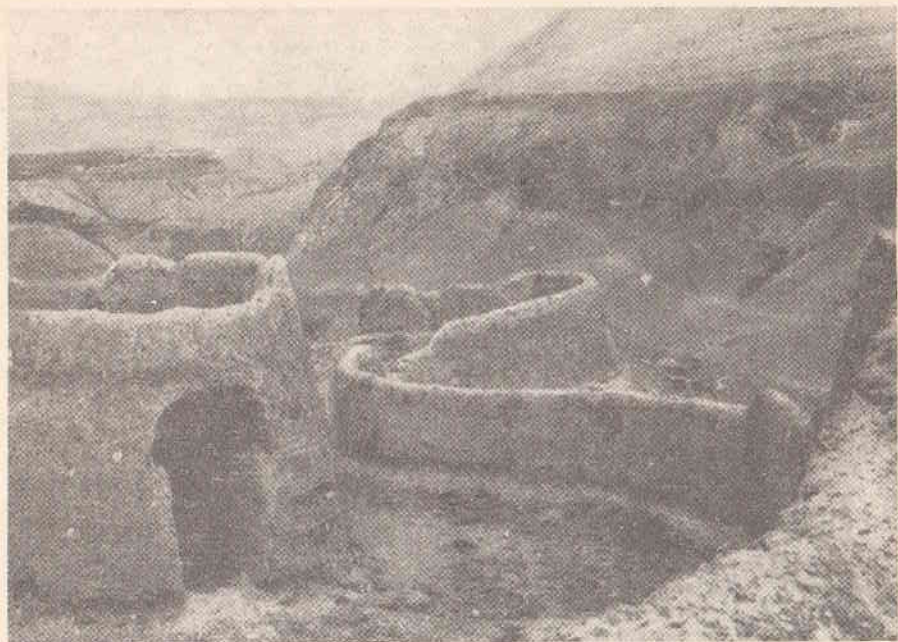
В экспедиции с лекцией.

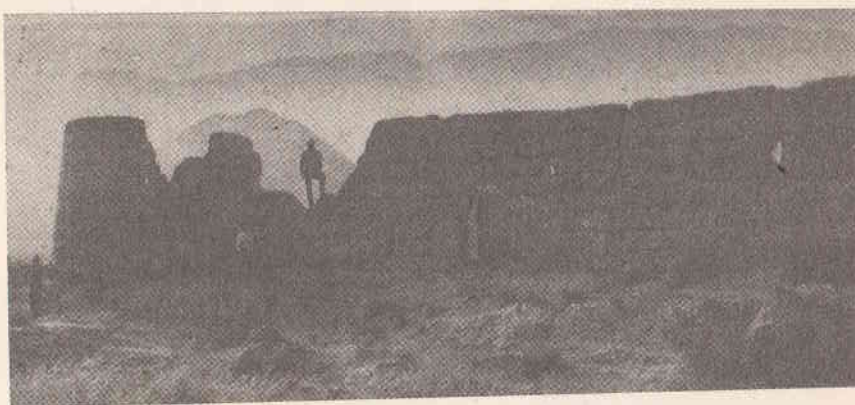
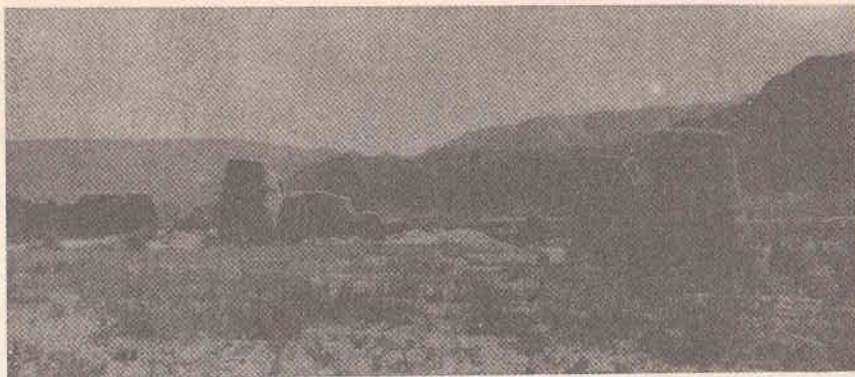
Президент АН СССР академик А. П. Александров в музее Института истории АН Кирг. ССР.

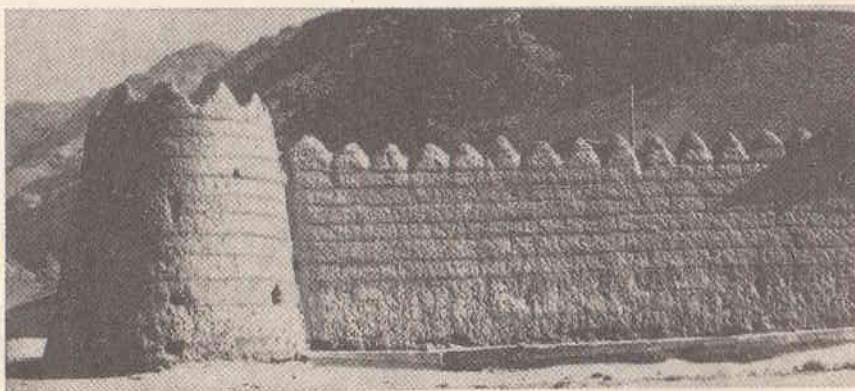
Типы кокандских крепостей.

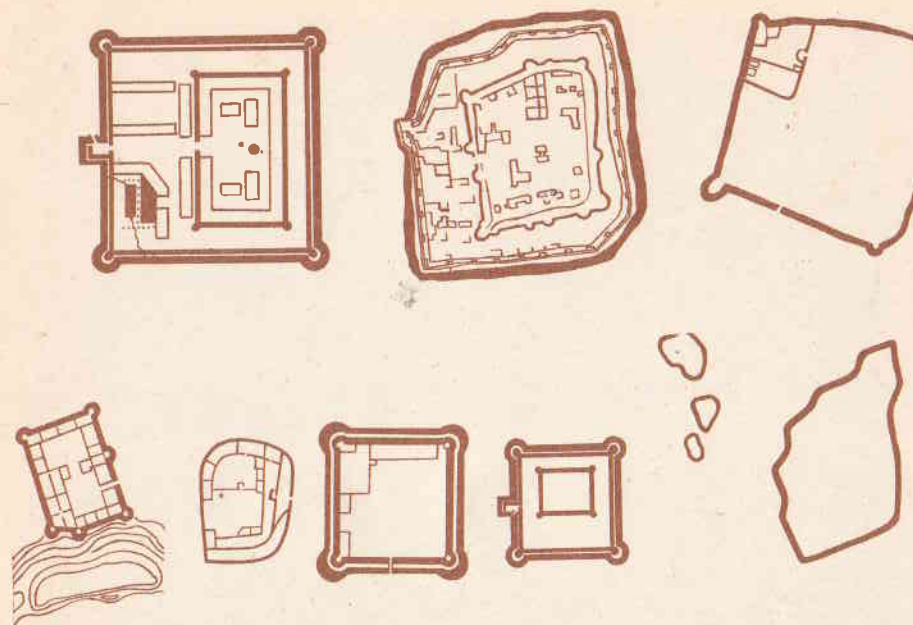
Крепость Кан в Южной Киргизии.

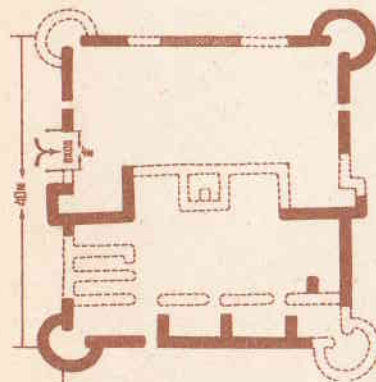
Укрепление Чолок-Коргон в Центральном Тянь-Шане.

Крепость Дараут-Курган на Алае.

Планы кокандских крепостей, снятые топографами прошлого века (Пишпек, 1859; Пишпек, 1860; Чалдовар, 1862; Джумгал, 1863; Шиш-Тюбе, 1862; Ак-Суу, 1862; Токмак, 1859; Куртка, 1863).

План крепости Чолок-Коргон.

Угловая башня крепости Чолок-Коргон.

Каменное изваяние у Исторического музея г. Фрунзе.

Открытие каменных изваяний Сары-Джаза.

Каменное изваяние у Исторического музея г. Фрунзе.

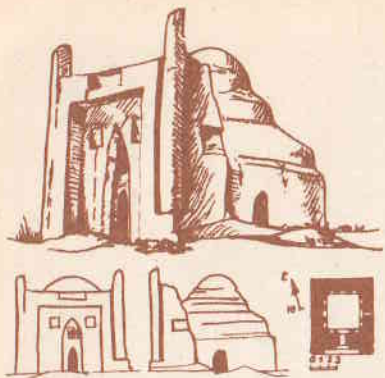
Каменное изваяние у Исторического музея г. Фрунзе.

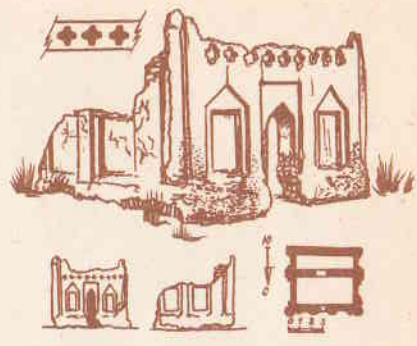
Новое каменное изваяние. Тура-Суу. Иссык-Куль.

Каменное изваяние у Исторического музея г. Фрунзе.

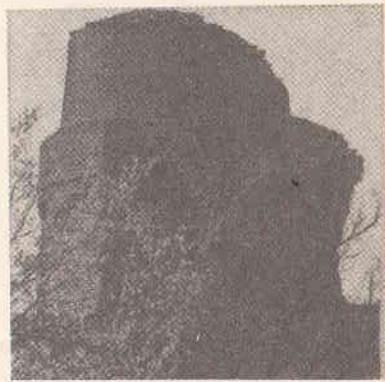
Гумбез Курманбая в с. Чон-Добе.
Джумгал.

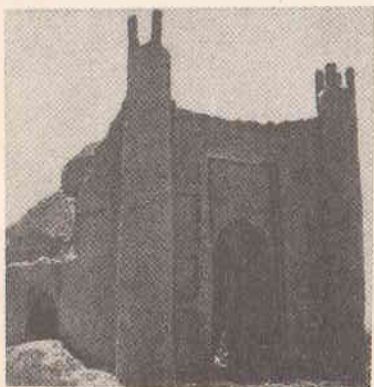
Гумбез Бекмурата. Ат-Баши.

Гумбез у с. Орловка. Талас.

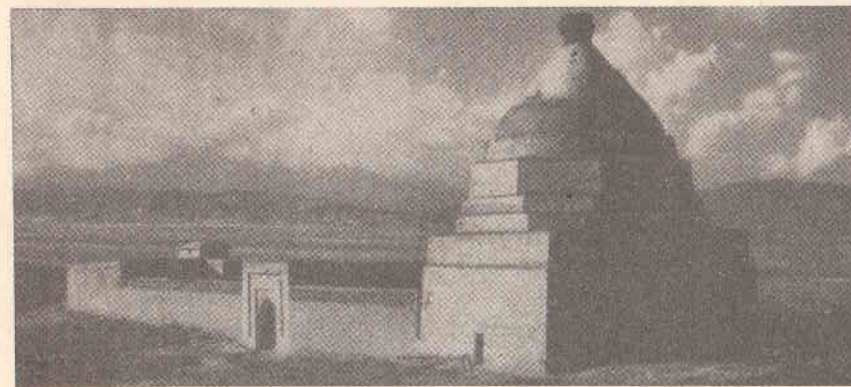
Гумбез Байтыка. Чуйская долина.

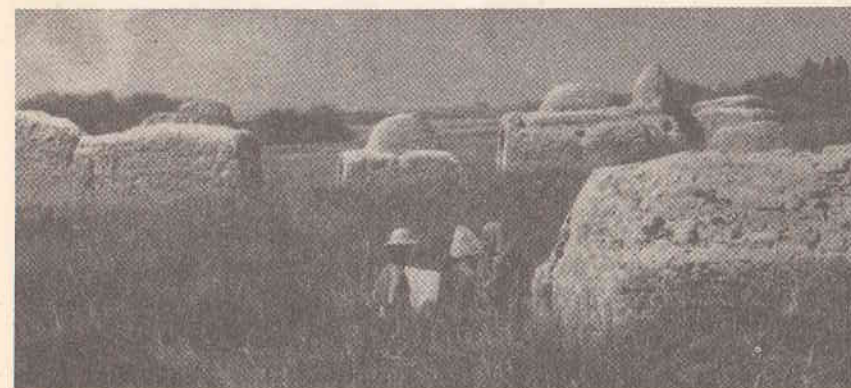
Гумбез Мурок у с. Лама.
Джумгалский район.

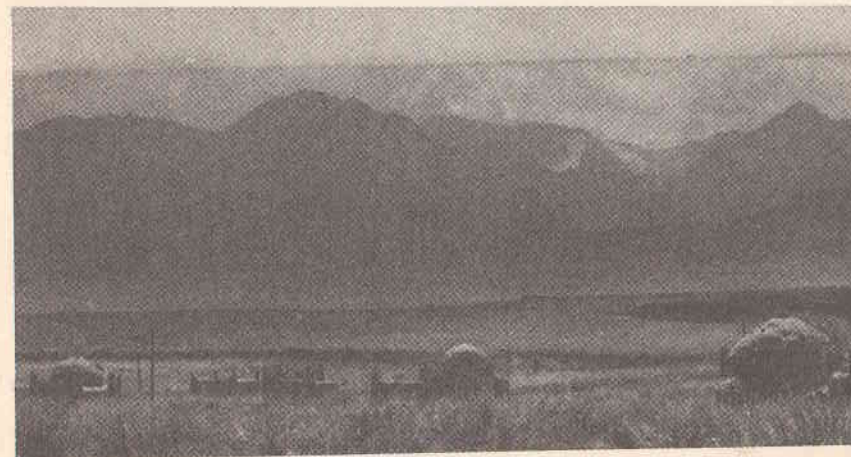
Сагана. Джуука.

Мавзолей Шах-Фазиль. Джаны-Джольский район.

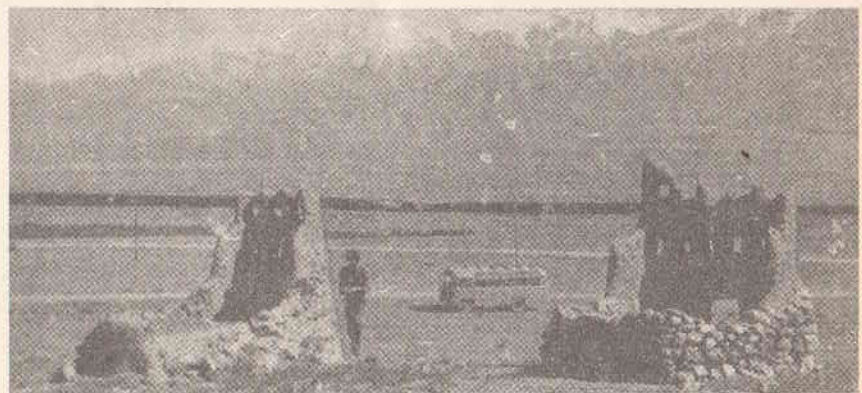
Комплекс гумбезов «Кырк-Чоро». Кочкорский район.

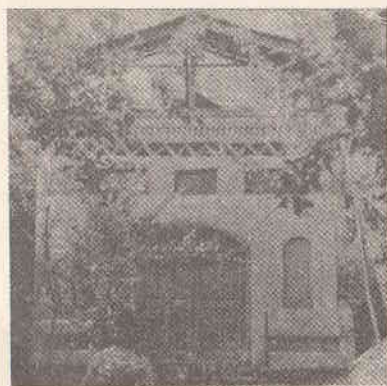
Гумбезы Терек-Суу. Ат-Баши.

Гумбезы Идрис Пайгомбара. Чаткал.

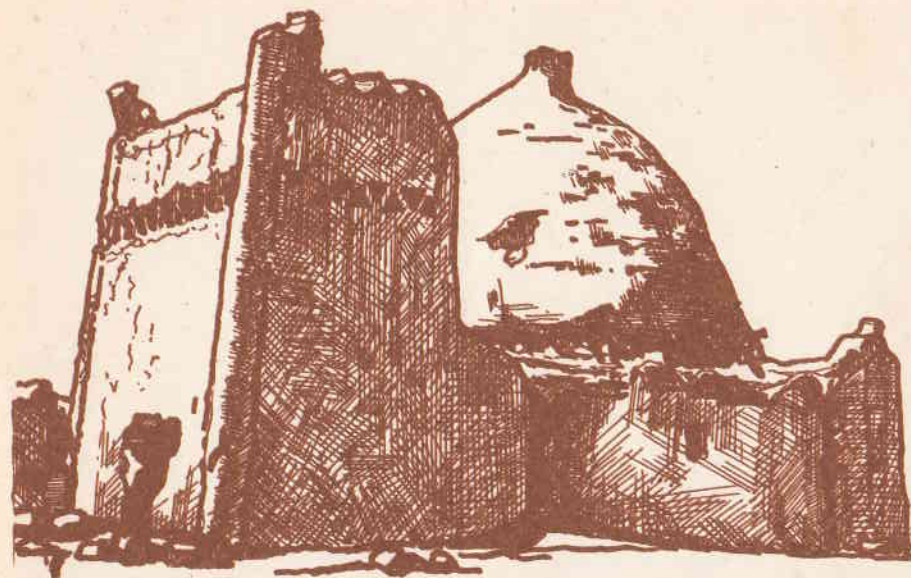
Чон-Алайские гумбезы.

Мазар Арсланбоб.

Узгенские мавзолеи.

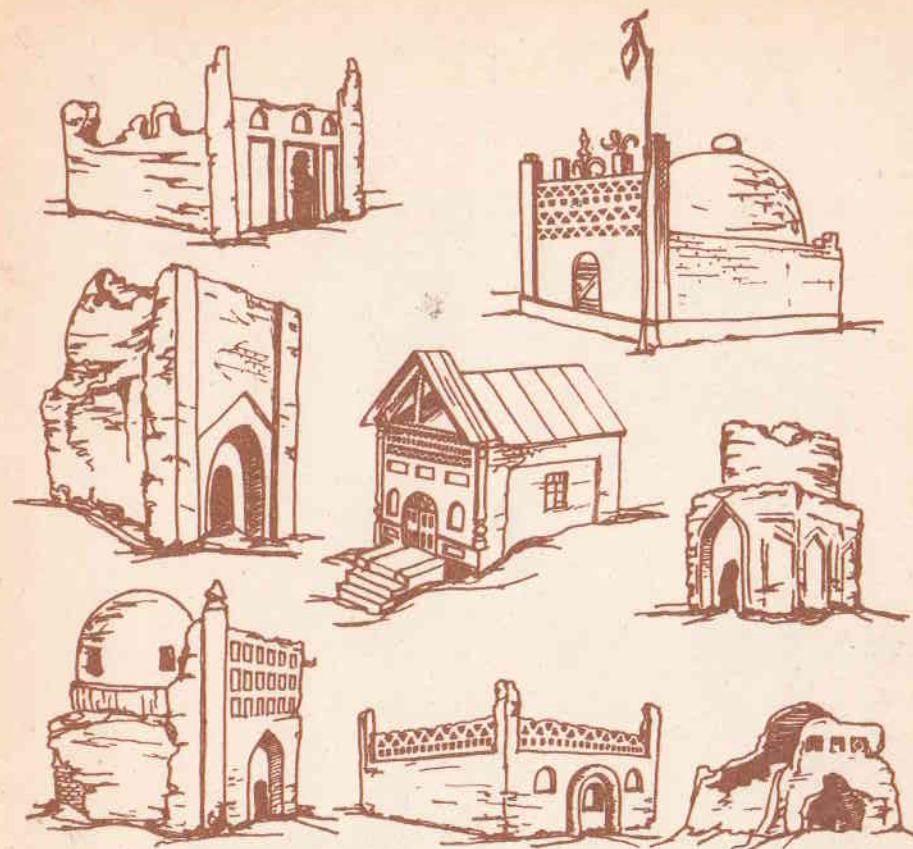
Гумбез Сусамыра.

Гумбез Тайлака. Ак-Талинский район.

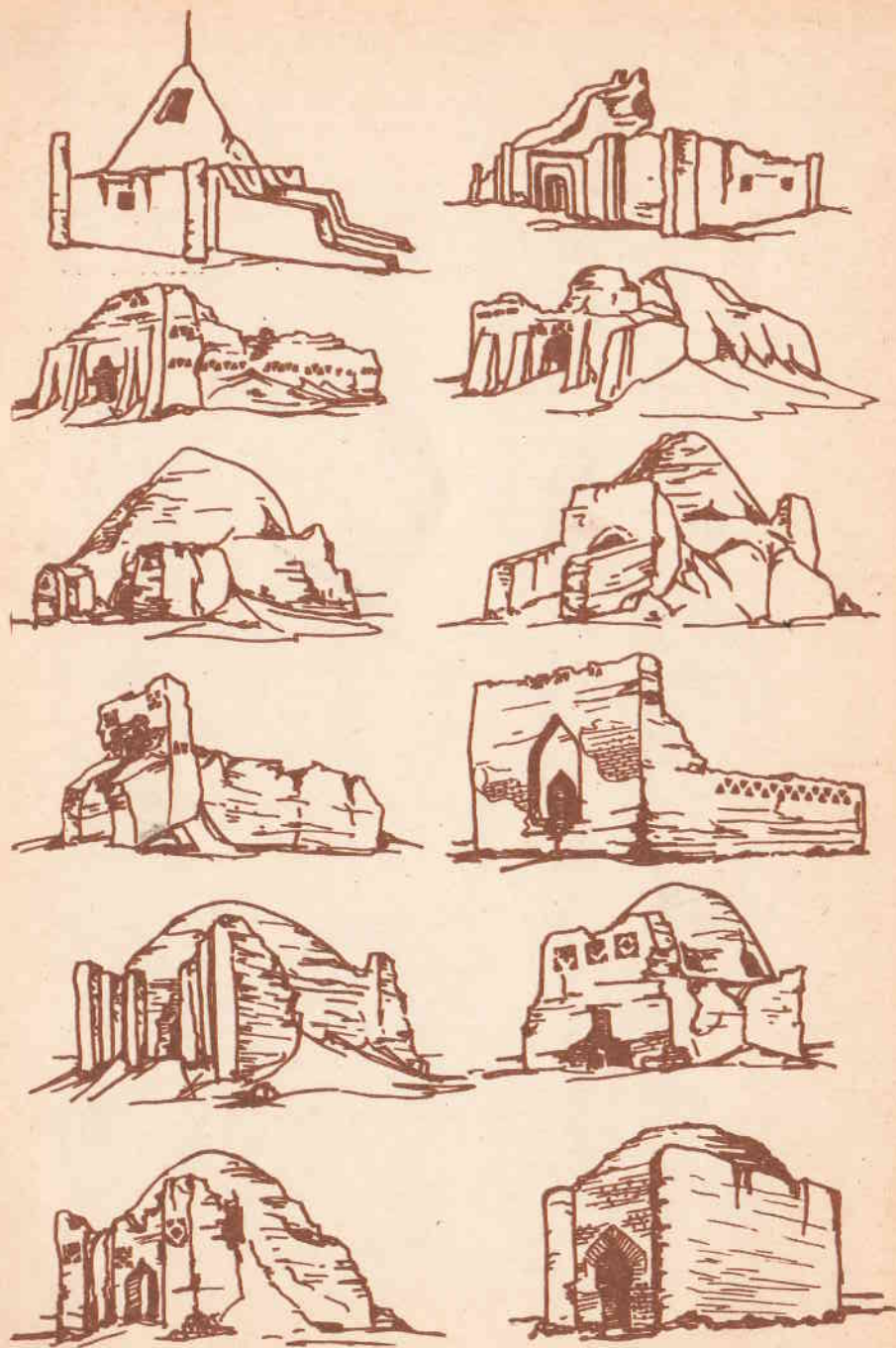
Находки старинных рукописей в гумбезе.

Типы киргизских гумбезов.

Гумбез Сары-Джаза.

Типы киргизских гумбезов.

смогли выслать отряд на помощь в Куртку. Ч. Ч. Валиханов по этому поводу писал: «Во время смут в Коканде киргизы совершенно не слушались курткинского коменданта, потому что вместе с переменой хана обыкновенно обновляются и все власти»³⁰.

Довольно полную характеристику укрепления Куртка оставил Ч. Ч. Валиханов, лично побывавший в крепости в конце 50-х годов XIX в.: «Укрепление Куртка основано в 1832 г. в год дракона во время хана Мадали знаменитым минбашой Хак-Кулы...

Укрепление Куртка имеет в поперечнике 200 сажень, окружено с трех сторон стеной, а четвертая опирается на крутой берег. Высота стен 3 сажени, ширина до 2 аршин; с восточной стороны пробиты главные ворота, а с северной — другие, ведущие в священное место, где прежде был домик Джангир-ходжи. Там устроена маленькая молельня, посажено несколько деревьев и, как на всех священных местах, водружены бунчуки и развешаны бараньи рога в огромном количестве. Въехавши в ворота, мы увидели войлочные кибитки, окруженные земляными валами, и несколько мазанок; прошедши по главной улице, наконец, пришли в комендантский дом, состоящий также из мазанок под названиями приемной, гарема, мечети, конюшни и амбара. В середине двора стояло несколько киргизских юрт. На небольшом возвышении из глины сидел комендант Мамразык-датха, одетый в бумажный старый халат и киргизские сапоги»³¹.

«Хак-Кулы в 1832 г. разбил саяков, — расширил свои сведения в другом дневнике Ч. Ч. Валиханов, — предводителей их Атантая и Тайлака взял в плен и привез в Коканд, обложил ясаком чириков, басызов, моналдыров и основал Куртку. Укрепление Тугузтарау было построено еще прежде...

Укрепления Тугузтарау и Джумгал прежде зависели от курткинского коменданта, но теперь из них сделаны отдельные ведомства. Между курткинскими и сипаями этих укреплений очень часто происходят сшибки за зекет... Зекет с этих киргизов собирается Курткой двояким образом: или по показанию самих киргизов — *улфан*, или же посредством счисления, в первом случае берут с 40 голов одну, а при счислении — с 100 голов — две. Сверх того, киргизы должны снабжать хлебом гарнизон укрепления... Вообще власть кокандцев между этими киргизами поддерживается лживой и хитрой политикой, к которой нынешний комендант, по-видимому, привык. Для поддержания своей власти он имеет аманатов из хороших фамилий и поддерживает постоянную вражду между родоначальниками... Во время кипчаков киргизский родоначальник Алимбек-датха,

³⁰ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 2, с. 255.

³¹ Там же, с. 253, 196—198.

фикационного искусства, которых, как он отметил, было очень незначительное количество³⁶.

Характеризуя оседлые поселения Таласской долины, другой археолог — П. Н. Кожемяко вскользь упомянул о некоем укреплении киргизского батыра Чыныке, развалины которого датировал XVIII—XIX вв.³⁷

Улуг-Коргон. Первые раскопочные работы на памятнике такого рода были произведены в 1973 г. В. Д. Горячевой и В. М. Плоских в ходе спасательных археологических исследований в зоне затопления Токтогульского водохранилища³⁸. Этим объектом было укрепление, которое местное киргизское население называло Улуг-Коргон, кокандцы — Кетмень-Тюбе, известно оно было по письменным источникам и как Узун-Ахмат, ибо стояло на одноименной речке Кетмень-Тюбинской долины.

Были расчищены стена и одна из башен, два помещения, крепость снята на план, восстановлена внутренняя планировка. В результате обследования ученые пришли к заключению: при строительстве крепости широко использовались многовековые среднеазиатские традиции, прослеживается также преемственность местной позднесредневековой крепостной архитектуры.

Крепость была сооружена киргизами в XVIII в., т. е. еще до кокандской колонизации, и функционировала первоначально как родоплеменное укрепление, ставка кетмень-тюбинского феодала (кстати, был упомянут и один из таких феодалов, оказавший сопротивление кокандцам при завоевании долины — некий Сатыке). С завоеванием Кетмень-Тюбе кокандским ханством старая киргизская крепость расширяется и укрепляется, приобретает законченные формы, которые характерны для подобного рода фортификационных сооружений Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств XVIII—XIX вв.

Со времени добровольного вхождения Киргизии в состав России крепость перестала функционировать, пришла в запустение и в результате землетрясения 1946 г. окончательно разрушилась.

Авторы упоминают также о небольшой киргизской крепости таласского манапа Садыра, возведенной в XVIII в. ниже Баутерек-Арыка. Садыр известен по источникам как крупный таласский феодал, активно участвовавший в 60-х годах XVIII в. в межфеодалной борьбе с казаками и попавший в конце концов к ним в плен³⁹.

Судя по опросным материалам XIX в. в кокандское время в Таласской долине собственное укрепление имел также мест-

³⁶ См.: Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 122.

³⁷ Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 182—183.

³⁸ Горячева В. Д., Плоских В. М. Укрепление Улуг-Коргон. В кн.: Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе, 1977, с. 153—163.

³⁹ Там же.

ный киргизский феодал Нурек Аджибеков. В 1843 г. иссык-кульским манапом Боромбаем в верховьях р. Джуука было построено укрепление Кызыл-Ункур. Коргон возле Пишпека имел манап Байтык; на Сан-Таше Ормон-хан возвел свой Чон-Коргон, манап Рыскулбек — в Кетмень-Тюбе.

Сведения о киргизских укреплениях Ормон-хана на Сан-Таше и Боромбая на р. Джуука мы находим в письме Боромбая к приставу Перемышльскому от 16 августа 1855 г. В нем говорится: «По дороге из Алматов к кочевьям киргизов рода богу (вероятно, на Сан-Таше. — Б. Д.) был «урмановский курганчик» (крепость Ормона. — Б. Д.) и один порядочный курган сартов (т. е. кокандцев), подведомственный пишпекскому коменданту». В этом письме он сообщает также, что на Иссык-Куле на р. Джуука есть 2 «курганчика».

Хорунжий Лучшев в рапорте от 2 октября 1855 г. приставу Перемышльскому писал, что «кокандский курган» на Сан-Таше (длиной 60 сажен, в поперечнике 40 сажен, высотой до 4 аршин, с лицевой стороны обнесен канавой, с остальных сторон — ровом) был срыт в 1855 г. Это произошло во время похода к киргизам казачьего отряда хорунжего Лучшева, который сопровождал возвращавшегося из Верного киргизского посланца манапа Качибека.

Техника строительства как киргизских укреплений, так и кокандских крепостей являлась однотипной и, по мнению А. Н. Бернштама, была воспринята, видимо, от узбекских мастеров. Во всяком случае Бернштам абсолютно прав, когда считает, что «технические конструктивные приемы этих построек несут в себе отголоски различных строительных приемов, зачастую воскрешая мастерство глубокой архаики»⁴⁰.

Специальные археологические обследования, обращение к архивным документам, дневникам и запискам путешественников XIX столетия позволяют утверждать, что киргизы имели укрепления еще до кокандской колонизации, но они не выдержали испытание временем и, естественно, не дошли до наших дней. Кокандские же власти, как отмечает В. М. Плоских, не поощряли строительства собственных киргизских укреплений, поэтому мы не встретили ни одной киргизской крепости, относящейся к первым годам кокандского владычества. По мере возрастания своей роли и могущества киргизские феодалы начинают возводить и свои укрепления: сначала в качестве административных пунктов, а затем и как собственных феодальных ставок, уже не связанных со службой Коканду⁴¹. Однако, как кокандские, так и киргизские крепости оказались недолговечными.

⁴⁰ С добровольным принятием в январе 1855 г. иссык-кульски-

⁴⁰ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 123.

⁴¹ Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство, с. 153.

ми киргизами российского подданства, на Чу был направлен небольшой казачий отряд с ракетным станком, который должен был курсировать между Чу и Верным, не допускать нападения кокандских отрядов на уже подведомственных России казахов и иссык-кульских киргизов. Имевшиеся здесь кокандские и киргизские укрепления только мешали этому и потому были разрушены. Вообще, по мере поэтапного добровольного принятия киргизами российского подданства такие укрепления либо разрушались, либо приходили в запустение. Возникавшие после поселения русско-украинских переселенцев и оседавших киргизов не требовали уже возведения громоздких и неэффективных крепостных стен и вообще укреплений как таковых. Новые общественные отношения, получившие развитие в Киргизии с добровольным вхождением в состав России, породили новые типы жилищ. Здесь стали возникать города.

СКУЛЬПТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

руд археолога... Что знаем мы о нем? Обычно в сознании многих он отождествляется с тяжелой физической работой. В этом есть доля правды. Однако тяжелым и изнурительным он бывает не всегда. Кропотливые, напряженные будни перемежаются с редкими праздниками — археологической разведкой, свободным поиском и... неожиданными открытиями. Расскажем о некоторых из них. Еще в студенческие годы под руководством Д. Ф. Винника, а позже в качестве начальника отдельного археологического отряда автору довелось заняться увлекательными поисками древнетюркских каменных изваяний, рассеянных по всей территории Северной Киргизии. К сожалению, современному археологу редко приходится встретить их на местах первоначальной установки. Диву даешься, какое только назначение не придумал человек для древних скульптур — археологической гордости Киргизии. Мы встречаем их сегодня в качестве пешеходных мостиков, переброшенных через арыки, приспособленными под коновязи, подпорки для столбов, уложенными в фундамент домов. Перечень «бытового» применения этих археологических ценностей можно было бы продолжить. Безусловно, археологи принимают все меры для спасения этих памятников.

Иногда явно перемещенные каменные изваяния были зафиксированы нами в комплексе погребальных сооружений киргизов. В одном случае древнее изваяние венчало могильный холм, в двух других они были установлены у задних стенок гумбезов, лицом к входу. В научной литературе известен подобный факт. В Казахстане, на берегу р. Аягуз у с. Тансык, до сих пор стоит гумбез, сложенный из камня-плитняка. Народная молва связала его с прекрасной легендой о трагической любви Козы-Корпеша и юной Баян-Слу. Когда-то у восточной стены гумбеза стояло четыре каменных изваяния — три женских и одно мужское. Согласно легенде, здесь были изображены Баян-Слу, ее сестра Аягыз, их тетка (по другому варианту — нянька) и сам Козы-Корпеш. Хорошо, что в 1856 г. памятник посетил

Ч. Ч. Валиханов и сделал зарисовки изваяний у гумбеза¹. Вскоре они исчезли. Царское правительство, которое с пренебрежением отнеслось к памятникам прошлого восточных «инородцев», способствовало вывозу части изваяний в Германию, где уже сосредоточились шедевры, награбленные в Египте, Греции, на Ближнем Востоке и из других древних цивилизаций мира². Комплекс нарушен. Он уже не полноценен как источник научной информации. Поэтому, прежде, чем доставить наши изваяния в музей поневоле задумаешься, а стоит ли? Не являются ли они реликтами древнего погребального обряда, сохранившегося в народной памяти киргизов? А может быть, установленные нами факты случайны? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Среди памятников средневековья каменные изваяния составляют особую и многочисленную группу. В широком обиходе они известны еще под названием «каменных баб». Появление этого вида памятников на территории Киргизии относится к VI—XII вв. и связано с расселением здесь алтайских тюркоязычных племен. В это время на Алтае и в Монголии в результате объединения кочевых племен сложилось раннефеодальное государство — Тюркский каганат. В короткий срок тюрки распространили свою власть на огромную территорию, в состав которой входила и часть Средней Азии. Каганат являлся непрочным государственным объединением. Острые социальные противоречия, происходившие внутри тюркского общества, привели к тому, что каганат в 603 г. распался на две части: Восточный и Западный. В Западнотюркский каганат входила вся территория современной Киргизии. Центром его являлся город Суяб в Чуйской долине (близ Токмака). Основную массу населения составляли кочевники.

С расселением тюркоязычных племен на территории Киргизии появляется и новый обряд захоронения, в частности распространяется обычай ставить около курганов или поминальных оградок каменные изваяния.

Каменные изваяния высекались главным образом из гранита, изготавливались они также из песчаника, известняка и сланца. Для этой цели подбирались удлиненной формы камни или плиты, поверхность которых тщательно отделялась. Однако в большинстве случаев фигуру или ее часть изображали на валуне без соответствующей его обработки.

Обычно изваяния изображают мужчин — суровых воинов — и в меньшей степени женщин. Лица — монголоидного типа. Правая рука или обе руки поддерживают различной формы сосуды. К поясу подвешены кинжал или сабля. На отдельных фигурах обозначены детали одежды.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1. Алма-Ата, 1961. с 230, 232; 665—666.

² Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии, 1910, вып. 22, с. 253.

Каменные скульптуры изготавливали большей частью специальные ваятели. Судя по многим статуям, мастера-камнетесы были в полном смысле слова художниками. Они умели правильно передать пропорции фигуры, черты лица, предметы украшения и другие детали.

По распространению каменных изваяний можно установить границы обитания кочевых тюркских племен. Большое количество таких памятников (от десятка до сотни статуй) зарегистрировано на территории нынешних Нарынской и Иссык-Кульской областей, в Кеминской, Чуйской и Таласской долинах. На остальной части территории Киргизии их выявлено всего несколько экземпляров. Так, в Кетмень-Тюбинской котловине обнаружено два изваяния, а в Ошской области — пять: одно из них — в Ала-Букинском районе, два в г. Узгене и два — в Гульче. Для остальной части территории Средней Азии они почти неизвестны. Большое количество каменных скульптур встречается в Казахстане, Алтае, Туве, Хакассии и Монголии. Все это свидетельствует о том, что обычай установления каменных изваяний на древних захоронениях был распространен в местах обитания только кочевых тюркоязычных племен. Уже на одном этом примере видно, насколько ценным источником для изучения раннесредневековой истории и культуры являются каменные «бабы». Кроме того, необходимо учесть, что древние захоронения тюрков на территории Киргизии в большинстве своем ограблены, причем обычай ограбления могил был широко распространен еще в древности. Даже в неограбленных могилах по вполне понятным причинам не могут сохраниться изделия из тканей, войлока, кожи или дерева. А это значит, что при раскопках захоронений на долю археологов приходится мало предметов. Поэтому каменные скульптуры в какой-то степени восполняют недостающие или не дошедшие до нас из захоронений археологические материалы. По ним устанавливаются расовый тип населения, одежду, виды оружия, предметы украшения. Каменные изваяния служат важнейшим источником при изучении древнего изобразительного искусства, уровня развития его, а он, судя по многим скульптурам, был по тому времени довольно высоким.

Первым, кто обратил внимание на каменные скульптуры Киргизии, как на памятник истории, был казахский ученый Ч. Валиханов. Во время посещения восточной части Иссык-Кульской котловины в июне 1856 г. на участке от Чон-Урюкты до Чаты (Шаты) он отметил множество курганов, среди которых в отдельных местах (между Курменты и Сары-Булаком) обнаружил наполовину вросших в землю «каменных баб». «Удивительно было, — пишет Ч. Валиханов, — что на месте их нахождения не было кургана, как это попадает в Малороссии, Сибири. Не определено до сих пор, что означали эти бабы и кем поставлены. Виденные здесь мною изображали лицо

с огромными усами. В правых руках болванов было что-то вроде чашки. Облик лица и глаза напоминают монгольский тип³. Не указывая количества изваяний, Ч. Валиханов дал правильное их описание и отметил сходство с подобного рода памятниками южнорусских степей и Сибири.

Он один из первых сделал зарисовки каменных «баб» Иссык-Куля. Заслуживает внимания и сообщение ученого о том, что, находясь в Кульдже, в 1856 г. он слышал от одного из жителей, что тот, будучи на Иссык-Куле в 1820 г., увидел там громадного идола, вытесанного из камня. Подтверждением этому являются больших размеров каменные изваяния, зарегистрированные археологами на участке Ой-Булак (Курменты) — Кен-Суу, т. е. в северо-восточной части Иссык-Кульской котловины.

Дальнейшие открытия новых каменных скульптур, вслед за Ч. Валихановым, были сделаны многими русскими путешественниками, офицерами, учителями, краеведами. Среди них можно назвать имена выдающихся ученых, таких, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. В. Бартольд, Ф. В. Поярко. В советское время заметный вклад в открытие и изучение каменных изваяний внесли А. Н. Бернштам, Я. А. Шер, Д. Ф. Винник, В. П. Мокрынин и другие.

Около 15 новых скульптур и до десятка старых было обнаружено нами в Центральном Тянь-Шане, долине Чон-Кемин, в Прииссыккулье и на Сары-Джазе, два из них привезены для комплексного археолого-архитектурного музея под открытым небом «Бурана», одно — в музей республиканской Академии наук, три установлены у здания дирекции совхоза «Чон-Кемин» в с. Новороссийка.

Что представляют собой вновь открытые каменные изваяния? И в материале, и в скульптурном решении они сходны с уже известными науке образцами. Возьмем, к примеру, два изображения на серых валунах с верховьев Чон-Кемина из урочища Кок-Булак. Какими предстали они взору археологов? Изваяния находились в нескольких метрах от тюркского могильника. На одном из них изображена фигура с лицом монголоидного типа, обозначенным слабым рельефом. Голова слегка выделена из монолита, руки согнуты и прижаты к животу. Второе менее выразительно: лицо монголоидное, черты которого переданы слабым рельефом.

Одно из изваяний, изготовленное из серого песчаника, обнаружено среди валунов близ городища Кан-Добе в местности Туура-Су. Оно лежало лицом вниз. Лицо монголоидное, голова не выделена из монолита, черты лица обозначены слабым рельефом.

Представляют научный интерес находящиеся в нетронутom положении четыре изваяния, стоящие в оградке у тюркского могильника на Сары-Джазе, в среднем течении р. Каинда, на ее правобережной террасе. Скульптуры расположены по восточную сторону от оградок могильника. Рассмотрим каждое в отдельности.

Изваяние первое: лицо монголоидное, черты лица стилизованы, обозначены усы, загнутые вверх, рот и уши. На голове прорисован, видимо, трехрогий головной убор. Руки согнуты и прижаты к животу. Часть лица отбита. Фигура выполнена на сером камне-валуне размером 44×20×90 см.

Изваяние второе: лицо монголоидное, черты лица переданы рельефно. Четко обозначены глаза, нос, рот и чуть загнутые вверх усы. Голова не выделена из монолита, подбородок прорисован схематичной линией. В правой руке, согнутой на груди под прямым углом, кубок, левая рука полусогнута и опирается на ручку кинжала с бляшками. С левой стороны к поясу подвешен мешочек в виде прямоугольника. Изображение сделано на валуне темного цвета размерами 150×40×22 см.

Изваяние третье: черты лица монголоидного типа стилизованы. Схематично показаны брови, глаза, рот и нос. Изваяние почти полностью вросло в землю, за исключением головы. Четвертое изображение аналогично трем первым.

Недалеко от могильника лежало одиночное изваяние огромных размеров из красного песчаника. Лицо монголоидное, голова не выделена из монолита. Черты лица показаны рельефно. Четко обозначены дугообразные брови, глаза, нос, рот и чуть загнутые вверх усы, подбородок прорисован треугольником. Правая рука согнута и держит перед грудью кубок, левая — полусогнута и опирается на рукоять кинжала, подвешенного к поясу.

«Любители» старины пытались было в свое время отделить верхнюю часть изображения от остальной массы, отколоть ее, но камень не поддавался. И в таком «пораненном» виде, неподъемной, статуя осталась лежать на месте.

Одно небольшое изваяние было вывезено с Сары-Джаза геологом С. Малышевым и передано одному из музеев. По его рассказам, лет 20 назад на Сары-Джазе им было встречено каменное изваяние, представлявшее портретную скульптуру древнего кочевника. Во время прокладки автотрассы памятник затерялся.

Имеются сведения, что в свое время — в 50-х годах — с Сары-Джаза вывез уникальное изваяние из белого мрамора известный альпинист и первооткрыватель сары-джазских древностей Рацек. Скульптура была установлена возле Республиканского исторического музея, но позже она исчезла.

Учителя Он-Арчинской средней школы передали для Буранинского музея две каменные «бабы», вывезенных ими с вер-

³ Валиханов Ч. Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856 г.). — Собр. соч., т. 1, с. 268.

ховьев Он-Арчи. Мы доставили их во Фрунзе и передали Буранинскому археолого-архитектурному музею.

Три новых изваяния выявлены в Джумгалской долине. Одно, из серого гранита, установлено во дворе Джаны-Арыкской средней школы совхоза Кызарт. Другое, изготовленное из красного песчаника, установлено в с. Чон-Добе у магазина. Лица монголоидного типа, маловыразительные, черты лица обозначены слабым рельефом, голова не выделена из монолита, четко прорисованы подбородок, чуть загнутые вверх усы. На первых двух изваяниях правая рука согнута на груди, удерживая чашу, левая полусогнута, прижата к животу. На третьем изваянии руки полусогнуты, прижаты к животу.

Всего исследователями в советский период обнаружено свыше 300 каменных памятников, а включая дореволюционный период, — около 500. Они служат ценным источником для изучения истории и культуры Киргизстана раннесредневекового периода, истоков и влияния древних культовых обрядов на захоронения и гумбезы XVI—XIX вв.

Советскими археологами доказано, что каменные изваяния принадлежат древнетюркским кочевым племенам, появившимся на территории Киргизии в VI в. н. э.; существование обычая установки каменных изваяний на захоронениях относится к периоду VI—X вв. Распространение ислама на территории Северной Киргизии с X в. н. э. привело к тому, что обычай захоронения с каменными изваяниями стал постепенно исчезать. Известно лишь несколько статуй, относящихся к X—XII вв. После XIII в. для территории Киргизии они не известны, а в XIX в. народная молва связала их с нашествием джунгарских феодалов и назвала «калмак-таш» — камни калмаков — жителей монгольской народности Джунгарского ханства.

К сожалению, следует отметить, что до конца 70-х годов археологи, открывая и изучая каменные изваяния, не предпринимали мер к их охране и использованию. В результате такого отношения многие из ранее обнаруженных скульптур оказались навсегда утраченными для науки. Лишь в последние годы Республиканским обществом охраны памятников истории и культуры, Институтом истории АН Киргизской ССР при активной помощи учителей-краеведов, студентов и школьников начат сбор всех каменных памятников и доставка их на территории музеев под открытым небом.

Только при таком отношении к памятникам они могут быть сейчас спасены для науки.

Классификация изваяний. Первые попытки в этом направлении были предприняты еще в дореволюционное время. Но они мало что давали для характеристики всей совокупности памятников. Классификация каменных изваяний требовала, чтобы в ее основе лежали наиболее устойчивые признаки. Исходя из этого, советские археологи старались решить столь важный во-

прос, поскольку он проливал свет на другие стороны изучения проблемы в целом.

Первым, кто поставил вопрос о классификации каменных изваяний во всей ее разносторонности, был А. Н. Бернштам. В основу своей классификации статуй он положил технику их изготовления. Все памятники были разделены им на 4 группы:

I — рисунок на плоской плите; изображение схематично, черты лица и детали туловища намечены контуром.

II — изваяния усложненных форм. Если туловище выполнено схематично, то голова и плечи — объемно.

III — изваяния рельефные.

IV — объемные изваяния, в которых выделены все приемы монументальной скульптуры⁴.

Как считает автор, при такой классификации наглядно прослеживаются пути развития скульптуры из рисунка и резьбы, мастер-камнетес исходил при изготовлении статуй явно из традиционных канонов, дополняя в отдельных случаях свою скульптуру чертами природы.

Господствующим типом среди изваяний являются изображения монголоидов, причем подчеркнуты индивидуальные признаки — широкоскулость, усы, клиновидная борода и другие.

Дальнейшая детализация классификации каменных изваяний произведена Я. А. Шером⁵. Положив в основу ее изобразительный канон, он все известные ему каменные скульптуры разделил на 6 групп:

I — мужские изваяния с сосудом в правой руке и с оружием. Эта группа наиболее многочисленна. Статуи выполнены разной техникой и степенью мастерства. Характерной особенностью группы является изображение мужчины, держащего перед грудью в правой руке сосуд, а левая опирается на рукоять оружия — саблю, кинжал, меч.

II — мужские и неопределенного пола изваяния с сосудом в правой руке, без оружия. Эта группа по всем признакам близка первой, но выделение ее в отдельную обусловлено отсутствием оружия.

III — изваяния с изображением только лица или головы человека.

IV — изваяния с птицами. Эта группа насчитывает всего несколько фигур. Я. А. Шер выделил их в отдельную группу, считая, что изображение птицы имеет какое-то особое символическое значение. А. Н. Бернштам считал такие фигуры изображением охотника с ловчей птицей, или же, возможно, птица являлась символом души умершего.

V — мужские изваяния с сосудом в обеих руках. На памятниках этой группы изображена фигура мужчины с сосудом в

⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки... с. 145.

⁵ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, с. 25—26.

обеих руках. Руки прижаты к животу. Оружие и детали одежды не обозначены. По этим признакам Я. А. Шер выделил скульптуры в отдельную группу.

VI — женские изваяния с сосудом в руках. Эти изваяния от предыдущих отличаются только признаками пола. Причем встречаются они только на территории Киргизии и Юго-Восточного Казахстана, а на других территориях, в частности от Монголии до Памира, они не зафиксированы.

Классификация, разработанная Я. А. Шером, является наиболее дробной, в ней учтены все признаки, характерные для встречающихся каменных изваяний на территории Киргизии.

Кроме Я. А. Шера, проблемой каменных статуй Киргизии занимался В. П. Мокрынин. Он доказал, что группа каменных изваяний, изображенных в «трехрогих» головных уборах и в мантиях-накидках, передает образ женщины. Были выявлены изваяния, в руках которых изображалась не чаша, как обычно, а довольно редкие предметы, либо растения: зеркало, музыкальный инструмент, цветок. Эти обстоятельства позволили В. П. Мокрынину расширить классификацию каменных памятников, предложенную Я. А. Шером, оставив, однако, без изменения иконографический принцип⁶.

Вопрос о семантике каменных изваяний можно решить только опираясь на научную классификацию.

Характеристика скульптур. Считаю небезынтересным остановиться на характеристике отдельных деталей каменных изваяний. Возьмем, к примеру, головные уборы. Они имеются на небольшом количестве скульптур. Можно выделить четыре основных их типа.

К первому относятся головные уборы в виде усеченного конуса, похожие на киргизский *топу*, т. е. *тебетей*. Этот тип головного убора представлен на трех изваяниях.

Ко второму типу относится головной убор цилиндрической формы, с двумя жгутообразными валиками, обвивающими его снизу. Этот тип представлен одним изваянием, найденным в Кара-Балте. Эта скульптура наиболее изящна по сравнению с другими.

К третьему типу относятся «трехрогие» головные уборы. Этот вид головного убора, изображенный на статуях, довольно часто встречается на территории Киргизии.

К четвертому типу относятся головные уборы конической формы. Имеются и отдельные индивидуальные особенности.

Прически обозначены на немногих скульптурах. Наиболее

распространенным видом является прическа с зачесанными назад волосами, с прямым пробором и без него, спускающимися по спине косами (7, реже 8 кос). Ниже пояса они обозначены извилинами. Имеются изваяния, на которых прическа изображена в виде зачесанных назад волос и свернутых на затылке в толстый жгут. На одном из изваяний прическа изображена зачесанными назад волосами и небольшой косой в наконике.

Предметы украшения на большинстве изваяний представлены серьгами, браслетами, амулетами, ожерельями и гривнами. Наиболее часто встречающимися украшениями являются серьги, преимущественно с шаровидными и каплевидными подвесками. Изображены на изваяниях и серьги в виде фигуры из трех колец, в виде ромбика, удлиненного книзу, в виде перевернутой буквы «Ш», в виде треугольника, в виде колечка с четырехлепестковой подвеской и другие.

Насколько можно судить, браслеты представлены двумя типами: простые с шаровидным и ромбовидным расширением по середине.

На многих изваяниях изображены ожерелья, гривны и амулеты. Последние представлены ромбиками, трилистниками, кружочками, восьмерками и другими фигурками.

Об одежде тюрков можно судить как по изображениям, так и по письменным источникам. Как известно, одежда в погребениях не сохраняется, а если и сохраняется, то лишь фрагментами, по которым невозможно составить представление об общем ее характере. Это в некоторой степени восполняет одежда, изображенная на каменных изваяниях. Детали одежды или сама одежда обозначены на многих изваяниях. Обычно она прорисована в виде треугольного выреза верхней одежды или же треугольными отворотами кафтана, а также широких рукавов, плащей, накидок или мантий. На территории Семиречья фигур, облаченных в такие одежды, насчитывается около сотни.

Из одежды, изображенной на каменных изваяниях, можно выделить два типа ее. Верхняя одежда представлена треугольным вырезом, иногда узкими, облегающими запястья, или широкими рукавами. Кафтаны с треугольными отворотами воротника, иногда обозначены широкие рукава, свисающие вниз. Следует отметить, что на некоторых более выразительных изваяниях изображены широкие отвороты кафтана, имеющие на углах бубенчики или пуговицы. Именно на этом типе одежды можно проследить манеру запахивания полы одежды справа налево. Плащи, накидки, мантии или безрукавки изображались на изваяниях редко.

Оружие — неизменная принадлежность древнего тюрка-воина. Эта деталь является наиболее распространенной на каменных изваяниях. Она говорит, что перед нами воин, который готов отправиться в поход, чтобы отстоять с оружием в руках свою землю.

⁶ Мокрынин В. П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975, с. 113—119, его же. Каменные изваяния — памятники древних тюрков. Фрунзе, 1979, с. 7—8; его же. Культура кочевников средневекового Киргизстана. — В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии», вып. 1. Л., 1983, с. 61—62.

На каменных изваяниях изображено три разновидности оружия — это сабли, кинжалы и мечи. Два первых вида встречаются на изображениях очень часто, что говорит о наиболее широком их распространении среди тюркоязычных племен.

Оружие показано в ножнах или без них. На ножнах имелись полукруглые обоймы, к ним крепились ремешки, с помощью которых оружие подвешивалось к поясу. Сабли и мечи подвешивались к поясу под углом, кинжалы в большинстве случаев — горизонтально. Обычно четко обозначены рукояти оружия, часто с перекрестием различных форм. Иногда на рукоятях прослеживаются следы орнаментовки.

Сабли встречаются нескольких видов — прямые без перекрестия, изогнутые без перекрестия и сабли с прямым перекрестием. Длина сабель различна. На большинстве изваяний они захватывают боковую (левую) сторону, иногда часть спины.

Наиболее часто встречающимся оружием, изображенным на изваяниях, являются кинжалы. По форме — прямые и изогнутые, с перекрестием и без него, в ножнах и без ножен. Навершие рукоятей различны. Размеры кинжалов разные. Общий вид их позволяет предположить, что это было грозное оружие.

К третьей группе относятся мечи. В сравнении с первыми двумя они встречаются гораздо реже. Мечи имеют рукояти с прямым перекрестием. Лезвия длинные, захватывают боковую сторону и часть спины.

Сосуды изображены на небольшом количестве каменных изваяний и являются как бы необходимой принадлежностью скульптур. Большая часть сосудов, изображенных на изваяниях, поддерживается правой рукой на уровне груди и меньшая часть их — двумя руками на уровне живота.

Наиболее многочисленной группой сосудов являются кубки на ножках с отогнутым или прямым венчиком. Поражает изысканность их форм и изображений. Подобная форма сосудов при раскопках древнетюркских захоронений не обнаружена. Очевидно, это была парадная посуда. Кубки употреблялись лишь в торжественных случаях и широкого распространения в быту не имели.

Другим распространенным видом являются круглодонные чаши. Для них также характерна четкость форм и изображений. Такой тип посуды известен из погребений. Небольшим количеством представлены сосуды, имеющие форму кружки, стакана, горшка, кувшина.

Разновидность форм говорит о разнообразии посуды, применявшейся в обиходе тюркоязычного кочевого населения Киргизии. Возможно, не все формы изготавливались собственно ремесленниками, какая-то часть их попадала в быт тюрков в результате обмена с оседло-земледельческим населением или торговли.

Как известно, широкий ассортимент посуды имелся у оседло-земледельческого населения, где гончарное ремесло было

достаточно развито. Все формы посуды, изображенной на изваяниях, бытовали среди сельского и городского населения. Но это не значит, что оседло-земледельческие жители полностью снабжали кочевников посудой. Они и сами изготавливали ее, определенная часть попадала к ним в результате обмена.

Пояса обозначены на значительном количестве изваяний. Большой частью это ремни, изредка с пряжкой. Наборные пояса, т. е. пояса, украшенные бляхами, прямоугольных или квадратных форм встречаются на изображениях значительно реже. На одном из изваяний (Ичке-Суу) изображена прямоугольной формы пряжка с подвижным язычком. Наборные ремни встречаются и при раскопках древнетюркских захоронений. На отдельных поясах изображены короткие ремешки, свисающие по бокам.

Из других предметов, обозначенных на каменных изваяниях, следует отметить разной формы сумочки (округлые и полукруглые), висащие сбоку на поясах.

Таким образом, совокупность предметов, изображенных на каменных изваяниях, во многом дополняет недостающие материалы из погребений. Сопоставление этих предметов с имеющимися из захоронений способствует более точной датировке и определению назначения каменных изваяний. Однако такое сопоставление, к сожалению, археологами Киргизии еще не проводилось, а отсюда и разноречивой в характеристике каменных изваяний.

Гипотезы о назначении изваяний. Существуют две основные точки зрения на назначение каменных скульптур. Одни ученые полагают, что изваяния изображают умершего, а простые камни — так называемые балбалы — побежденных и убитых им врагов. Другие считают, что, как и балбалы, каменные статуи изображали врагов, причем простые балбалы обозначали рядовых, а статуя — главного убитого врага, который на том свете должен стать слугой своего победителя. Последняя точка зрения далека от истины, так как ей противоречат и письменные сообщения, и многочисленные этнографические данные, по которым у тюркских народов вплоть до недавнего времени был обычай изготавливать фигуры умерших, делать куклы и устраивать вместе с ними пир. На этой тризне антропоморфный двойник умершего должен был символически есть и пить. Очевидно, обязательная для большинства типов тюркских изваяний чаша предназначалась для заупокойной трапезы. Подобный обычай и представления, вопреки исламским догмам, были живучи и у киргизов вплоть до начала XX в. Согласно древним представлениям, душа покойного мужчины в течение года не уходила из юрты вместе с телом. Она пребывала в специальном его изображении, символе, который именовали «тул». В эпосе «Манас» отмечено, что после смерти великого героя, его сподвижник Бакай из тополя вырезал изображение, внешне очень похожее на

самого Манаса. Примерно такие же тулы делали из дерева чаткальские киргизы. По крайней мере, они изображали подобие человека с головой, руками и ногами. Вдова при перекочевках сажала тул на коня, которого вела в поводу за собой. В других районах Киргизии тул представлял собой вертикально поставленный шест с перекрестием, на который надевали платье и шапку покойного.

Сопоставив указанные факты этнографического порядка с археологическими находками каменных изваяний, В. П. Мокрынин сделал вывод: «Древние поверья киргизского народа, связанные с культом предков, очень сходны с такими же поверьями древних тюрков»⁷.

Приведем еще один факт бесспорной связи культа изображений предков с киргизскими гумбезами. В эпосе «Семетей», как подсказал нам К. Айдаркулов, отмечено, что перед дальними походами киргизские воины обращались к изображениям эпических богатырей, нарисованным внутри гумбезов, за благословением и помощью на трудном и опасном военном пути.

«Культе умершего предка, — писал видный советский археолог Г. А. Федоров-Давыдов, — был связан, видимо, с представлением о том, что умерший какое-то время реально существует в образе своей статуи. Статуя представляется не только местом вместилищем одной или нескольких душ умершего, но и заместителем, двойником его...»

В этом замещении людей камнем, в представлении о связи с реальным человеком и его конкретной душой есть большая доля особого рода примитивного «символизма», при котором предмет становится обозначением конкретного живого существа... Вероятно, каменное изваяние не было предметом широкого культа, его почитали только ближайшие родственники»⁸.

Таким образом, как представляется, нам удалось провести (правда, очень слабую) ниточку, связывающую наши находки каменных изваяний с гумбезами киргизов XVIII—XIX вв. и древнетюркским погребальным обрядом, существовавшим на территории Киргизии в VI—X вв. Древнетюркское каменное изваяние могло получить вторичное использование в качестве тула умершего киргиза, после ритуального годичного траура его устанавливали на могиле покойного. Этому предположению не противоречат и незначительные размеры каменных изваяний в гумбезах — их легко поднимет один человек.

Если и был разрыв изобразительных канонов при создании образа предка, то не наблюдается разрыва в идеологических представлениях, связанных с его культом.

⁷ Мокрынин В. П. Каменные изваяния..., с. 13—15.

⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников Золотой Орды. М., 1976, с. 91—92.

* * *

Проблема каменных изваяний, несмотря на всю ее значимость в археологии Киргизии, и на сегодняшний день остается еще малоработанной. Как и четверть века назад, «мы вряд ли находимся на пороге решения всех вопросов, связанных с этими памятниками, и в данной области еще многое предстоит сделать»⁹.

В первую очередь необходимо продолжить выявление каменных изваяний, памятуя, что широкий масштаб сельскохозяйственных работ наносит большой ущерб этим памятникам. Они бесследно исчезают, не попадая в поле зрения археологов. Начало было положено Д. Ф. Винником, который по инициативе Республиканского общества охраны памятников истории и культуры и Исторического музея собрал и доставил на городище Бурана для экспозиции около 100 каменных скульптур древних тюрков. Сейчас это самая крупная коллекция данного вида памятников в Средней Азии и Казахстане.

Наряду с выявлением изваяний необходимо проводить систематические раскопки погребений древних тюрков и особенно тех могильников, на которых еще сохранились скульптуры или были ранее на них.

И последнее. Необходимо ускорить публикацию материала о всех известных изваяниях. Введение в научный оборот этих памятников даст возможность приступить к написанию обобщающих работ по каменным изваяниям Центральной Азии, и смеем надеяться, докажет генеалогическую преемственность культовых обрядов на территории Киргизии с древнейших времен до XIX в. А это одно из интересных направлений дальнейшего исследования проблемы этногенеза киргизского народа.

⁹ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, с. 8.

КИРГИЗСКИЕ МАВЗОЛЕИ-ГУМБЕЗЫ

Гумбезы и мазары — надгробные мавзолеи киргизов — своими истоками уходят в бытовую архитектуру предшествующих времен. Архитектура эта почти не сохранилась, но она была. Была у народа, ставшего позже чисто кочевым. Эти памятники являются также наиболее веским доказательством занятости местного кочевого населения в далеком прошлом и земледелием, и горными разработками, и торговлей. С течением времени первоначальные формы гумбезов видоизменялись, приобретая черты типичного жилища кочевников — юрты, элементы которой можно проследить во всех без исключения киргизских гумбезах.

Предыстория. Отличительной чертой памятников XVI—XIX вв. является их плохая сохранность. Археология Киргизии знает немало памятников лучшей сохранности более древних времен и средневековья, в то время как более поздние памятники, сделанные из сырцового кирпича или набивных глиняных стен (дувалов), почти полностью разрушились. Представление о них можно составить лишь совмещением полевого метода раскопок с источниковедческим анализом сохранившихся архивных документов, а также чертежей путешественников и топографов рекогносцировочных военно-научных отрядов прошлого столетия.

Естественно, возникает вопрос, каково же назначение и отличие гумбеда от мазара? Гумбед — это обычное надгробное сооружение, построенное из сырцового или жженого кирпича, имеющее форму от небольшой ступенчатой саганы — надгробия — до большого мавзолея с мощным порталом, украшенным декоративными нишами или фигурной кладкой кирпича. Мазаром же считается надгробное сооружение, дерево или какой-либо водный источник, являющийся или являвшийся местом поклонения верующих. Не каждый мавзолей можно назвать мазаром, поэтому термин этот применим лишь к названиям надгробных сооружений, с которыми верующие связывают имена «святых».

Специальному исследованию киргизские гумбезы, архитектура и связанный с ними фольклор пока не подвергались. Но попутно и археологи, и историки, и архитекторы при возможно-

сти фиксировали эти памятники и старались их описать. Если придерживаться хронологии, то следует упомянуть знаменитого казахского ученого Ч. Ч. Валиханова, русских путешественников П. П. Семенова и М. И. Венюкова, известного советского археолога А. Н. Бернштама, архитектора В. Е. Нусова и историка В. М. Плоских. В оценке ими памятников такого рода было высказано множество различных точек зрения, однако, все эти исследователи отмечали глубокие народные традиции и богатое внутреннее содержание, вложенное в них искусными мастерами — историческое, археологическое, архитектурное, искусствоведческое и т. п.

Памятники среднеазиатской архитектуры, как справедливо подметил один из ведущих немецких искусствоведов Бурхард Brenties, являются ценнейшим материалом для истории искусства. И не потому, что в Средней Азии не существовало в прошлом других видов искусства, а потому, что именно мечети, мавзолеи, дворцы и медресе являлись немymi свидетелями, несли на себе отпечаток нашествия монголов и ужасов террора господствующих классов против крестьянских восстаний. Некоторые из них дошли до наших дней лишь в виде руин, многие погребены под песками пустынь. Великолепные текстильные изделия уничтожены, резьба по дереву сожжена, многочисленные золотые и серебряные вещи переплавлены или разграблены. В небольшом количестве они сохранились в гробницах¹.

Единственными сравнительно неплохо сохранившимися до наших дней архитектурными памятниками Киргизии являются средневековые минареты Узгена и Баласагуна, мавзолей Узгенского комплекса и многочисленные киргизские гумбезы XVIII—XIX вв.

Классификация. Еще в конце 40-х годов XX в. известный советский археолог, пионер археологических исследований в Киргизии А. Н. Бернштам справедливо заметил: «Совершенно незаслуженно забыты исследователями в Киргизстане мазары XVIII—XIX веков, чаще называемые гумбедами (буквально — куполами)»². К сожалению, это замечание актуально и сегодня.

А. Н. Бернштам разделил мазары по конструктивным особенностям на следующие типы:

- 1 — центрический тип — гумбезы со сферическим или параболическим куполом (Кырк-Чороо в Кочкорской долине);
- 2 — порталный тип с куполами сферическими или конусовидными (распространены повсюду, характерны для окрестностей Нарына и Ат-Баши);
- 3 — порталный тип с трехчетвертными колоннами по сторонам, в основном — со сферическими куполами (Таласская долина).

¹ Brenties B. *Mittelasian Kunst des Islam*. Leipzig, 1979.

² Бернштам А. Н. *Архитектурные памятники Киргизии*. М., 1950, с. 117.

Встречаются надгробные сооружения в виде четырехугольной ограды с башенками по углам, иногда имитирующими фонарики минаретов. Внутри такого мавзолея обычно стоит сложенная из кирпичей *сагана* — надгробие (преимущественно на Иссык-Куле). От него несколько отличаются мазары, где к порталу примыкает продолговатое помещение над саганой, перекрытое полуциркулярным сводом (Отук, Он-Арча)³.

Эта классификация была нами взята за рабочую основу при обследовании гумбезов в Центральном Тянь-Шане. И, надо сказать, она вполне себя оправдала и получила новое научное подтверждение.

Отличительной особенностью мавзолеев Центрального Тянь-Шаня является либо отсутствие внешнего декора, либо его крайняя незначительность. Гумбезы содержат в себе следующие элементы: ложные окна и двери в стенах; прямоугольные впадины по порталу; фризы в виде повернутых углами кирпичиков, одиночных и спаренных, положенных на ребро; «решетчатая» ажурная кладка ромбического узора; украшение портала трехчетвертными колоннами, башенками по углам, с фонариками и коническими завершениями.

Портал обычно штукатурился ганчем, фасад завершался четырьмя сквозными проемами или нишами, забранными узорными штукowymi решетками, по гребням стен тянулись тюльпановидные зубцы. Типичны угловые башенки из пустотелых ганчевых блоков. Они имитируют деревянную колонну с фонариком вместо капители.

Дополнительно отметим еще две особенности:

Налепной киргизский орнамент на наружной стороне купола. Роспись стен внутри купола и на фронтонах (она названа А. Н. Бернштамом «исключением», хотя имела довольно большое распространение).

Из архитектурных конструкций, не отмеченных А. Н. Бернштамом, можно указать на «спаренные» гумбезы (Тайлака и Атантая) и «семейные» (когда под одним куполом две и более саганы). Кроме того, А. Н. Бернштам встречал и надписи на гумбезах и внутри них, а также иногда на портале, особенно на лицевой стороне у арки входа. Нам не удалось обнаружить ни одной такой надписи. Зато встречены единичные надгробные камни-валуны и обработанные памятные плиты с эпитафиями.

На сегодня культовые сооружения — наиболее распространенные архитектурные памятники дореволюционного прошлого на территории Киргизии. Большая часть их, а на севере исключительно все, связаны с надгробными сооружениями.

В своем дневнике во время путешествия по Иссык-Кулю в 1856 г. известный казахский ученый Ч. Ч. Валиханов отмечал, что «киргизы прошлого века непременно обязаны были место

успокоения (упокоения — Б. Д.) какого-нибудь батыра ознаменовать потомству или большой земляной насыпью, или стеною в виде крепости, или уступчатой башней. Все это они делали, смотря по средствам, из жженого или земляного кирпича. Громадность — эмблема могущества покойника»⁴.

Путешественник посетил гумбез преждевременно умершего сына могущественного сарыбагышского манапа Джантая в устье р. Тюп и сделал его зарисовки. Получивший широкую известность, гумбез стал эталоном киргизских мавзолеев. За строительство этого гумбеза Джантай заплатил мастеру четыре «девятки скота» и сотню баранов. Причем девятки состояли: первая — из раба и восьми лошадей, вторая — из верблюда и восьми лошадей, третья — из лошади-бегунца и восьми лошадей, четвертая — из вола и восьми коров. Гумбез имел форму острокупольного сооружения с мощным порталом, украшенным сверху решетчатой кладкой кирпича и двумя минаретными фонариками, в стенах — воздушные решетчатые окна. Гумбез, по словам Ч. Ч. Валиханова, был выбелен «очень складно», внутри имелась роспись разными цветами «в восточном стиле».

Посетивший гумбез через год П. П. Семенов-Тянь-Шанский отметил, что мавзоль имел купол и две башни, на передней стене красивые узорчатые амбразуры окон и двери с интересными украшениями сверху. Помещение внутри мавзолея было высоким, цилиндрическим. В центре находился «род саркофага»⁵. Кирпичи были слабого обжига, и гумбез уже начал разрушаться. В наши дни, естественно, от него не осталось никаких следов на местности, не сохранился он и в памяти народа.

Гумбезы имели свои особенности не только в зависимости от социального положения погребенного, но и по территориальному признаку. Мавзолеи Прииссыккуля и Центрального Тянь-Шаня в своей основе имеют вид от небольшой ступенчатой пирамиды и прямоугольной оградки до купольного сооружения, украшенного иногда порталом. Мавзолеи Чуйской, Таласской и Чаткальской долин, а также предгорной Ферганы — куполообразные, с хорошо развитым порталом, увенчанным двумя колоннами. На Сары-Джазе при возведении их использовали дерево.

По архитектонике все надгробные сооружения Киргизии можно разделить на несколько типов.

Самой простой и наиболее распространенной формой надмогильного сооружения у киргизов были каменные сооружения прямоугольной формы или земляные курганные насыпи до 1 м высотой. Одной из таких архаичных форм, встреченных нами в Центральном Тянь-Шане, оказался каменный курган XVIII или

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 255.

⁵ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1947, с. 274.

³ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии, с. 118—122.

нач. XIX в., вершину которого венчало древнетюркское каменное изваяние. Не являясь по своей сути типичным, данный факт свидетельствует о живучести домусульманских традиций в киргизских обрядах захоронения, сохранившихся вплоть до XIX в., и как отмечалось выше, о некоторой преемственности надмогильного обряда — от каменных изваяний до гумбезов.

При традиционном обряде над захоронением рядового кочевника возводилось пирамидальное ступенчатое надгробие на прямоугольном основании высотой до двух метров — сагана.

Судя по простоте формы, легкости и дешевизне возведения, оба типа надмогильного сооружения были присущи беднейшим слоям населения — рядовым кочевникам-скотоводам.

К отдельной группе можно отнести гумбезы, построенные в виде оградки без купола, иногда с мощным порталом, украшенным декоративными нишами, фигурной кладкой кирпича, а иногда фланкированным по сторонам колоннами с минаретными фонариками. В прямоугольных оградках сказалась прямая преемственность от древних доисламских архитектурных форм. Появление же портала, к тому же украшенного колоннами с минаретными фонариками, — это уже несомненное влияние исламской культуры.

По архитектурному решению и декору мавзолее весьма разнообразны. К памятникам сложного типа можно отнести гумбезы комплекса Тайлак на правом берегу р. Куртка при слиянии ее с р. Нарын, а также гумбезы у сел Ак-Моюн и Терек-Суу, в Ат-Баши, гумбез Тура-Суу на Иссык-Куле и многие другие. Такого типа мавзолей характерны для Северной Киргизии, Центрального Тянь-Шаня и реже встречаются на юге.

К следующему типу надмогильного сооружения можно отнести куполообразные мавзолей непритязательной формы: от обыкновенной глинобитной «юрты» с навесом до сферически низкого купола, возводящегося прямо с земли при помощи тропов, либо покоящегося на прямоугольном основании в виде оградки. Куполы выложены кольцевой кладкой, арочный дверной проем вписан в небольшой портал либо слегка возвышающуюся фасадную стенку. Фундамент, как правило, отсутствует. Это так называемые гумбезы. В украшении их применялись элементы в виде геометрического узора (ромбы, кресты, треугольники, прямоугольные решетки — формы, легко выкладываемые сырцовым кирпичом), восходящие к истокам традиционного киргизского орнамента.

Обследовав в 1945—1949 гг. попутно серию киргизских гумбезов Центрального Тянь-Шаня и отметив две их разновидности с преобладанием прямоугольных оградок и куполообразных с различной степенью развитости порталов, А. Н. Бернштам заключил: «Киргизские мавзолей-гумбезы интересны тем, что в них ярче всего выступает тенденция строителя восстановить,

воспроизвести в постройке идею круглого плана кибитки и ее сферического покрытия. Высота купола и его соотношение с корпусом здания повторяют основные пропорции высот, остова кибитки и ее покрытия»⁶.

Чирак-Булак. В ходе экспедиционных работ мы измеряли и зарисовывали планы гумбезов, фотографировали их, произвели раскопки одного разрушившегося гумбеза — Ниязбека в Чон-Кемине, где в свое время останавливался русский путешественник М. И. Венюков.

Развалины одного из подобных гумбезов были зачищены и раскопаны в зоне затопления Токтогульского водохранилища в 1973 г. В. Д. Горячевой. Это так называемый Чирак-Булак, расположенный на второй надпойменной террасе левого берега р. Нарын. По сообщению информатора Асаке Турапы (1918 г. рожд.), гумбез был построен неким киргизским ханом для себя и членов своего рода. Здесь он и был захоронен. Ко времени раскопок гумбез представлял собой оплывший четырехугольник, ориентированный приблизительно по сторонам света. Высота сохранившихся валов с остатками гребня кладки не превышала 1,5 м, ширина — 3—4 м. Разрез углового оплыва показал, что гумбез был фланкирован по углам четырьмя колоннами, кладка которых сохранилась лишь частично у основания. Диаметр у основания 1,5 м. Очевидно, как и стены, они сужались кверху. Судя по аналогии с сохранившимися киргизскими гумбезами XVII—XIX вв., колонны возвышались над стенами.

В ходе раскопок выяснилось, что мавзолеем был возведен из небольших окатанных блоков глины (гуваляк), размером 12—20 см × 15—25 см, сложенных без раствора. Такой способ кладки стен широко применялся и в народной жилой архитектуре Средней Азии. Фундамента не было — стены возводились на поверхности почвы, свидетельство чему — слой зольника, обнаруженный непосредственно под основанием одной из колонн. Северо-восточная стена имела у основания толщину 1,5 м и несколько утончалась кверху. Северо-западная стена имела ширину у основания 95 см и 80 см по гребню. У входа, расположенного с северной стороны, стена образовывала уступ с внутренней стороны, но следов дверей не зафиксировано⁷.

Говоря о среднеазиатской архитектуре, Бурхард Брентьес отмечает, что хотя основные принципы возведения мечетей, медресе, мавзолеев должны были служить идеям ислама, они так глубоко коренились в архитектуре доисламского периода, что даже исламская архитектура определялась сложившимися в течение тысячелетий формами и возможностями строительства⁸.

⁶ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 123.

⁷ См.: Полевой дневник раскопок В. Д. Горячевой. — Рукописные фонды Института истории АН Киргизской ССР.

⁸ Brentjes B. *Mittelasian Kunst des Islam*, s. 43.

Это замечание еще более справедливо к поздним киргизским гумбезам, росписи которых не только далеки от ислама, но иногда и прямо противоречат ему. Мы имеем в виду сюжетные росписи куполов гумбезов со сценами животных и даже людей, что строго-настроено запрещалось канонами ислама.

При строительстве мавзолеев внутренность купола и стен иногда оштукатуривалась лессовым раствором, по которому изредка наносился орнамент. Верхняя часть стен мавзолея и ограды иногда выкладывалась геометрическим орнаментом. Яркое представление о них дают рисунки и фотографии мавзолеев. Один из первых рисунков киргизского гумбеза на р. Тюп в Прииссыккулье, как мы уже отметили, был сделан в 1856 г. казахским ученым Ч. Ч. Валихановым, заметившим, что «если у киргизов есть свое художество, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил»⁹.

Гумбез Ногая. Валиханов упомянул также гумбез другого киргизского манапа Ногая из рода бугу. В следующем, 1857 г., этот гумбез посетил П. П. Семенов-Тянь-Шанский, оставивший красочное его описание: «Взойдя на Тасму, мы увидели красивую могилу богинского батыря, по имени Ногая, умершего на этом месте в 1842 году. Памятник этой работы лучших кашгарских мастеров обошелся семейству Ногая довольно дорого: оно заплатило за него две ямбы серебром, двух верблюдов, пять коней и 300 баранов»¹⁰. Да, такие средства мог потратить только могущественный феодал, бедные слои населения обходились более скромными, но и менее долговечными надгробными сооружениями. Несмотря на то, что гумбез строили кашгарские мастера, возведен он по традициям киргизской архитектуры, свидетельством чего являются многочисленные последующие киргизские мавзолеи, некоторые из них сохранились до наших дней.

Гумбез имел, по словам П. П. Семенова, вид небольшого храма восточной архитектуры с куполом и башней. Помещение внутри мавзолея было восьмиугольным и высоким, метра четыре в диаметре. Саганы, или «саркофага», внутри не было. Купол мавзолея был расписан «чрезвычайно грубыми фресками», с изображением самого Ногая на коне, в руке — длинная пика, за ним — на коне его сын Чон-Карач, далее — все члены семейства Ногая и ряд вяющих верблюдов.

Мавзолей Ногая, судя по описанию, был центрическим восьмигранником. Купол украшали фрески. Значит, киргизы, кроме орнаментальной, владели еще и тематической живописью. В росписях — тематический сюжет (Ногая на коне и пр.) связан элементами пейзажа (хотя и фантастические, по деревья, цветы).

⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 253.

¹⁰ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань..., с. 273.

Окружающая действительность и анимистические представления киргизов служили питательной средой для примитивной жанровой живописи.

Как видим, ортодоксальный ислам с его запретами изображать все живое, особенно человека, не очень беспокоил древнего зодчего. Это говорит о том, что ислам в кочевой среде не пустил глубокие корни, и при сооружении памятников основное внимание киргизы старались уделить красоте — традиционной архитектуре в сочетании с живописью.

По сообщению П. П. Семенова, подкрепленному другими исследователями, иссык-кульские киргизы при строительстве гумбезов употребляли иногда глазурованные кирпичи с более ранних средневековых развалин, в том числе подводных¹¹.

В росписях киргизских гумбезов (Ногая, Байтыка, также таласских) наличествует синий цвет. Еще Ч. Валиханов в дневниковых записях во время поездки по Иссык-Кулю, отмечал, что у киргизов синий цвет означает траур.

Со ссылкой на Г. А. Колпаковского академик В. В. Бартольд упоминает о двух киргизских гумбезах на Иссык-Куле, построенных из средневекового кирпича. Это — гумбезы Балбая, для строительства которого кирпич был взят около Койсу, и гумбез Тиль-Ахмета, построенный из койсаринского кирпича. Такой же гумбез встретил и сам ученый по дороге из Пржевальска в деревню Сливкино (совр. Покровка)¹².

Мавзолеи-дворцы. К следующей группе памятников относятся мавзолеи, на первом плане которых выступает мощный портал с колоннами. Это преимущественно крупные гумбезы из самана или жженого кирпича с укоренившимися исламскими архитектурными традициями. Возводились они, как правило, в честь известных мусульманских деятелей данной местности. Наибольшее распространение такие мавзолеи получили на юге Киргизии, соседствующей с мусульманскими культовыми центрами Ферганы.

Характерным примером этой группы памятников является описанный В. Е. Нусовым¹³ мазар Ходжа Биала в Опшской области, сооруженный в конце XVII—нач. XVIII в. на могиле известного местного мистика. Мавзолей имеет форму прямоугольника (4,55 × 4,68 м), портал фланкирован колоннами, покрытыми цветным ганчем с геометрическим рисунком. Верх портала украшен по ганчу геометрическим орнаментом. Сферический купол увенчан керамической деталью кувшинообразной формы.

В 10-ти км южнее, в центре с. Уч-Курган, в конце XIX в.

¹¹ См.: Шлоских В. М., Галицкий В. Я. Открытие древностей Иссык-Куля. — В кн.: Археологические памятники Прииссыккулья, с. 39.

¹² Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. — Соч., т. IV, М., 1966, с. 67.

¹³ Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971, с. 66—67.

был возведен другой аналогичный мавзолеем — мазар ишана Балхи. В плане — прямоугольник размером 7,72 × 5,70 м. Портал 6 м высотой также включал колонны. Он был украшен орнаментом, выполненным по цветному ганчу. Оба мавзолея сложены из пахсы и самана на лессовом растворе¹⁴.

Кырк-Чороо. В Кочкорской долине в полукилометре северовосточнее села Дон-Алыш находится комплекс гумбезов Кырк-Чороо. В настоящее время архитектурную форму относительно сохранили 14 гумбезов. Памятник продолжает катастрофически разрушаться, и реставрация его вряд ли возможна. Построенные ранее осушительные каналы вокруг памятника никаких результатов не дали. В местах многих прежних мавзолеев остались кучи разложившихся сырцовых кирпичей. Кирпичи квадратные, заметны следы обмазки. Каких-либо украшений не обнаружено. В подавляющем большинстве гумбезы купольные с мощными порталами и саганой внутри.

Среди развалин кое-где встречаются арочные бревна, служившие, видимо, для крепления купола. Некоторые местные жители, проживающие в селе вблизи этих памятников, утверждают, что находили обломки от глазурованных плит синего цвета. Но во время осмотра не было найдено ни кусочка таких плит, никаких фрагментов керамики или других предметов.

Как раньше выглядели и какие архитектурные украшения или хотя бы особые черты были на гумбезах, старожилы не помнят и не могут сказать ничего определенного. Кто строил, сколько гумбезов было здесь также никто точно не помнит. Одни говорят, что их было двадцать, другие утверждают — пятнадцать. Из сохранившихся можно выделить лишь четырнадцать.

Все старожилы и опрошенные нами информаторы связывают с памятником Кырк-Чороо легенду из эпоса «Семетей». Легенда гласит, что, обидевшись на Семетей, сорок витязей покинули Талас. Через перевал они ушли на Сусамыр, из Сусамыра через Каракольский перевал в Кочкорскую долину. Семетей настиг их в местности Ак-Чий и просил вернуться. Но витязи отказались. Это место, по словам старожил, находится в 6—8 км к западу от гумбезов.

Первое вооруженное столкновение между Семетеем и витязями произошло там, где сейчас стоят гумбезы. Судя по легенде, здесь Семетей убил около 20 витязей своего отца. Остальные начали искать спасения в бегстве. Но Семетей догнал их в местности Торт-Куль и снова стал уговаривать вернуться. Однако витязи не подчинились Семетею и напали на него. Тому пришлось уничтожить их. После гибели витязей Семетей собрал жителей этой местности и с их помощью возвел в честь павших воинов мавзолей.

По другой легенде, Семетей во время охоты на лебедей сам рассказал о совершенном им убийстве. Легенда гласит: Айчурек, влюбленная в Семетей, превратившись в лебедя, полетела в сторону Таласа, чтобы посмотреть на любимого. Первая жена Семетея, Чачыкей, узнав, что Айчурек превратилась в белого лебедя, посоветовала Семетею поохотиться на лебедей. Отказавшись стрелять в беззащитных лебедей, Семетей в ответ на обвинения Чачыкей заявил, что он не испугался даже напавших на него витязей и, сражаясь с ними, убил всех.

В легенде четко звучит мотив феодальных раздоров в киргизском обществе, когда за объединением, достигнутым Манасом, наступает период межфеодальных усобиц.

Джумгальские гумбезы. Гумбезы безымянные. В Джумгальском районе их много. Сейчас они зафиксированы документально, некоторые из них описаны.

Несколько древних гумбезов сохранилось на восточной окраине с. Ламы по обе стороны от дороги. Эти памятники оригинальны. Архитектурное их решение и богатый декор говорят о высоком мастерстве и богатой фантазии киргизских зодчих прошлого столетия. Все эти гумбезы колоннадного типа с порталами. Портал одного из мавзолеев украшен множеством ниш, две из которых — в виде шестеренки; нижняя часть купола и верхняя часть двухступенчатого цоколя по всему периметру украшены традиционным киргизским орнаментом. Кроме того, по словам местных жителей, ниши гумбеза были украшены портретами и рисунками «почетных» людей; к сожалению, до наших дней они не сохранились. Другой гумбез также по центру портала над входом украшен орнаментом в виде рогов архара.

Гумбез же в с. Чон-Добе можно назвать мазаром. Это величественный мавзолеем, по portalу и изнутри украшенный множеством разнообразных ниш. Гумбез был местом поклонения верующих, о чем свидетельствуют отрывки рукописей и фрагментов корана на арабском шрифте, найденные в мавзолее. По словам местных жителей, это мазар Курманбая — в прошлом местного имама.

А. Н. Бернштам, также зафиксировавший в Джумгале значительное количество купольных мавзолеев, особо выделил широко известный среди жителей гумбез Чинабия. Это был обычный купольный мавзолеем из сырца с деревянными перекрытиями, плоскость которого рассечена на отдельные площадки, в центре вход, перекрытый стрельчатой аркой¹⁵. Около гумбеза ученым зафиксировал намогильные стелы с надписями конца XIX — начала XX в. Однако до нашего времени эти эпитафии не сохранились.

Около 20 разрушенных и полуразрушенных гумбезов расположено в местности Кара-Ой у с. Каирма. Все эти мавзолеи не

¹⁴ Нусов В. Архитектура Киргизии..., с. 67.

¹⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 122.

похожи друг на друга, разнообразны по своему архитектурному решению и декору. Здесь можно увидеть гумбезы колоннадного типа с куполом, порталного типа с куполом и гумбезы в виде ограды. Один из гумбезов изнутри украшен росписью. Среди них встречаются и двухсекционные гумбезы. Вообще эта местность богата памятниками. Здесь и сако-усуньские курганы, и средневековое поселение, и крепости кокандского времени.

Гумбез Тайлака. Есть среди памятников такие, которые не нанесены на карту и до последнего времени не привлекали еще специального внимания исследователей. А они заслуживают того, чтобы их не только изучали, но и внесли в «Свод памятников истории и культуры» Киргизстана, как свидетельство памяти и благодарности народа своим героям, борцам за свободу и независимость. Речь пойдет о памятнике, незаслуженно забытом учеными, но до сегодняшнего дня почитаемом местными жителями, с благоговением передающим из уст в уста легенды о герое, в честь которого и был воздвигнут полтора века тому назад этот мавзолей — гумбез Тайлака.

В том месте, где дорога за городом первый раз пересекает р. Нарын, в 1 км от впадения в нее правобережного притока — р. Куртки — на территории совхоза «Коммунистичил» Ак-Талинского района стоит группа старинных мавзолеев-гумбезов. Время не пощадило эти глинобитные сооружения — единственные свидетельства архитектурного искусства киргизов XVI—XIX вв. Почти все сферические куполы обрушились, своды оплыли, ветер и дождь смыли орнаментированную раскраску внутренних помещений, наружный декор. Но и спустя 150 лет после возведения, гумбез Тайлака представляет собой внушительный архитектурный комплекс, внешне выдержанный в традиционном стиле общесреднеазиатской культовой архитектуры X—XII вв., но уже несущий отпечаток киргизского орнаментального искусства и архитектоники.

Так кто же такой был Тайлак? Какой след оставил он в истории, что потомки решили запечатлеть память о нем, воздвигнув этот мавзолей?

Краткие сведения о Тайлаке сохранили китайские летописи XIX в., имеется упоминание о нем и у казахского ученого-путешественника Чокана Валиханова, посетившего кокандскую крепость Куртка в середине прошлого столетия. Почетное место Тайлаку отводит и генеалогия киргизов — *санжыра*. Но более обширные сведения о нем можно почерпнуть из исторических преданий народа, дошедших до наших дней, записанных в свое время А. Чоробаевым и изданных во Фрунзе в 1959 г. на киргизском языке.

Согласно генеалогическим преданиям, Тайлак и его брат-близнец Атантай — выдающиеся борцы за свободу киргизского народа против китайских и кокандских феодалов. Их отец Рыскул не оставил никакого следа в истории, разве что побывал в

плени у китайцев, а вот их дед Жамболот был заметной фигурой во второй половине XVIII столетия. Являясь крупным феодалом рода чирик из племени саяк, он активно участвовал в межфеодалных родоплеменных усобицах, неоднократно организовывал захватнические походы в Ферганскую долину и в Талас, в бассейн р. Или. Потомки захваченных Жамболотом пленников, привезенных в Центральный Тянь-Шань, остались здесь, составив небольшие роды — осколки других киргизских племен кипчак, мундуз, саруу, кытай и даже других народов — таджиков, казахов, калмаков. Прославился Жамболот и как активный борец против китайской агрессии. Однако в конце XVIII в. его отряд превосходящими силами был все же разбит, сам Жамболот с сыном Рыскулом был взят в плен и увезен в рабство в Китай. Лишь через много лет им удалось возвратиться на родину. В начале XIX в. стали совершать свои завоевательные набеги на киргизские земли кокандские ханы. Борьбу народа и против китайцев, и против кокандцев возглавили внуки Жамболота — братья-близнецы Тайлак-батыр и Атантай.

Кокандский наместник в Куртке Ташмат однажды обманом заманил Атантая в крепость и посадил его в зиндан. Возмущенный Тайлак вооружился и начал собирать джигитов. В то время кокандский наместник угонял всех красивых киргизских девушек в плен. Гонец был послан к Тайлаку за помощью. Тайлак с дружинниками устроил засаду на пути кокандцев и отбил пленных девушек. Кокандцев Тайлак отпустил, отобрав у них лишь лошадей.

Возвратившись, Тайлак сказал отцу: «Я — зрелый джигит, не могу смотреть на страдания своего народа. Кокандцы угоняют девушек, обирают народ налогами. Хватит нам жить под вечным страхом. Надо бороться». И рассказал отцу, как освободил девушек и отпустил кокандских пленников. «Благослови меня, отец, на ратные дела», — закончил Тайлак рассказ.

Тайлак, собрав народ, двинулся на осаду кокандской крепости Куртка. Пройдя по долине Кара-Менде, повстанцы перешли вброд р. Алабука, затем р. Нарын, и окружили крепость. Увидев знамя Тайлака, сбежали из крепости и присоединились к Тайлаку бывшие там пленные. Кокандский наместник Ташмат с 200 джигитами трусливо бежал. Взяв крепость и освободив своего брата Атантая и всех пленных, Тайлак обещал, что не будет раздавать отбитое у кокандцев добро, так как оно может быть использовано для дальнейшей борьбы с кокандцами и призвал всех встать под свои знамена. Однако местные феодалы — представители разных родов — отметили, что кокандский хан очень силен: он может прийти с большим войском и всех уничтожить. Бывший ханский наместник Ташмат, прибыв в Коканд, упал в ноги Мадали-хана, умоляя о пощаде. Он просил дать ему войско, чтобы уничтожить Тайлака. Но разгневанный Мадали-хан приказал казнить Ташмата. Затем было собрано

войско во главе с Арабом-батыром и направлено против Тайлака на Нарын.

Тайлак был готов к сражению. Он вышел навстречу кокандскому войску. Как повествует легенда, перед боем состоялось единоборство между Тайлаком и Арабом. В первой схватке они бились щитами, но никто не смог победить. Затем произошла схватка копьями. Тайлак, изловчившись, ударом копья пробил Арабу шею. Мертвое тело Араба свалилось с коня. Кокандское войско, узнав о гибели своего полководца, разбежалось.

Но кокандский хан не успокоился. Он послал новое войско против непокорных киргизов, во главе с полководцем Эдиге. Эдиге, придя на землю киргизов, потребовал от предводителя рода сарыбагаш феодала Ниязбека, чтобы тот изловил Тайлака. Но Ниязбек перехитрил Эдиге. Он сказал, что у Тайлака несметное количество джигитов. И показал ему издали войско, которое продвигалось у гор. А это он сам пустил вокруг горы 200 своих джигитов, которые, уходя за гору, меняли лошадей и выезжали заново. Тогда Эдиге, придя в Талас, вызвал на единоборство Тайлака с условием, если кто погибнет, то войско его должно сдать без боя. Как повествует легенда, началось длительное единоборство. При первом же ударе у обоих сломались копья. Следующая схватка шла топорами. При одном из ударов у Эдиге вылетел топор из рук. Тогда Тайлак, схватив его за пояс, поднял и бросил под знамя. Попытавшегося встать Эдиге застрелили, так как он проиграл единоборство. Этого требовали правила того времени. Кокандское войско бежало.

После победы Тайлак провел некоторые реформы. Он начал осваивать и обживать высокогорные районы Арпы и Ак-Сая, расширял пахотные земли. Позже киргизы рода саяк, родопрародителями которого стали Тайлак и Атантай, принимали активное участие в восстании Джахангира против Цинской империи в Восточном Туркестане. Участие киргизов в восстании было обусловлено стремлением предотвратить разбойничьи набеги цинских военных отрядов на «закордонные», т. е. киргизские, земли. Китайские источники высоко оценивали роль Тайлак-батыра как своего могущественного противника. Чтобы подавить восстание Джахангира, цины посылают отряд численностью 1000 человек во главе с генералом Баян-Бату. Скрытно продвигаясь к кочевьям саяков, они ночью напали на беззащитное мирное население и перебили всех, не щадя ни детей, ни стариков, ни женщин. Тайлака в это время в родовых кочевьях не было. Узнав о нападении китайцев, он срочно собрал небольшой отряд джигитов и устроил засаду в узком ущелье. Попав в ловушку, китайский отряд был полностью уничтожен, а их предводитель Баян-Бату покончил с собой. С цинскими набегами было покончено, но захватнические походы Коканда продолжались. В конце 20-х начале 30-х годов Центральный Тянь-Шань попадает под власть кокандцев.

Борцы за свободу и независимость своего народа Тайлак-батыр и Атантай были разбиты и взяты в плен кокандцами. Ч. Ч. Валиханов так описывает события 30-х годов XIX в.: «Хак-Кулы в 1832 г. разбил саяков, предводителей их Атантая и Тайлака взял в плен и привез в Коканд, обложил ясаком чириков, бассызов, моналдыров и основад Куртку... Атантай и его брат Тайлак не хотели подчиниться кокандцам и после освобождения из плена откочевали на Или к киргизам Большой Орды, но впоследствии, разграбленные кайсаками, возвратились в родовые кочевья»¹⁶. Построенная кокандским ханом крепость Куртка при слиянии р. Куртка и Нарын стала оплотом кокандского гнета. Здесь они взимали с киргизов непосильные налоги, отсюда угоняли в Коканд самых красивых девушек и в случае сопротивления жестоко расправлялись с непокорными. Это вызвало резкое недовольство местного населения и выступление его против кокандского гнета. Возглавили борьбу против кокандского ига все те же братья-близнецы Тайлак и Атантай.

Кокандцы не могли с этим смириться и решили коварством погубить вождей повстанцев. Как повествует легенда, однажды Тайлак устроил той с обильными угощениями и играми. Играя в ордо, он вдруг почувствовал сильную головную боль и призвал табиба-лекаря. Этот лекарь появился в киргизских кочевьях три года назад и, как впоследствии выяснилось, оказался шпионом, подосланным кокандским ханом. Табиб сказал, что у Тайлака в голове скопилось много крови и иглой проткнул ему вену. Кровь хлынула, и остановить ее было невозможно. Увидев, что батыр умирает, табиб сбежал. Так оборвалась жизнь народного защитника батыра Тайлака. Народ с почестями похоронил своего героя. Но следующей весной, боясь, что кокандцы придут и надругаются над телом Тайлака, они перенесли его за р. Куртка и вновь захоронили. Местные жители возвели мавзолей в честь Тайлака-батыра, позже здесь же был захоронен и его брат Атантай¹⁷.

Мавзолей представляет интерес не только в историческом, но и в архитектурном плане. Портал культового сооружения украшен четырьмя круглыми сужающимися кверху колоннами, а в верхней части — пятью небольшими конусообразными пирами. По portalу расположены три тройные дверные ниши (две прямоугольные и одна глубокая сферическая), в двух крайних нишах — два сферических дверных проема. За порталом на высоком прямоугольном цоколе, фланкированном по углам четырьмя мощными, сужающимися кверху колоннами, покоятся два сферических купола. Гумбез двухсекционный. Одна секция, надо полагать, — Тайлака, вторая — его брата Атан-

¹⁶ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 2, с. 253—254.

¹⁷ См.: Чоробаев А. Тайлак-батыр (на кирг. яз.). Фрунзе, 1959, с. 3—4, 9—14, 20—21, 49—51, 99—104.

тая. Соединены они между собой небольшим сферическим дверным проемом. В задней и двух боковых стенках расположены четыре сферических оконных проема. Весь мавзолей сооружен из жженого кирпича, изнутри и снаружи оштукатурен. Порталом гумбез обращен на юго-запад. Его размеры 15×9 и ×7,5 м. Памятник сравнительно хорошо сохранился, разрушены лишь частично оба купола и верхняя часть портала.

Рядом с мавзолеем Тайлак-батыра расположены еще 7 гумбезов, возведенных, видимо, несколько позже. Один из них в архитектурном своем решении походил на мавзолей Тайлака и, вероятно, построен одним и тем же мастером. Остальные гумбезы — в виде оградки с невысоким порталом, украшенным декоративными нишами и фигурной кладкой кирпича.

Гумбез Тайлака — не только ценное историко-архитектурное сооружение, но и дань памяти известному киргизскому герою, борцу за национальную независимость народа против цинской агрессии и кокандских захватчиков. Наконец, это дань благодарной памяти нашим предкам, которые когда-то возвели его с такой любовью и даже с риском для жизни. И потому не только изучать, но и сохранять, пропагандировать памятники такого рода — наш долг. Это живая частица истории киргизского народа, память о его прошлом.

Гумбезы Ак-Бейит и Байтыка. Самым оригинальным из всех тьянь-шаньских мавзолеев по форме и архитектуре является гумбез Ак-Бейит, расположенный в одноименной местности по дороге Ат-Баши — Торугарт у перевала на высоте 3285 м.

В первоначальном виде гумбез представлял собой монументальное сооружение купольного типа со сферическими выступами внутри. В ходе реконструкции получилась оригинальной формы мавзолей, нигде больше не зафиксированный на территории Киргизии. Можно проследить лишь далекие аналогии с безымянными мавзолеем в Машади-Месторпан (Туркменская ССР) и особенно близ мечети Шир-Кабир (XI—XII вв.)¹⁸. Однако гумбез Ак-Бейит сложен не из жженого, а сырцового кирпича и может быть отнесен не к XI—XII вв., а скорее к XVI—XVII вв. Датировочного материала — подъемной керамики и других предметов — обнаружено не было. Имеется деталь, позволяющая датировать его указанным временем: вокруг гумбеза Ак-Бейит разбросаны курганы с каменной насыпью, явно калмыцкие или киргизские. Судя по всему, они синхронны гумбезу. Характер разрушения говорит о том, что ему 200—300 лет. К сожалению, никаких этнографических или фольклорных материалов, связанных с гумбезами, собрать не удалось. Вывод тем не менее определен: памятник уникален, заслуживает внимания, должен быть взят под охрану государства.

¹⁸ См.: Пугаченкова Г. А. Памятники искусства Советского Союза. Средняя Азия. Справочник-путеводитель. Москва — Лейпциг, 1983, фото № 130—133.

Гумбез Ак-Бейит отдаленно напоминает и гумбез киргизского манапа XIX в. Байтыка в Чуйской долине. Этот киргизский феодал был известен своими антикокандскими настроениями, неоднократно участвовал в восстании народа против ханского гнета, заманил в ловушку и уничтожил одного из пишпекских комендантов Рахматуллу, участвовал во взятии и разрушении русскими войсками кокандской крепости Пишпек.

После добровольного вхождения Киргизии в состав России он стал верным слугой царизма, в составе делегации среднеазиатских феодалов даже участвовал в представлении императору в Санкт-Петербурге. После смерти манапа в конце XIX в. был сооружен мавзолей, известный сейчас как гумбез Байтыка. Квалифицированное описание его приведено в книге архитектора В. Е. Нусова¹⁹.

Как и Ак-Бейит, гумбез Байтыка в плане имеет форму восьмигранника, одна из сторон которого является порталом. Нижняя восьмигранная призма, расчлененная нишами в виде стрельчатых арок, завершалась цилиндрическим барабаном с куполом. От внешнего купола ныне сохранилось лишь несколько рядов кладки, существенно разрушен и цилиндрический барабан. Но внутреннее помещение гумбеза не пострадало и имеет четкую архитектуру. Восемь арочных стрельчатых ниш завершены фризом и выступающим восьмериком, на который опирается нижний купол. До наших дней сохранились остатки росписей внутреннего купола, исполненные синей краской, розеток и растительного орнамента. Стены выложены жженым кирпичом на лессовом растворе, куполы и арки — на ганчевом растворе. Для связки использовались деревянные брусья и бревна. Стены внутри гумбеза были оштукатурены серым ганчем, ныне почти повсеместно осыпавшимся.

Уникален в своем роде и гумбез, построенный в конце XIX — нач. XX в. другому киргизскому феодалу Чуйской долины на окраине современного села Большой Арал. Отличаясь хорошей сохранностью, он и сегодня привлекает оригинальностью конструкции — мощное купольное сооружение с конусовидными минаретными колоннами, увенчанными фонариками.

Эти два гумбеза (не считая мавзолея металлической конструкции Узбека Бошкоева, нач. XX в.) Чуйской долины хорошо сохранились до наших дней. Они дают представление об архитектурном мастерстве народных умельцев конца XIX в., хотя и выполнены в стиле традиционного местного зодчества более ранних времен.

Гумбезы Иссык-Куля. Отличительная особенность гумбезов высокогорного Сары-Джаза — использование при сооружении дерева: столбов, срубов, что роднит их с гумбезами Алтая. И это не случайно, так как многие северные урочища Сары-Джаз-

¹⁹ Нусов В. Архитектура Киргизии..., с. 61.

ского хребта покрыты еловыми и арчовыми лесами (один сай так и называется — Лесистый).

Архитектурные формы не отличаются разнообразием. На левом берегу р. Иныльчек, в 7 км к востоку от пос. Иныльчек, расположена группа гумбезов, построенных в виде небольших срубов из еловых бревен на каменном фундаменте. Вообще гумбезов на Сары-Джазе мало и расположены они в труднодоступных урочищах.

Уже около двух столетий в урочище Джуука, южнее оз. Иссык-Куль, стоит гумбез Балчака, обследованный нами летом 1982 г. Это куполообразный мавзолей с высоким порталом, фланкированным по сторонам башнями, сужающимися кверху. В центре портала две дверные ниши и проем. Сферический купол с небольшими окошечками покоится на невысоком цоколе.

Портал и вход — с востока. Размеры гумбеза 9×8 м. Возведен он, согласно сведениям информаторов, в честь местного родоправителя Балчака, жившего в конце XVIII—нач. XIX в. Гумбез возводили кашгарские мастера. Особого замеса глина, высокое строительное мастерство народных умельцев предопределили его долговечность. Легенда повествует, что Балчак был очень богатым баем и еще при жизни возвел себе три гумбеза: один — в Кашгаре, другой — на Джууке, третий — в Центральном Тянь-Шане — все на традиционных местах его кочевков. Насколько это соответствует действительности, проверить не удалось. Во всяком случае, не исключено, что феодалы еще при жизни, заботясь о «загробной жизни», возводили себе мавзолеи.

Гумбез Балчака, мы бы сказали, довольно типичен: массивный, купольный. Аналогичные гумбезы имеются в с. Дархан, той же Иссык-Кульской области.

Три с половиной десятилетия назад А. Н. Бернштам обследовал аналогичные гумбезы на северном берегу озера у с. Чон-Сарой. Они как бы воспроизводят жилые строения со стенами, расчлененными панно. Верх стен был украшен зубцами, имитирующими «сасанидские городки». В центре стен возвышались арочные выступы, украшенные по оси полуколоннами. Эти массивные по объему мавзолеи, считал А. Н. Бернштам, являлись собой скорее образец древнего жилища, причем доисламского периода, нежели храмового сооружения²⁰. В целом это характерно для подавляющего большинства киргизских гумбезов. Наибольшее распространение такие мавзолеи получили в Центральном Тянь-Шане и на юге Киргизии, соседствующей с мусульманскими культовыми центрами Ферганы.

Ниязбек-коргон. Мавзолей киргизского феодала Ниязбека, вернее его развалины, был раскопан нами в Чон-Кемине летом 1982 г. Первым русским путешественником, оказавшимся на

²⁰ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 120—122.

территории Чон-Кеминского бассейна, был известный исследователь Средней Азии М. И. Венюков. В 1859—1860 гг. с рекогносцировочным отрядом он прошел по Заилийскому краю и Причуйской стране, оставив сведения и о памятниках Чон-Кемина. Описывая многочисленные курганы, разбросанные по предгорным склонам долины, а также каменные изваяния, которые еще десятками стояли на древнетюркских курганах VI—IX вв., Венюков подчеркивал, что собственные памятники киргизами особенно ценятся, при этом привел пример с гумбезом аксакала Ниязбека. Остановившись в один из летних вечеров на ночлег у Ниязбек-Коргона, как назвал Венюков гумбез известного киргизского феодала, путешественник записал: «Кара-киргизы чтут и некоторые памятники народов, обитавших прежде на их земле... Памятники собственной старины ценятся еще выше. Могилы предков очень почитаются и делаются наподобие часовен с каменными стенами»²¹. Действительно, еще до недавнего времени, по рассказам местных жителей, это место почиталось как культовый объект.

Ниязбек был одним из местных родоправителей, живших в конце XVIII—первой половине XIX в., после смерти которого и был воздвигнут мавзолей. Что же представлял собой этот гумбез? Расположен он в 4-х км восточнее с. Новороссийка вверх по течению р. Чон-Кемин по правому берегу. В настоящее время — это оплывший четырехугольник с каменным фундаментом. В свое время это был гумбез в виде оградки с небольшим порталом. Более точно воспроизвести это сооружение невозможно в связи с отсутствием его описания предшествующими исследователями. Рядом с гумбезом Ниязбека находилась еще группа гумбезов аналогичного типа и сооружений, видимо, в одно и то же время. Это гумбезы с одиночными и групповыми захоронениями. Кому они принадлежат, пока неизвестно.

При строительстве гумбезов пользовались блочным методом набивки стены пахсой (дувал), их выкладывали из гуваялка, самана и необожженного кирпича. Для горизонтальных связей в стенах и у основания купола в качестве перемычек над проемами применялись арчовые жерди и брусья. Фундамент не возводили. Внутренность купола и стен иногда оштукатуривалась лёгсовым раствором, по которому изредка наносился орнамент. Верхняя часть стен мавзолея и оградки иногда выкладывалась геометрическим орнаментом.

Архитектурная композиция рассмотренных типов надмогильных культовых сооружений — своеобразное преломление жилой архитектуры в представлении народа, оригинальные произведения народного зодчества, в которых отчетливо видны местные национальные традиции. Историки и архитекторы приходят к

²¹ Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. — Зап. РГО, кн. 4. СПб., 1861, с. 115.

выводу, что надгробные сооружения на киргизских кладбищах имеют совершенно необычные формы и основываются на свободном творчестве народных мастеров, не стесненных канонами, профессиональными традициями, существовавшими в «мусульманском» зодчестве.

В настоящее время подавляющее большинство надгробных сооружений XVII—XIX вв. либо совсем разрушено, либо находится в запущенном состоянии. Причина этого кроется как в недолговечности использованного строительного материала, низком уровне строительной техники, так и в предубежденности киргизов против ремонта поминальных культовых сооружений (перестройка и ремонт производились исключительно редко и то преимущественно на юге Киргизии).

Обследованные гумбезы дали ответы на многие вопросы, в частности, об архитектуре, формах, назначении, классификации. Вместе с тем возник целый ряд новых вопросов, которые можно решить лишь в комплексе, обобщив все материалы о киргизских гумбезах по всей территории Киргизии и сравнив их с другими среднеазиатскими мавзолеями. Многие еще не ясно. Необходимо выявить происхождение и истоки купольно-портальной киргизской архитектуры и орнамента, установить твердую датировку гумбезов, специфические национальные черты в архитектуре и декоре, их конкретную связь с историческими событиями, отраженными в легендах и фольклоре.

Впервые А. Н. Бернштам обратил внимание на киргизские гумбезы еще в ходе экспедиционных работ в Киргизии в 1938—1940 гг., «которые, — по его словам, — в своей архитектуре несут следы воспоминаний построек среднеазиатского средневековья»²².

В Таласской долине у с. Орловка, а также в местности Бешташ и сейчас стоят, правда, с каждым годом приходящие во все большее разрушение, гумбезы с некогда оригинальными художественными росписями. Летом 1984 г. в ходе экспедиции нами срисованы и сфотографированы сохранившиеся на осколках внутренней штукатурки купола росписи, а также сделаны зарисовки с порталов различных сюжетов. Здесь и следы цветочного орнамента по всему куполу, и симметрично повторяющиеся геометрические мотивы, и изображение лошадей, верблюдов, собак, диких козлов и барсов, даже человеческие фигурки. Именно о таласских гумбезах А. Н. Бернштам восторженно писал: «Удивительная по выразительности фресковая роспись внутри них напоминает старые образцы, а изображение живых существ, столь запрещаемое исламом, прекрасно показывает происхождение художника из кочевой среды, далеко не являющейся ревностным хранителем идей ислама. Руке такого худож-

ника, возможно, принадлежат и изображения техникой граффити людей лошадей, горных козлов, выгравированных иногда на скалах, иногда внутри гумбезов»²³.

Гумбез Манаса. Летом 1856 г. на берегу Иссык-Куля Чокан Валиханов впервые записал прозаический отрывок из эпоса «Манас», озаглавив его «Смерть Кукотай-хана и его поминки». В нем есть такие строки: «Народ! Когда меня не станет (когда мои глаза закроются), кумызом меня омойте, острой саблей оскребите, в панцирь оденьте и, кожей обвивши, под голову белый саван положите и головой на восток обратите. Навьючите красное сукно на красного нара (одногорбого верблюда. — *Б. Д.*), на черного нара — черный бархат и с караваном на 40 верблюдах придите на мой сруб (могила)... А черный сарт, начальник каравана, пусть делает кирпичи на жире восьмидесяти коз. На перекрестке больших и малых дорог подобный месляу белый сарай (дворец. — *Б. Д.*) соорудите, как голубое небо, голубой купол поставьте. Подобные дороге желоба привесьте, завитками и карнизам оденьте»²⁴.

Ч. Валиханов со слов киргизского манасчи записал обряд захоронения батыра и требование возвести ему надгробный мавзолей. Здесь и древний обряд погребения, существовавший у древнетюркских народов — отделение мяса от костей при перевозке тела покойного на дальнее расстояние и обвивка его кожей, что применялось вплоть до XVIII столетия. Здесь и ориентировка погребенного головой на восток — древнейший обычай кочевников Тянь-Шаня, и упоминание о срубной могиле — до сих пор сохранившейся, например, на Сары-Джазе, о возведении мавзолея-гумбеза обязательно из твердого кирпича, изготовление которого особо прочно на животном жире, здесь и необходимость архитектурного убранства порталной части гумбеза, выполненное в традиционном стиле орнаментальных мотивов в виде завитков²⁵.

Эпос сообщает, что гумбез расписывался. Жанровые росписи на киргизских гумбезах вообще не были единичными и исключительными случаями. Они просто не сохранились, но, судя по эпосу, имели глубокие истоки и традиции.

Научный сотрудник Института истории АН Киргизской ССР, участник нашей экспедиции К. Айдаркулов провел специальное исследование по выявлению в киргизском героическом эпосе «Манас» упоминаний об архитектурном строительстве — возведении гумбезов и изобразительном искусстве художественной росписи гумбезов²⁶.

²³ Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. с. 111.

²⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 290.

²⁵ Там же, комментарий, с. 670—671.

²⁶ См.: Айдаркулов К. Об «эпическом гумбезе» Манаса (по материалам эпоса «Семетей»). — В кн.: Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985.

²² Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 111.

Оказалось, что во второй части трилогии эпоса «Семетей», в ее самой ранней, еще дореволюционной записи²⁷, имеются сцены возведения Каныкей — женой Манаса — гумбеца в память о знаменитом муже-богатыре, о жанровых сценах росписи этого гумбеца.

Как сказано в эпосе «Семетей», Каныкей (жена Манаса) сооружает на берегу р. Талас монументальный гумбез — прообраз ханской ставки. В архитектурном решении — это куполообразная ставка-юрта с величественным порталом, вход украшал богатый орнаментированный декор «кыял» — символ непобедимости и безграничной власти погребенного.

Интерьер гумбеца составляли жанровые сцены эпических богатырей. Центральной фигурой был сам Манас, здесь же — звери-покровители: тигр, лев, леопард, орел. Манас представлялся в доспехах и во всеоружии, на боевом коне, также в ланцирной попоне. Его спутники-богатыри: кырк-чоро изображались в бою и единоборстве с врагами. Здесь же и многочисленные бытовые сцены, отображающие полукочевой образ жизни киргизского народа.

Гумбеза, соответствующего такому описанию, в Таласе не сохранилось. Так называемый гумбез Манаса — усыпальница феодалки XIV в. Канизек-хатун — росписей не имел. Можно лишь предполагать, что в Таласе был еще другой гумбез с жанровыми изобразительными сценками, иного архитектурного решения. Но время неумолимо. И сегодня нам остается лишь довольствоваться самим эпосом да описанием подобных гумбезов, оставленным путешественниками середины прошлого столетия, которые еще изредка встречали такие гумбезы.

Нет в Таласской долине человека, который не слышал бы об этом гумбезе. Да и как не слышать, как не стремиться увидеть его, если второго такого нет по всем окрестным горам и долинам? И поскольку в Таласе, а тем более в Кен-Коле, каждый камень, каждая вершина связаны с народной фантазией, с именем Манаса, то и мавзолей известен прежде всего как гумбез Манаса — любимого народом героя из киргизского национального эпоса «Манас».

Еще А. Н. Бернштам в декабре 1940 г., подытоживая в Ленинграде результаты своих трехлетних поездок по археологическим памятникам Киргизии, писал: «Совершенно ясно, что многочисленные памятники, которые связываются с именем Манаса, не имеют к нему никакого отношения, но тем более становится понятной близость киргизского народа к памятникам древности своей страны, в которых он живо ощущает свою богатую событиями прошлую историю»²⁸.

²⁷ В рукописных фондах Института языка и литературы АН Кирг. ССР хранится более 25 вариантов.

²⁸ Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии, с. 111.

Мавзолей Канизек-хатун, известный как литературно-этнографический музей «Гумбез Манаса», расположен в ущелье Кен-Кол, там, где оно выходит на широкие просторы Таласской долины. Памятник был тщательно обследован в 1945 г. М. Е. Массоном и Г. Е. Пугаченковой, надписи на его внешнем фасаде прочитаны А. М. Беленицким и М. Е. Массоном. Раскопки внутри мавзолея проводил Б. М. Зима.

Сооружение усыпальницы над могилой женщины из правящего рода Чагатаидов в Таласе ученые связывают с принятием ислама могольской знатью. Мусульманские традиции все глубже проникали в среду кочевников-язычников. Внешне это проявлялось в строительстве мавзолеев над могилами могольских ханов. Надпись на портале памятника свидетельствует о смерти дочери эмира Абуки — Канизек-хатун — в первый день рамазана 734 г. хиджры (6 мая 1334 г.). Вскоре над ее могилой был возведен мавзолей, позже здесь же были погребены и другие лица. Сейчас гумбез отреставрирован. Главная его достопримечательность — художественно оформленный портал, выделенный в южной стене. По традиции предшествующей эпохи XI—XII вв. основное внимание зодчего было устремлено на портал, облицованный плитами архитектурной терракоты, но с использованием местного, типично киргизского, орнаментального мотива. Архаичной для среднеазиатского зодчества XIV—XV вв. выглядит подкупольная система. Постройка выполнена в малых пропорциях, не типичных эпохе. Поэтому не случайно, что до прочтения надписей на портале мавзолей воспринимался как сооружение домонгольского времени. Вместе с тем он как бы отражает процесс обновления и развития архитектуры Туркестана XIII—XIV вв.

Многообразие орнаментов гумбеца находит широкие параллели в народном искусстве киргизов. Истоки некоторых мотивов вышивок на ширдаках и тушкннзах лежат в архитектурных узорах монументальных построек, и, наоборот, для украшения постройки зодчий использовал народные и традиционные орнаменты прикладного искусства, корни которого уходят в седую древность²⁹.

Посетители любят приезжать сюда к вечеру, когда спадает жара, меркнет дневной свет, наливаются чернью узоры резной терракоты и ничто не мешает читать то сокровенное, что вложили в окаменевшую от огня и времени глину безвестные мастера. Исследователи пришли к выводу, что декор гумбеца куда ближе к узорам киргизских ширдаков и тушкннзов, чем к орнаментике знаменитых среднеазиатских мавзолеев, заурядным подобием которых он может показаться на первый взгляд.

Прочли ученые и надпись на портале. Правда, сделать это было не так-то просто, так как она дана в зеркальном отобра-

²⁹ См.: История Киргизской ССР, т. 1, с. 598.

жении. «Эта великолепная гробница добродетельной, целомудренной, четвертой опоры эпохи, славнейшей из жен, Канизекхатун, дочери эмира, превосходного, почитаемого, уважаемого источника щедрости и милости, победителя пером и мечом эмира Абука...»

Словно само время перевернуло эту надпись. Канули в вечность Абука и его четвертая опора эпохи, а из глубин народной памяти явилось имя Манаса — народного защитника.

Что ж, сегодня мы можем увидеть и самого Манаса. Вот он — могучий всадник, летящий на распластанном в беге коне в центре г. Фрунзе над Советской площадью, а рядом мудрые лики сказателей и певцов-манасчи, изваянные в камне.

Мавзолеи Чаткала. Есть в Чаткальской долине на окраине районного центра Янги-Базар два гумбеза. Чьи это надгробия и когда они сооружены — сейчас уже ни у кого не сохранилось в памяти, молва же приписывает их мифическому пророку Идрису Пайгамбару. Ранее работавший здесь киргизский археолог Кибиров в своем отчете привел фотографии этих мазаров, датировал их XVIII в., но более ничего об этих гумбезах не мог сказать.

Что на сегодня известно о них? Их два. Оба выполнены в традиционном мусульманском стиле, с куполами и овальными колоннами из жженого кирпича. Один, меньший, несомненно, старше. Не исключено, что он относится к XVIII в. Второй значительно моложе, возможно, XIX в. О мазарах в 1903 г. упомянуто в газете «Туркестанские ведомости» ее корреспондентом Алибием: «Самая святыня Идрис-Пайгамбара (гумбез) находится выше, над Янги-Базаром, на высоком отроге Чаткальского хребта. Здесь не могила пророка, а «кадам-джай», т. е. место прохождения пророка Идриса. На холме построен мазар, в котором находится камень, и на нем неизвестными письменами сделана надпись.

Рядом со старым мазаром воздвигается новый, строящийся на средства одного почтенного шейха»³⁰.

Позже местные жители стали приписывать новый мазар самому Идрису, а малый — более древний, его жене Батма-Зуре. Некоторые считают, что оба мазара связаны с именем Идриса. Судя по рассказам, новый мазар — это отремонтированный старый, реставрацию произвел в конце прошлого века богач Тоголок-Бай из Чаткала. Упомянутый камень — надгробная эпитафия, выполненная арабским письмом. Мы ее срисовали, но очень нечетки были строки, сфотографировали, но было темно, и отпечатки получились слабые. Поэтому чтение неясное. Наши арабисты пока с уверенностью могут сказать лишь, что эта надгробная эпитафия предположительно относится к году 1191 хиджры, т. е. 1777 г. Если это действительно так, то перед нами

³⁰ Туркестанские ведомости, 1903, № 72.

памятник XVIII в., относящийся ко времени кокандской колонизации Киргизии.

Сафид-Булан. Анализируя архитектуру кокандского периода, известный немецкий искусствовед Б. Брейтес замечает, что «сооружения того времени следовали по форме традициям, однако внутренняя архитектура испытала сильное влияние местных ремесленных традиций»³¹. Еще в большей степени это справедливо по отношению к киргизским традиционным мавзолеям, мечетям и медресе на территории Киргизии. Такие памятники культовой архитектуры, как мечети и медресе, были распространены только на юге Киргизии и совершенно отсутствовали в северных районах, в том числе в Центральном Тянь-Шане. По наиболее ранним статистическим данным, только в одном Ошском уезде после падения Кокандского ханства насчитывалось 147 мечетей и 6 медресе³².

Они представляли собой типичные для всей Средней Азии культовые сооружения, выдержанные в канонах традиционного мусульманского зодчества. Строительным материалом служили жженный и сырцовый кирпич, саман, гувалык, пахса и дерево. Мечети и медресе имели айваны, примыкавшие к зимним помещениям. Они украшались разноцветным растительным и геометрическим орнаментом, резьбой по ганчу и дереву, ярко расписанными потолками. Особенно поражает воображение наборный деревянный потолок мечети XVIII—XIX вв. в Сафид-Булане, выполненный с большим мастерством, представляющий интерес не только в техническом, но и в художественном отношении³³.

Еще в конце XIX — начале XX в., как и в далеком средневековье, в Сафид-Булане у мазара и в мечети проводились различные службы, связанные с организацией религиозных праздников, жертвоприношениями и паломничеством мусульман со всей округи. В прошлом население Сафид-Булана состояло исключительно из шейхов, сохранивших свою кастовость вплоть до начала XX в., которые прежде освобождались от различных податей и взносов в государственную казну, пользовались вакфными имунными грамотами, особым почитанием в период Кокандского ханства³⁴. При посещении памятника самого средневекового мавзолея Шах-Фазиль и примыкавшей к нему мечети летом 1984 г. мы явились свидетелями, что здесь развернулись широкие реставрационные работы. Реставрируется и вышеназванная мечеть как памятник архитектурного зодчества прошлых времен.

Следует сказать, что работы ученых и реставраторов при-

³¹ Brenties B. Mittelasian Kunstdes Islam. s. 163.

³² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22507, л. 54—68.

³³ Нусов В. Архитектура Киргизии..., с. 65.

³⁴ Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Сафид-Булана, XII—XIV вв. — Эпиграфика Востока, 1984, с. 72.

носят положительные результаты. Но есть и трудности, которые нельзя решить своими силами. И тогда на помощь приходит Центральный республиканский совет Общества охраны памятников, Министерство культуры, ученые.

Мавзолей Асаф-ибн Бурхия. Из серии южнокиргизских гумбозов заслуживают внимания мавзолей Асаф-ибн Бурхия в Оше и мазар в Арсланбобе.

Мавзолей Асаф-ибн Бурхия находится в восточной стороне Сулайман-горы. Сооружение небольшое, имеет в плане форму прямоугольника с размерами внешних сторон 7×10 м. Внутреннее пространство имеет форму 8-угольника, перекрыто стрельчатым куполом диаметром 4,4 м. Главным фасадом мавзолей обращен на восток. Архитектурное решение представляет собой высокий портал с глубокой нишей, перекрытой стрельчатой аркой. Верхняя часть портала завершается четырьмя прямоугольными проемами с прозрачными решетками. Вместо карниза портал завершает массивное орнаментальное в виде парапета ограждение.

На флангах, а возможно и в углах, установлены стройные колонны. Ниша портала украшена геометрическим орнаментом, выполненным способом резьбы по ганчу. Над дверью, украшенной резьбой, на небольшом плафоне надпись.

Декор на внутренних стенах не сохранился. Во время археологических обследований внутри мавзолея обнаружено захоронение в кирпичном склепе.

Общие объемные архитектурные формы и массивные кирпичные стены, а также обнаруженные орнаментальные плитки (терракота) позволили ученым предположить, что на этом месте ранее было сооружение XI—XII вв., затем, уже в XVI в., возведен мавзолей. Архитектура мавзолея относится к концу XVIII — первой половины XIX в. В XIX в. с восточной стороны была построена открытая летняя мечеть Джамии. Айваны мечети имели форму буквы «Г» с деревянными колоннами. Стены айвана были кирпичные или каркасные с заполнением из гувальяка или кирпича. Весь комплекс представляет историко-культурный интерес, так как архитектура всего сооружения относится к позднему периоду средневекового зодчества Ферганы. В 1980—1983 гг. группой архитекторов реставрационных мастерских Министерства культуры Киргизской ССР разработан проект реставрации и реконструкции мавзолея.

Своеобразный памятник культовой архитектуры XIX в. представляет мазар в урочище Арсланбоб. Сам мавзолей был разрушен в шестидесятых годах, но еще сохраняется рядом стоящая мечеть. О былой отделке комплекса свидетельствует лишь орнаментированная резная массивная дверь из дерева, изображение орнамента которой воспроизведено в иллюстрациях.

В плане мавзолей имел форму вытянутого прямоугольника с размерами сторон $5,7 \times 9,9$ м. Стены сложены из кирпича на

ганчевом растворе, перекрыты двухскатной крышей с металлической кровлей.

Портал мазара был богато декорирован растительным и геометрическим орнаментом, выполненным техникой резьбы по ганчу и окрашенным в белый и синий цвета. Портал, выступающий несколько вперед, композиционно состоял из ниши, перекрытой косоугольным сводом, и двух-трехчетвертных колонн. Прием решения портала обогащал его, делал более рельефным и пластичным³⁵.

В настоящее время сохранилось лишь само надгробие, приписываемое мифическому святому Арслан-Бобу, да рядом расположенная мечеть более позднего времени и с более бедной отделкой.

Мечети имелись в целом ряде киргизских поселений Ферганской долины (кишлаки Кара-Багыш, Булак-Баши и другие). До середины XX в. сохранялись интересные в своем архитектурном исполнении мечети и медресе XVIII—XIX вв. К ним относились две ныне отсутствующие ошские мечети, так называемая мечеть Сыдыкбая (XIX в.) и мечеть Мухаммеда Юсуфа-байходжи (1909—1910 гг.), а также мечеть Рават Абдулла-хана, что у подножия горы Тахт-и Сулейман в городе Оше (XVII—XVIII вв.). После неоднократных перестроек архитектура последнего здания коренным образом видоизменена. Сейчас в нем размещается краеведческий музей.

Мечеть Рават Абдулла-хана. Монументальное культовое сооружение. Главный фасад мечети, обращенный на восток, представлял собою симметричную трехарочную композицию, завершающуюся высоким стрельчатым куполом. Три глубокие монументальные арки образовывали три стрельчатые ниши глубиной от 3-х до 4-х м.

Арки опирались на мощные пилоны толщиной от 125 до 162 см. Ниши давали глубокую тень, подчеркивающую выразительную рельефность фасада сооружения. Архитектурный декор на фасаде не сохранился.

Мечеть имеет форму прямоугольника с размером сторон 16×27 м. Толщина стен колеблется в пределах от 1 до 2,5 м. Центральная часть мечети подчеркнута высоким куполом.

Открытое центральное помещение с высоким куполом, расположенное по оси главного фасада, перекрыто стрельчатым куполом. Диаметр купола около 4-х м. Высота центрального помещения от пола до зенита купола около 12 м. Центральный купол был летним помещением, боковые — зимними. Зимние помещения освещались через узкие решетчатые окна.

Мечеть возведена из прочного плиточного кирпича на лессовом растворе с примесью ганча. Внутренние стены и купола

³⁵ Нусов В. Архитектура Киргизии..., с. 67—68.

оштукатурены ганчевым раствором. Не исключено, что стены были украшены растительным и геометрическим орнаментом.

Судя по стилю и характеру архитектурных форм и декора, а также конструкций, строительным материалам и строительным приемам древних зодчих, эта мечеть, по определению В. Е. Нусова, сооружена в духе Ферганской архитектурной строительной школы в конце XVI в. или в первой половине XVII в., позже неоднократно ремонтировалась и перестраивалась вплоть до начала XX в.³⁶

Мечеть Рават Абдулла-хана представляет собой определенный интерес в историко-культурном плане как памятник архитектуры Ферганы позднего средневековья. Подобных сооружений в Южной Киргизии на сегодняшний день не сохранилось, поэтому оно подлежит сохранению и реставрации и может использоваться как объект культурно-исторического назначения.

Архитектурный обмер мечети Рават Абдулла-хана был произведен в 1963 г. архитектором В. Е. Нусовым, им же разработан проект реконструкции и реставрации комплекса.

Летом в 1984 г. во время земляных работ на площадке перед восточным фасадом мечети были обнаружены остатки ранее существовавших построек. Обращение к дореволюционным фотодокументам позволяет говорить о том, что мечеть Рават Абдулла-хана имела значительных размеров пристройку. Она имела форму прямоугольника и включала в себя открытый двор с хаузом для омовения и два айвана с южной и западной сторон. Фасад пристройки имел высокий традиционный портал и два минарета. Архитектура ее несомненно относится к позднему периоду развития зодчества в Фергане — кокандскому времени — XVIII—XIX вв.

Археологические раскопки, проведенные студентами Ошского пединститута под руководством краеведа Е. В. Дружининой и ленинградского археолога Ю. А. Заднепровского, вскрыли средневековый жилой комплекс с баней и водоемами, дали богатый археологический материал.

Медресе Алымбека. Одно из известных медресе в Оше, построенное в конце 50-х годов XIX в. киргизским родоправителем Алая, крупным кокандским феодалом Алымбеком-датхой. По свидетельству современников, в отделке оно соперничало с ханским медресе в Коканде. Здание, сложенное из жженого кирпича, отличалось завидной прочностью. Согласно архивным документам, позже здесь был цирк. Состояло оно из дарс-ханы, ханаки, 28 келий, в которых проживало три мудариса и от 80 до 100 учеников. По словам информатора, предки которого многие десятилетия были связаны с семейством Алымбека, и который сам хорошо помнил медресе, оно представляло собой квадратное в плане сооружение (40 × 50 м), высотой до 5 м. Фасад

³⁶ Нусов В. Архитектура Киргизии..., с. 47—48.

украшали два 15-метровых минарета. Внутри двора имелись 4 гумбеза, мечеть, айваны, в праздничные дни вмещавшие тысячи людей. Возведенное на правом берегу Ак-Буры, медресе соединялось с центром города большим подвесным мостом, специально построенным по приказу Алымбека³⁷.

В 1920—1930-х годах медресе было разобрано. В 1983—1984 гг. архитектор В. Е. Нусов разработал проект реконструкции его как образца развития зодчества Ферганской архитектурно-строительной школы позднего средневековья Средней Азии.

По результатам исследования Нусова³⁸, внешний облик медресе представлял собой замкнутую симметричную композицию. Высокие кирпичные стены, четыре минарета по углам высотой более 15 м придавали сооружению довольно своеобразный вид, отделяли его от внешнего мира. Входы в него были подчеркнуты высокими монументальными порталами с глубокими стрельчатыми арками.

Медресе имело весьма внушительный вид среди убогой жилой застройки, окружавшей его. Двор медресе имел форму прямоугольника, окруженного по периметру стрельчатыми арками. Во дворе был хауз с проточной водой, подведенной из общегородского арыка. На плоскую кровлю и на второй этаж можно было подняться по винтовым лестницам минаретов. Каким было убранство в помещениях сейчас трудно судить, но, надо полагать, декору уделялось большое внимание.

Сегодня уже со всей определенностью можно утверждать, что это было самое большое для своего времени здание в Фергане. Уникальное комплексное сооружение представляет как исторический, так и архитектурный интерес не только в плане развития архитектуры юга Киргизии, но и Ферганы в целом. До наших дней сооружение, к сожалению, не сохранилось.

Крупные медресе имелись в Узгене (медресе Араб-бая Науруз Байулу), в Карасу (медресе Алымкула) и в других крупных селах Южной Киргизии.

При строительстве медресе и мечетей еще в большей степени, чем в надгробных сооружениях, использовался богатый архитектурный декор, исполненный в духе глубоких народных традиций. Это прослеживается в резьбе по дереву и ганчу, орнаментальной кладке, нежной и яркой расцветке орнамента. В планировке и архитектурном ансамбле еще продолжали господствовать традиции ислама, но в них уже все отчетливее звучат местные мотивы.

«Каждый из элементов — купол, портал, резная терракота,

³⁷ См.: Плоских В. М. Вакф медресе Алымбека. — В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). Фрунзе, 1975, с. 42—43.

³⁸ Выражаем признательность В. Е. Нусову за любезно предоставленные материалы.

создавших в сумме эту архитектуру,— более сложного происхождения, своими корнями уходящего к культуре кочевников, взаимодействовавших с оседлыми племенами Средней Азии,— писал в завершении своей книги об архитектурных памятниках Киргизстана А. Н. Бернштам. — Синтез этих явлений, давших новую страницу в истории архитектуры Востока, принадлежит народам древнего Киргизстана, сохранившим донныне замечательную повесть о древнем зодчестве в памятниках, расположенных у подножий Тянь-Шаня и Алая...»³⁹. Не преувеличивая роли древней киргизской архитектуры в зодчестве Востока, мы тем не менее считаем, что совокупность таких культовых памятников, как гумбезы, мечети, медресе, представляет важный объект для историко-архитектурного их изучения, которое в целом еще только начинается. Их обследование для «Свода памятников истории и культуры», проекты-реконструкции для сохранения и музейных экспозиций послужат делу не только научного, но и практического использования как памятников народного мастерства историко-культурного характера.

³⁹ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии, с. 136.

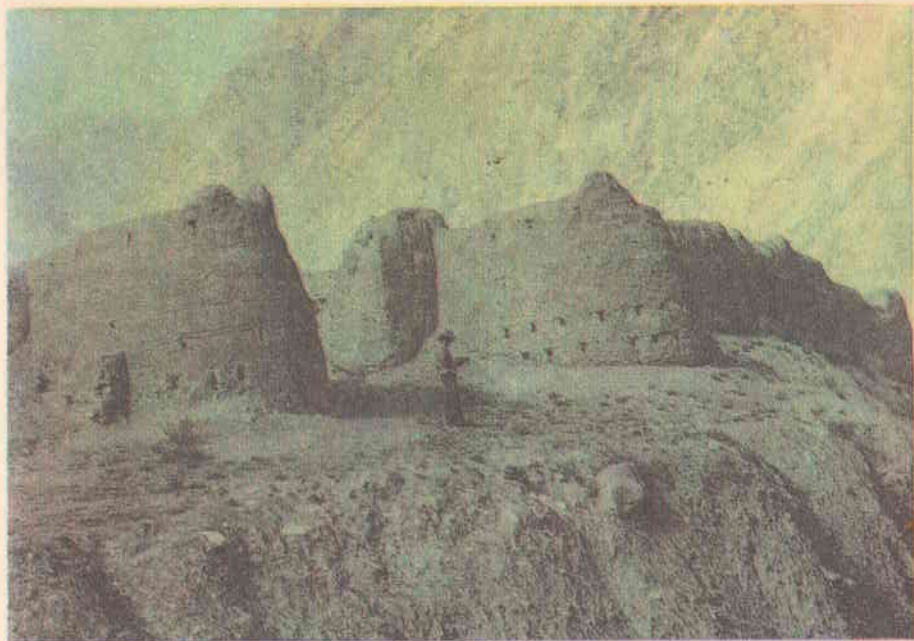
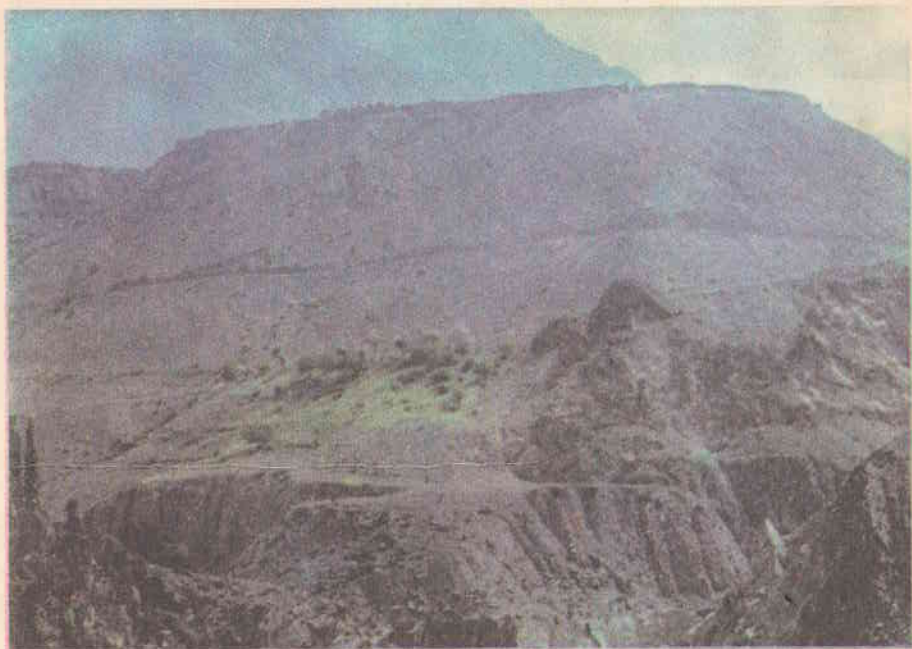
Под волны Иссык-Куля к археологическим памятникам.

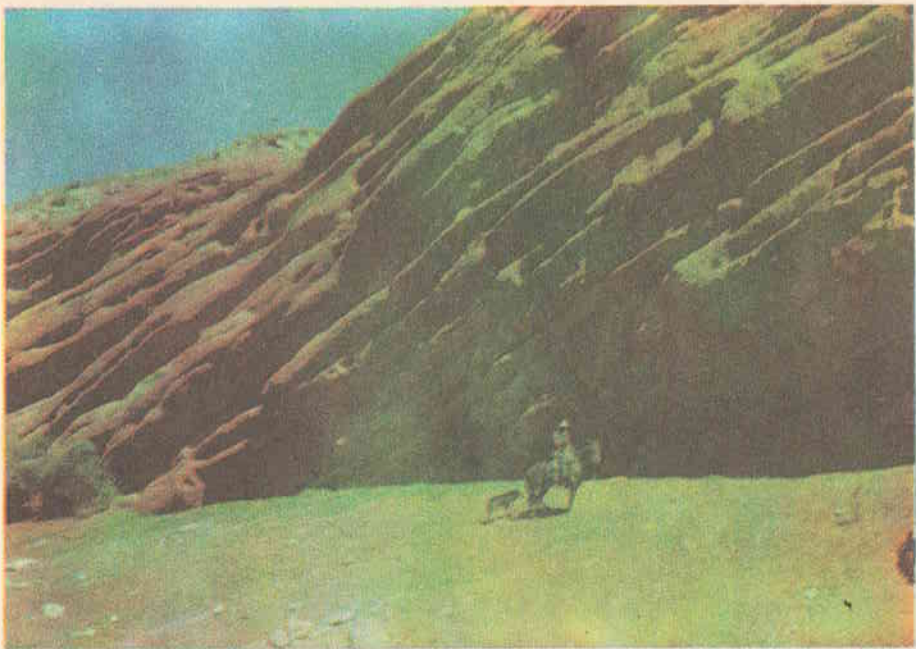
Кокандские монеты.

Кокандские монеты.

Кокандская крепость Кан. XIX в.

У киргизской крепости Кызыл-Ункур. Иссык-Куль.

Кошой-Коргон. Ат-Баши.

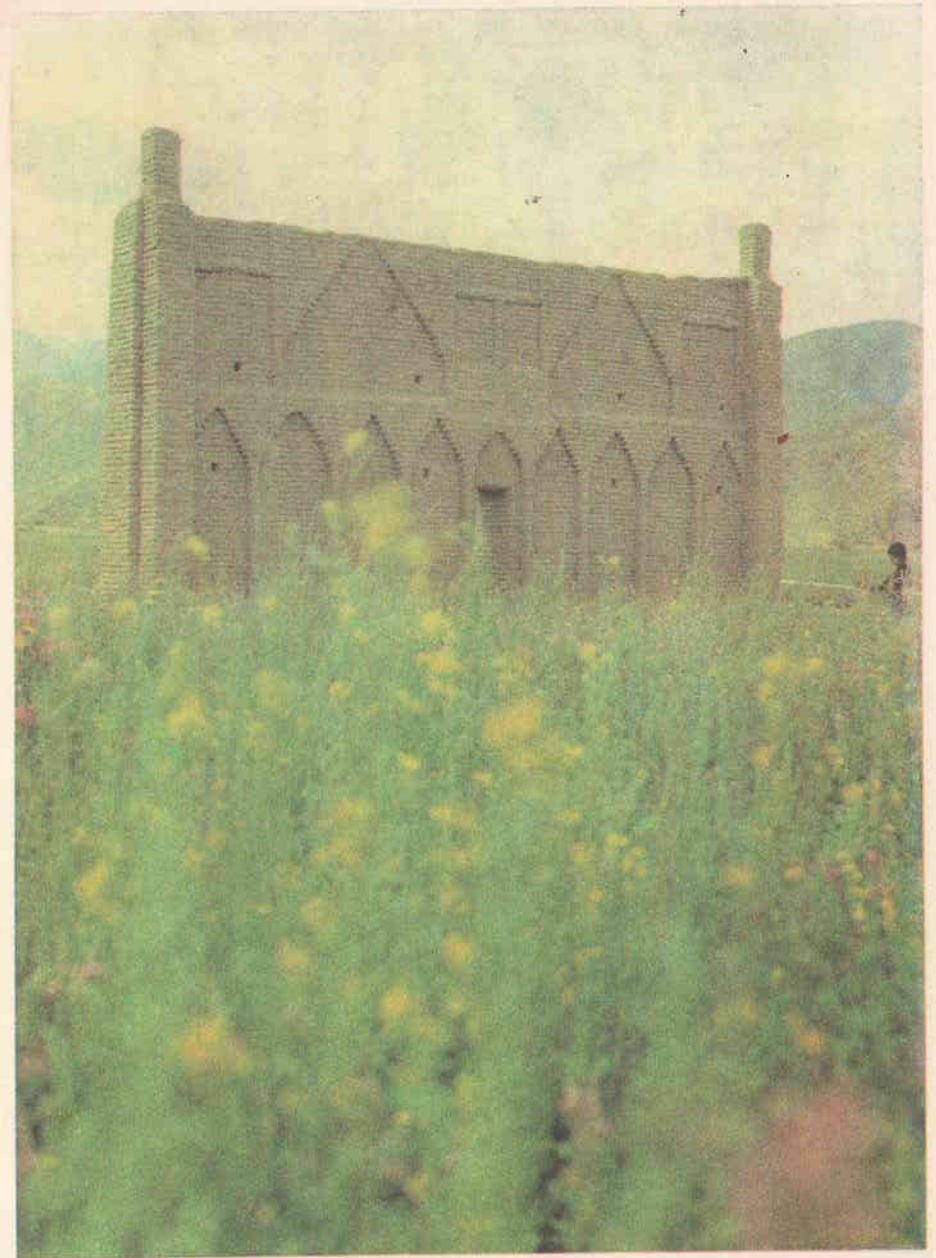
Комплекс гумбезов «Кырк-Чоро». Кочкорский район.

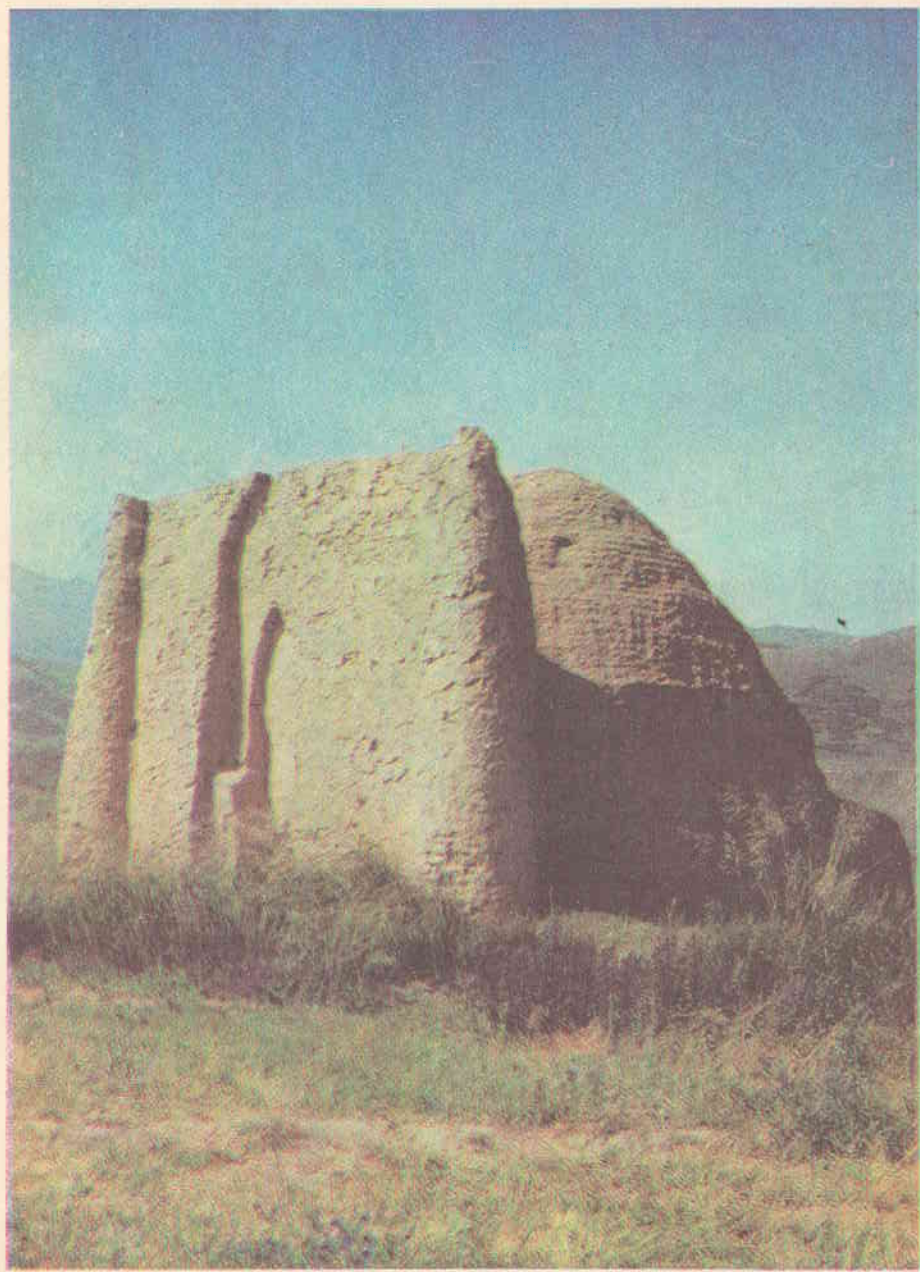
Каменные изваяния Центрального Тянь-Шаня.

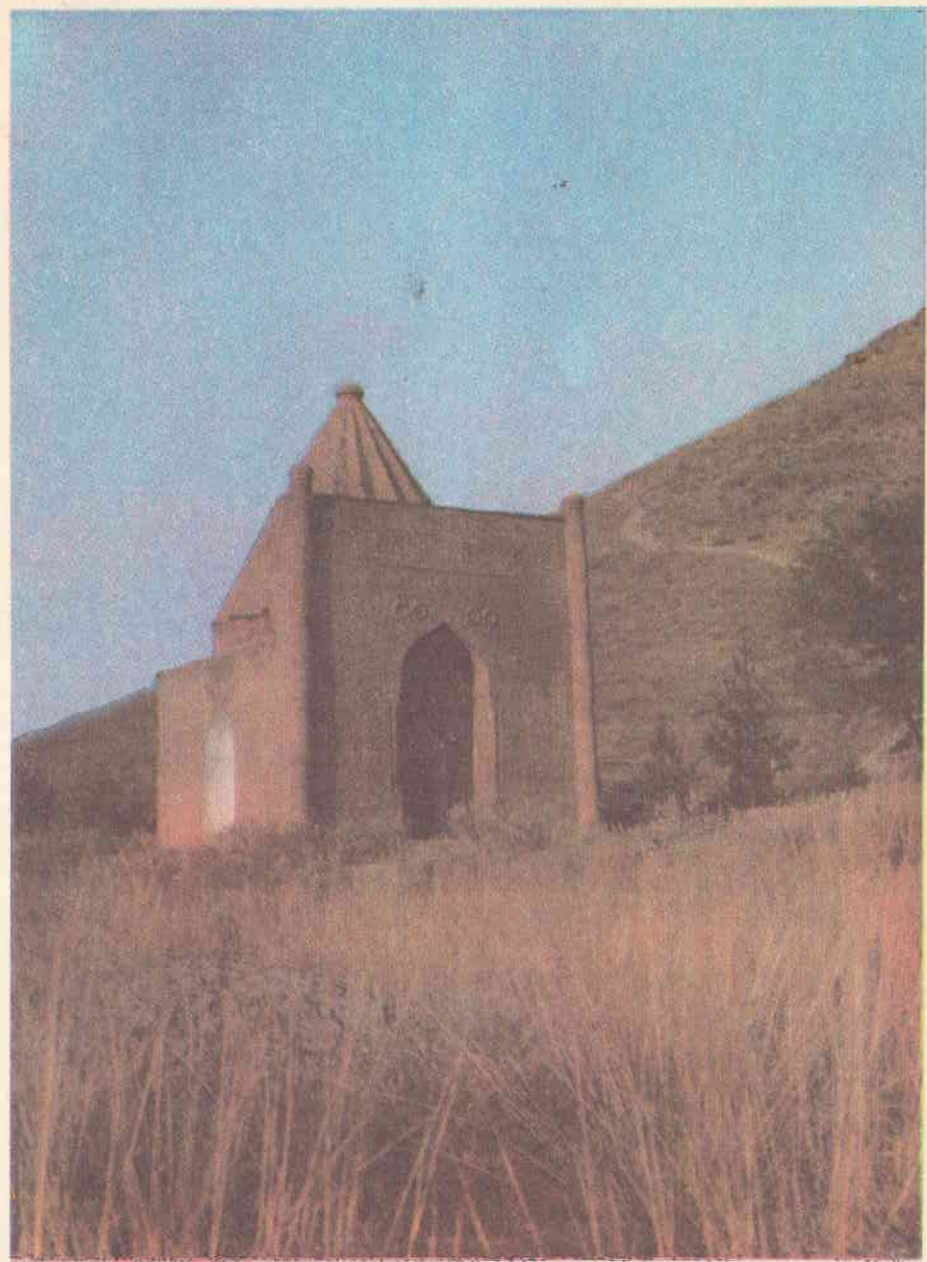
Гумбез из комплекса «Кырк-Чоро». Кочкорский район.

Гумбез в урочище Тура-Суу. Иссык-Куль.

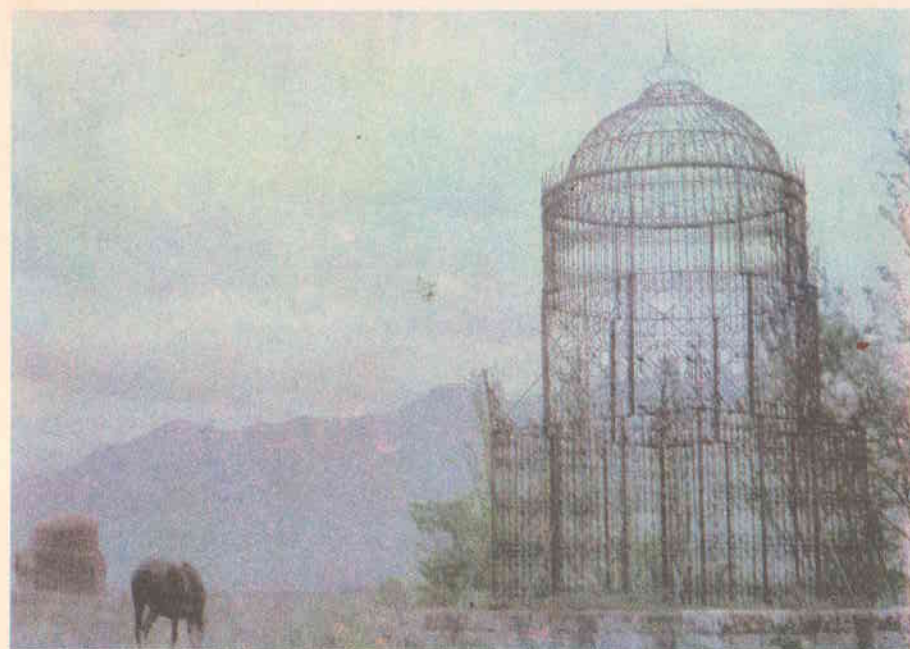
Гумбез Балчака на Джууке. Иссык-Куль.

Гумбез «Манаса».

Комплекс гумбезов «Кырк-Чоро». Кочкорский район.

Гумбез Узбека Бошкоева. Чуйская долина.

Гумбез Байтыка Канаева. Чуйская долина.

Гумбез Джаркинбая. Чуйская долина.

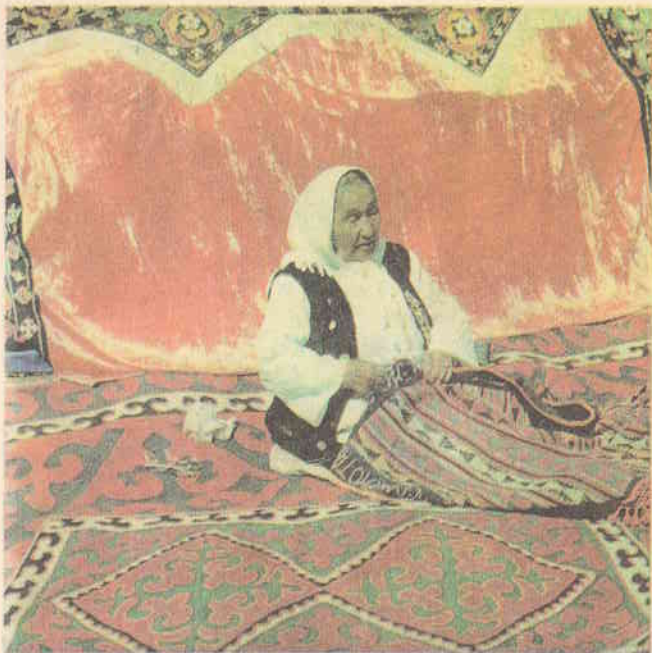
Традиционный праздничный наряд.

Внутреннее убранство юрты.

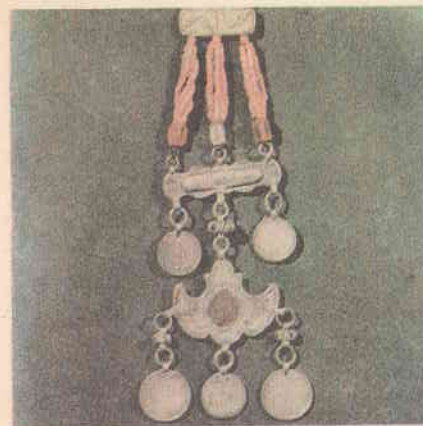
Киргизские этнографы за отбором новых экспонатов.

Киргизская мастерица традиционных тушкиизов и ширдаков.

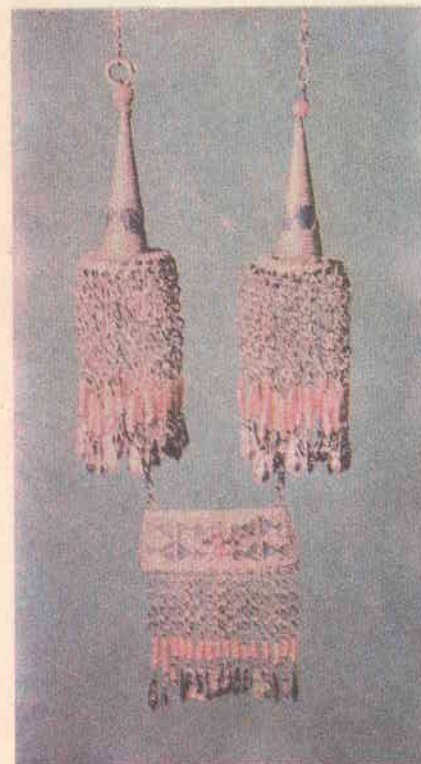
Вышивка по замше.

Накосные украшения.

Традиционные киргизские украшения — браслеты, серьги.

Височные украшения.

Вышивка по бархату.

Тюркский могильник с каменными изваяниями на Сары-Джазе.

Пещера «Кан-и Гут». Баткен.

ЭКСКУРС В МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Материальная культура киргизского народа XVI—первой половины XIX в. не была еще предметом специального изучения, и нам в ходе экспедиционных работ представлялся важным сбор любых сведений в этой области. Тем более, что изучение крепостей было взаимосвязано с характером киргизских поселений и жилищ, а орнамент и росписи эпитафий и гумбезов непосредственно относятся к традиционному декоративно-прикладному искусству киргизов.

Естественно, нами был изучен и тот материал, который встречается в опубликованной дореволюционной литературе, использованы работы по материальной культуре и декоративно-прикладному искусству, хронологически охватывающие конец XIX — начало XX в., таких киргизских этнографов, как К. И. Антипина, С. М. Абрамзон, Т. Д. Баялиева, Э. С. Сулайманов, Л. Т. Шинло и другие.

Генетические корни материальной культуры кочевников ученые находят в культуре древних и средневековых кочевых племен Центральной и Средней Азии — от саков и усуней до тюрков и монголов¹. Древнее происхождение многих ее элементов убедительно документировано письменными источниками и многочисленными аналогиями, обнаруженными в ходе археологических раскопок. Они прослеживаются в типе жилища, покрое одежды, в вышивальном и ткацком искусстве, мотивах орнамента, украшении деталей конской сбруи и оружия, в ювелирных изделиях и во многом другом.

На материальную культуру киргизов наложили глубокий отпечаток кочевое скотоводство и патриархально-родовой быт. Вся она — от типа жилища и утвари до одежды и транспортных средств — была подчинена требованиям частых перекочевков на большие расстояния. В своих главных чертах культура была единой на всей территории расселения киргизов, хотя в ней бы-

¹ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 112.

ли и свои локальные особенности. К сожалению, предметы материальной культуры киргизов XVI—XVIII вв. не сохранились. Поэтому, учитывая глубокоую традиционность культуры киргизского народа, ее можно охарактеризовать по доступным нам источникам конца XVIII — начала XX в.

Поселение. Кокандские крепости, даже такие большие, как Пишпек, не могли стать базой для образования оседлых поселений, поскольку воспринимались киргизами как символ ханского гнета и во время киргизских восстаний разрушались. Но даже в уцелевших крепостях, из которых были изгнаны кокандские завоеватели, киргизы не селились и всячески избегали их, так как они напоминали им о жестоком ханском произволе. В южных районах уже в кокандский период в связи с переходом киргизов к полуседлости и оседлости появляются кишлаки, подобные оседлым поселениям узбеков. В Ферганской долине в окрестностях Оша и Узгена были образованы кишлаки Мады, Куршаб, Джигда-Могол, Кара-Багыш, Кара-Булак и другие². Имел в Прииссыккулье, в ущелье Джуука, бугинский мапап Боромбай нечто вроде усадьбы, состоявшей из глинобитных строений, склада для зерна и мельницы. В усадьбе имелись огород и два садика. Постройки и пещеры на правом берегу р. Джуука обследовал Семенов-Тянь-Шанский. «Одна из этих пещер,— писал он,— служила складом для мельницы, на которой Боромбай размалывал свой хлеб. Внутренность этой пещеры была сильно закопчена... Самая просторная из пещер была ограждена искусственной каменной оградой, цементованной глиной. Вблизи пещер находились остатки боромбаевских укреплений»³.

В полевой сезон 1978 г., исследуя Чуйскую долину, археологи напали на след более древней зимовки. Место расположения ее было удобно для устройства жилья и для разведения скота. Однако следов постоянного жилища обнаружить не удалось. Скорее всего жильем служила юрта, которая была установлена, видимо, на развалинах средневекового городища, которое возвышалось над болотистой местностью, поросшей камышом. Следы же от хозяйственных построек, в частности зернохранилища, остались. Для строительства этого помещения был использован кирпич из разобранного монументального сооружения, относящегося к XI—XII вв. Однако кладка была выполнена некачественно, стены оказались непрочными и разрушились. До настоящего времени сохранилась лишь западная стена.

Видимо, бурная жизнь того времени, связанная с постоянными набегами и борьбой привела к тому, что зимовка была сожжена, о чем свидетельствуют остатки большого количества горелого проса. Кроме зернохранилища, на зимовке, видимо,

был загон для скота, о чем свидетельствуют остатки арочных бревен. Археологи обнаружили на зимовье глиняную форму для отливки пуль к кара-мылтыку и свинцовую пулю-шарик. Ее калибр был немногим больше тех пуль, которые отливались в найденной форме. Но самой главной находкой явились фрагменты привозной с богатой росписью фарфоровой посуды. Они и позволили датировать зимовку концом XVII — началом XVIII в.

Громадный загон (*короо*) для скота, большой запас проса, импортная посуда и пули для ружей позволяют сделать вывод, что зимовка, обнаруженная археологами на территории городища Беловодская крепость, принадлежала киргизскому феодалу или баю⁴.

Остановившись во время поездки по Западной Фергане, находившейся в составе Кокандского ханства, в киргизском селе Кара-Булак, А. П. Федченко особенно поразился контрасту между таджикско-узбекскими кишлаками Ферганы с богатыми садами, многочисленными пашнями и киргизскими селами, население которых продолжало заниматься в основном скотоводством, но уже сезонно-отгонным. В сравнительно молодых киргизских селах уже начало распространяться и земледелие. По дороге в с. Шахимардан (совр. Ханабат) Федченко записал: «...на склоне северных гор виднелись киргизские кочевки: группа мазанок с навесами для скота. В ложине были поля пшеницы, не поливаемой из арыков, так называемой льяльми»⁵.

В Кара-Булаке — этой богатейшей киргизской зимовке (*кыштоо*) — путешественник увидел небольшие, засеянные ячменем, просом и люцерной, поля, которые, однако, значительно уступали таджикско-узбекским. «Возможно,— писал А. П. Федченко о киргизах,— они начали недавно заниматься земледелием, но все же отсталость их от живущих о бок с ними таджиков или сартов, нужно приписать тому, что у них земледелие остается побочным занятием. Занимаются им те, кому негде кочевать. Люди богатые засевают небольшие поля и, оставляя их под присмотром какого-нибудь байкуша, сами отправляются в горы, откуда приезжают на время жатвы... Сарт, таджик постоянно копаются на своих полях с февраля до осени, зато и очевидна разница в растительности и в жатве»⁶. В целом даже такие киргизские поселения были единичными.

Более характерным являлось расселение айламов. Во время своей поездки по Тянь-Шаню в середине прошлого столетия П. П. Семенов оставил запись: «Все ровное пространство между поворотом Чу и берегом Иссык-Куля было занято бесчисленным множеством кара-киргизских юрт, очевидно, почти все пле-

² Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство, с. 192, 200 и др.

³ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань..., с. 268.

⁴ Мокрынин В. П. Раскопки городища Беловодская крепость. Отчет об археологических исследованиях в 1978 г. Хранится в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

⁵ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, с. 307.

⁶ Там же, с. 296—297.

мя сарыбагышей собралось здесь на стойбищах около аула Умбет-Алы. Наконец, мы добрались и до его аула. Здесь нас ожидала прекрасная юрта, наскоро приготовленная для объявивших себя гостями Умбет-Алы. В юрте были разостланы богатые ковры»⁷.

Население айлов, кишлаков, крепостей Киргизии до добровольного вхождения в состав России было, как правило, этнически однородным. Лишь в двух киргизских городах — Оше и Узгене — проживало также и узбекское население. Временами оно преобладало в количественном отношении.

Тип поселения у киргизов претерпевал изменения в зависимости от исторических условий. Втягиваемое собственными феодалами в междоусобные войны, подвергавшееся нападениям со стороны феодалов соседних стран, киргизское население вынуждено было до 50—60-х годов XIX в. объединяться и жить большими айлами — общинами, создаваемыми главным образом по родовому признаку. По сообщениям Г. С. Загряжского, вплоть до середины XIX в. «киргизы стояли всегда большими аулами, кибиток до 200 и более»⁸.

Крупный русский тюрколог академик В. В. Радлов, совершивший путешествие в XIX в. в Северную Киргизию, писал: «Киргизы селились не айлами, а родовыми объединениями, причем юрты, входивших в них семей, в летнее время простирались непрерывным рядом вдоль берега реки на двадцать и более верст, а зимой охватывали поселением определенный горный район». «Такие крупные поселения кочевых киргизов, — пишет далее Радлов, — были вызваны прежде всего необходимостью защиты от частых в то время военных нападений»⁹. Далее В. В. Радлов замечает, что, когда для киргизов, добровольно вошедших в состав России, угроза военных столкновений миновала, крупные поселения стали делиться на отдельные айлы.

Величина айла не была постоянной. Зимой жители селились по горным ущельям в немногочисленных, расположенных по кругу, юртах. В центре круга находилась ставка правителя — *ак ордо*, защищенная со всех сторон юртами подвластных ему соплеменников от нападения внешних врагов. В период перекочевки на сезонные пастбища (весенние, летние и осенние) аил дробился. Скотоводы-бедняки одного айла, имея небольшое количество скота, часто объединялись и вели коллективный выпас. Поэтому они селились по соседству. Наоборот, для того, чтобы содержать свой многочисленный скот, богатые хозяева занимали для стоянки значительно большие участки и селились

⁷ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань..., с. 176.

⁸ Загряжский Г. С. Кара-киргизы. — Туркестанские ведомости, 1874, № 44.

⁹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. т. 1. СПб., 1893, с. 527—528.

отдельно от простого сословия. Такие айлы не представляли собой компактных селений. Небольшие группы юрт располагались одна от другой иногда на значительном расстоянии, что определялось хозяйственной необходимостью. Этнический состав этих поселений в основном был однородным.

Следов от кочевых айлов прошлого, естественно, не осталось и воспроизвести их можно лишь по описаниям путешественников да по рассказам стариков-аксакалов, которые могут многое поведать о прошлом быте, о котором когда-то рассказывали им их деды и прадеды.

Каково же было наше удивление, когда во время обследования Ат-Башинского района в 1983 г. в урочище Босого ранним августовским утром нашему взору открылся киргизский аил прошлых столетий, каким он и представлялся нам по книжным описаниям. Более тридцати белых юрт были расставлены на пятачке межгорного плато. Кое-где дотлевали угли сожженных юрт, в калмакских и киргизских архаичных традиционных костюмах мирно расхаживали люди. На склоне холма девушки и юноши весело раскачивались на киргизских качелях, галопом проносились всадники. С достоинством в чалме и белом халате, подпоясанном богатым поясом, прошествовал бухарский купец.

Как уже догадался читатель, мы попали на съемки историко-эпического фильма «Потомок белого барса» известного киргизского режиссера Т. Океева. В основе фильма лежат киргизские народные сказания. Фильм повествует о легендарном киргизском охотнике Кожожаше, борьбе народа за свободу против калмакских завоевателей. Научные консультанты фильма, созданного по мотивам народных киргизских легенд, — известный советский этнограф, специалист по киргизскому национальному костюму и традиционной материальной культуре К. И. Антипина и знаток древностей, археолог А. К. Абетекоев. Объединенными усилиями кинематографистов и ученых была воссоздана картина быта киргизского народа в прошлом.

Проблемы, затронутые в фильме, не могут оставить зрителя равнодушным. Встреча с прошлым заставляет нас глубоко задуматься над злободневными проблемами современности — экологическим балансом, отношением человека к природе и к своей истории.

А на следующий день мы явились свидетелями живой связи времен истории и современности. Трудяники Ат-Башинского района в урочище Босого торжественно отмечали день чабана. В празднике приняли участие артисты, они рассказали о съемках фильма. Завершился он на сценической площадке с декорациями, где проходила стрельба из лука в *джамбы* — слиток серебра, борцы состязались в силе, а наездники — в ловкости, состоялись соревнования по борьбе на конях, байга и улак тартыш. История как бы стала сегодняшним днем, настоящее сквозь века протянуло руку далекому прошлому.

Съемки закончились. А в памяти нашей еще долго будет жить аил в урочище Босого, напоминая нам страницы давно минувшей истории древнего Тянь-Шаня.

Жилище. Господствующим типом жилища в условиях многовекового кочевого быта киргизов являлась юрта. Даже возводя надмогильные сооружения — гумбезы, — киргизы нередко придавали им форму юрты, чтобы душа и тело покойного чувствовали себя уютно и в «загробном мире». В юрте проходила вся жизнь скотовода, начиная с рождения. В ней зимовал он даже в самые лютые морозы, с ней кочевал по обширным пастбищам.

С древности юрты киргизов отличают простота устройства, практическая целесообразность всех ее элементов, а также определенный порядок в установке. «Юрта, — писал Н. М. Пржевальский, — составляет незаменимое жилище. Ее можно быстро разобрать и переносить в другое место, в то же время она служит достаточной защитой от холода, зноя и непогоды. Действительно, в юрте, в то время, когда горит огонь, довольно тепло, даже в самый сильный мороз... летом войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных»¹⁰.

Деревянная конструкция юрты легко собиралась и разбиралась, что было удобно для транспортировки. Юрту полностью можно было установить в течение часа. Киргизская юрта самобытна, хотя имеет много общих черт с юртами других кочевых и полукочевых народов. Вместе с тем она обладает территориальными особенностями, которые группировались в два комплекса — южный и северный. Различие касалось, главным образом, формы купольной части (на севере конусообразная, а на юге — в Таласской и Чаткальской долинах — полусферическая), а также ее внешнего и внутреннего убранства¹¹.

Деревянный каркас юрты собирался из дверной рамы — босого и нескольких раздвижных стен-решеток (*кереге*), изготовленных из ивы или тальника, которые ставились по кругу. Купол возводили из жердей, нижние концы которых сгибали и соединяли с верхом решетчатых стен, а верхние вставляли в отверстия березового обода — *тундук*, венчавшего деревянный остов юрты и служившего дымоходным отверстием.

Для покрытия и убранства юрты употребляли войлок и циновки из чия. Войлочное покрытие состояло из длинных полотен для стен и широких — для купола. Дымоходное отверстие закрывалось или открывалось при помощи подвижного квад-

¹⁰ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, т. 1. М., 1946, с. 69.

¹¹ См.: Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, с. 154—175; *ее же*. Юрта — ценный памятник культуры киргизского народа. — В кн.: Памятники Киргизстана, вып. 1. Фрунзе, 1970, с. 65—72.

ратного куска войлока. Для покрытия юрт употребляли неорнаментированный черный или серый войлок, и лишь богатые имели юрты, крытые белым орнаментированным войлоком. Для закрепления войлочного покрытия использовали арканы и цветную (белую, красную) тесьму. На дверную раму навешивали легкую резную дверь, иногда вход закрывали чиевой циновкой, обшитой с наружной стороны орнаментированным войлоком. Чиевая циновка, закрывавшая стены изнутри или снаружи, предохраняла жилище от пыли, загрязнения, являясь одновременно и украшением его.

Легкость и изящество, по словам Ч. Валиханова, придавала киргизской юрте резная дверь. Но в основном интерьер жилища отличался простотой и бедностью. Посередине юрты устраивался очаг, справа от двери проходила перегородка из чия, отделявшая женскую половину жилища от мужской. Здесь находились железные котлы, деревянные ковши и чашки, бурдюки, которыми киргизы пользовались в обиходе. На левой, мужской половине, хранили седла, сбрую, ружья. Пол в юрте застилали кошмами, поверх которых лежали шкуры домашних или диких животных. На почетном месте, у задней стены, расстилали войлочный ковер. Для освещения юрты пользовались чугунами или глиняными светильниками¹².

Внешний вид юрты киргизов и ее убранство являлись надежным социальным индикатором. Источники середины XIX в., отмечая резкие социальные контрасты в киргизском обществе, подчеркивали убогость и антисанитарию большинства киргизских юрт и богатство немногих байских.

Юрта бедняка киргиза отличалась скудностью внутреннего и внешнего убранства. В ней варили пищу, хранили продукты и посуду, спали всей семьей, принимали гостей, укрывали от непогоды ягнят и козлят.

Другим видом жилища киргиза-бедняка в прошлом были конусообразный шалаш из жердей и простой шатер, палатка. Наиболее древним видом легкого переносного и в то же время очень простого жилища являлись именно конусообразные шалаша, покрытые войлоком. Киргизы Памира покрывали их звериными шкурами¹³. Об этом имеются упоминания и в киргизском героическом эпосе «Манас», в частности, во второй его части — «Семетей». Вообще же расположение айлов, богатые летние краски придавали киргизским поселениям праздничный вид.

Ценным изобразительным источником для характеристики традиционного быта и одежды киргизов являются эскизы и завершенные картины знаменитого русского художника В. В. Ве-

¹² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1. с. 330, 411.

¹³ Андреев М. С. Чум — бывшее жилище киргизов Памира. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1940, с. 14—15.

решагина. В 1869—1870 гг. он совершил несколько путешествий по Средней Азии, в том числе Киргизии, оставив пейзажные и сюжетные зарисовки Иссык-Куля и Барскауна, перекочевков киргизов, такие законченные картины, как «Богатый киргизский охотник с соколом» и «Киргизские кибитки на р. Чу». Автор выразил свое искреннее восхищение народом и среднеазиатским бытом. Последнюю картину художника известный русский критик прошлого столетия В. В. Стасов назвал «этнографической». На ней изображены киргизские кочевья, айлы, внутреннее убранство юрты, украшенной коврами ярких расцветок.

На одной из картин изображен киргизский аил. Богатой цветовой гаммой передан быт кочевников. Женщины в белых одеждах, белых головных уборах — *элекеч* — заняты повседневным трудом. Едут на лошадях три всадника. На переднем плане — войлочная киргизская юрта в красочных коврах, вытканых традиционным геометрическим орнаментом. У подножья гор, на берегу небольшой речки, расположился аил.

На двух других картинах показан процесс перекочевки киргизов с гор в долину. Грузенные нехитрым кочевым скарбом, верблюды несут на себе разобранные юрты. Женщины на верблюдах, укрытых войлочными попонами, охотник в полосатом халате с соколом на левой руке, старик с ребенком на быке. Так тысячелетиями жили и кочевали предки киргизов, таким этот процесс и зафиксировал художник в 1869—1870 гг., нарисовав с натуры серию этюдов, по которым позже были сделаны законченные картины¹⁴.

При перекочевках все имущество грузилось на верблюда, а лошадь использовалась для езды. Бедняки за неимением верблюдов и коней использовали для этой цели волов. Кочевка для киргизов была большим и радостным событием: женщины одевались в лучшие одежды, пели песни¹⁵.

В целом, киргизская юрта соответствовала духу кочевого времени, отвечала нуждам подвижного быта. Ее традиционные элементы своеобразно запечатлены на века в глиняных мавзолеях, воздвигаемых над могилами усопших. Однако киргизские мавзолеи-гумбезы нельзя назвать моделью юрты в глине. Они имели и такие элементы, которые не были присущи типичному кочевому жилищу, а являлись характерными для глиняных, деревянных или каркасных построек с окнами, дверьми, порта-

¹⁴ Картины с киргизскими сюжетами хранятся в Государственной Третьяковской галерее — «Киргизские кибитки на реке Чу», «Киргизские кочевья (осенью) в долине реки Чу», «Внутренность юрты богатого киргиза», «Перекочевка киргизов», «Богатый киргиз», «Киргиз», «Девушка-киргизка в национальном головном уборе», «Наряд киргизки-невесты с головным убором, закрывающим лицо»; в Киргизском музее изобразительного искусства — «Зимовка в долине реки Чу», «Киргизская могила в горах», «Озеро Иссык-Куль», «Берег озера Иссык-Куль», «Юрты близ берега Иссык-Куль», «Проход Барскаун» и др.

¹⁵ См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1, с. 331.

лом, узорно-решетчатыми стенами. Киргизы уже имели жилища такого типа. Соседствуя с оседлыми узбекско-таджикскими поселениями, они переходили на оседлость, заводили свои дома. Вот как описывает один из таких киргизских домов русский путешественник А. П. Федченко:

«...Повернув к югу, увидели летовку Кара-Казук: на площадке, поросшей огромными можжевельниками, раскинуто было несколько кибиток... Кибитки были заняты семьями киргизов, и потому, пока очищали одну из них, мы приютились от дождя и холодного ветра в деревянном домике. Я нарочно подчеркиваю слово «деревянный»: это была единственная туземная деревянная постройка из одного дерева, которую я видел. Построен он был так, что обтесанные в виде досок можжевеловые бревна были поставлены вертикально, укрепленные в пазах связанных сверху бревен. Доски не были приструганы, конопатки, конечно, никакой, и потому в щели свободно проходили пальцы. Все в целом имело вид кубической клетки, площадью около двух квадратных сажен. Вход был устроен на южной стороне, и его можно было запирать: доски вынимались из пазов переплета и потом опять вдвигались, как это обыкновенно делается у лавок на туземных базарах. Назначение этой пристройки, сделанной недавно кочующим на Кара-Казуке киргизским бием, отчасти религиозное: она служит мечетью, но в то же время в ней останавливаются проезжающие, т. е. будут останавливаться, потому что она устроена недавно, перед самым прекращением сношений с Каратегином. Здесь мы видели, следовательно, соединение молитвенного здания с странноприемным домом»¹⁶.

Выше мы уже говорили о том, что функции молитвенных пристанищ выполняли и гумбезы: к ним шли поклониться, здесь устраивали моления, но в непогоду здесь же находили приют застигнутые врасплох путники или чабаны со своим скотом.

Стремление к удовлетворению эстетических потребностей, к максимальному использованию всех художественных возможностей для украшения жилища, вызвало к жизни различные виды декоративно-прикладного искусства киргизов, корни которого уходят в седую старину. Прикладное искусство являлось творением вышедших из среды трудового народа талантливых мастеров. Эстетическое и эмоциональное воздействие его можно сравнить лишь с национальными фольклором и музыкой.

Декоративно-прикладное искусство киргизов было неразрывно связано с другими видами домашнего производства. Практически каждое изделие, изготовленное руками киргизских мастеров или мастериц, было любовно украшено богатым и самобытным орнаментом. Домашнее производство составляло «необходимую принадлежность натурального хозяйства»¹⁷, ос-

¹⁶ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, с. 328.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.

новывалось на использовании сырья от скотоводческого хозяйства, охоты, растительных материалов и металла. К середине XIX в. домашнее производство киргизов не являлось самостоятельной отраслью, орудия труда были примитивны, труд оставался исключительно ручным и вследствие этого малопродуктивным. Киргизские мастера владели искусством выделки и украшения войлока, кошм, кож, ткачества, тиснения по коже, вышивки, искусством кузнечного, ювелирного и столярного дела, даже строительной техники. На всей территории расселения киргизов был выработан единый художественный стиль, что особенно четко прослеживается на киргизских гумбезах с их традиционными элементами. Решающую роль в этом сыграла многовековая преемственность в культуре.

Материальной основой киргизского декоративно-прикладного искусства в прошлом являлись производства, связанные с переработкой продуктов животноводства, растительного сырья и обработкой металла. Все они находились на стадии домашнего производства, не отделившегося от скотоводства. Основными видами киргизского прикладного искусства в прошлом были: изготовление узорных ковров и предметов домашнего обихода из орнаментированного войлока; выделка шерстяных ворсовых ковров; плетение художественных циновок из чия и шерстяных нитей; вышивка по войлоку, коже, тканям; тиснение по коже; резьба по дереву; художественная обработка металла, сооружение, архитектурное украшение и роспись мавзолеев-гумбезов.

Киргизский народ создал богатый орнамент, насчитывающий свыше 3500 образцов уже известных комбинаций¹⁸. В нем выделяется несколько групп или комплексов, которые в той или иной мере присущи искусству и других народов Средней и Центральной Азии, однако наибольшая близость и даже родство прослеживается в киргизской и казахской орнаментике. Основным, определяющим комплексом декоративного искусства киргизского народа являются мотивы, включающие различные варианты *люиз* (рогообразные элементы), волны с завитками, пальметты, крестообразные фигуры и некоторые другие¹⁹. Исследователи условно называют этот комплекс «кыпчакским», поскольку он встречается у целого ряда современных народов, в этногенезе которых приняли участие кыпчаки. Окончательно он сложился в среде поздних кочевников в IX—XII вв., но истоки его прослеживаются начиная с VI—V вв. до н. э. Обнаруженные советскими археологами при раскопках курганов кочевников сакского времени на Алтае древние изделия из войлока, кожи, дерева позволяют заключить, что определенные традиции этого искусства, несомненно, лежат в основе художественных образ-

цов, создаваемых киргизскими мастерами. В аппликациях на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана и на вырезанных из кожи украшениях конской сбруи из первого Туэктинского кургана можно видеть узоры, которые исследователи считают прототипами киргизских орнаментальных композиций. Там встречаются крестообразные и ромбические фигуры с рогообразными завитками, ромбическая сетка и многие другие²⁰.

Эти орнаментальные мотивы издавна были характерны и для населения Тянь-Шаня. Так, уже на бляшках сакского времени VI—III вв. до н. э. из Барскауна запечатлены рогообразные завитки и узор в виде разетки. В развитой форме они прослеживаются на художественных изделиях из металла и в орнаментах керамики древних тюрков в VII—XII вв., часто встречаются и в киргизских узорах. Следы глубокой традиционности наблюдаются и в других орнаментальных мотивах. Некоторые из них, по мнению исследователей киргизского узора, восходят к эпохе бронзы.

Традиционный киргизский орнамент запечатлен на керамике, художественном металле, в резьбе по ганчу или в стенной росписи, относящихся к периоду глубокой древности вплоть до средневековья и найденных на территории современной Киргизии.

Значительный интерес представляет вопрос о связи искусства киргизов с искусством земледельческих районов. Эти взаимоотношения восходят к раннему средневековью. Еще в период господства Западнотюркского каганата (VI—VIII вв.) искусство кочевников испытало заметное влияние художественной культуры земледельческого Согда. Согдийцы, в свою очередь, многое восприняли от кочевников. Так, согдийские орнаментальные мотивы, перенесенные на глиняные столики (достарханы), были широко распространены в домах карлуков в VIII—X вв. Влияние согдийского искусства на тюркоязычное население Киргизии было характерно и для XI—XII вв.²¹

Все это объясняет наличие в декоративно-прикладном искусстве киргизов ряда орнаментальных мотивов, общих с согдийско-тюркскими или близкими к ним, например, пальметток, сердцеобразных фигур, лировидных вариаций, побегов.

Следует также обратить внимание на общность многих орнаментальных мотивов киргизского декоративно-прикладного искусства с мотивами декора архитектурных памятников Киргизии, относящихся к XI—XIV вв., таких, как Узгенский архитектурный комплекс, Баласагунские мавзолей и минарет, мавзолеев Шах-Фазиль, гумбез Манаса, которые можно считать не-

¹⁸ Бернштам А. Н. Киргизский народный повествовательный узор. — В кн.: Киргизский национальный узор. Фрунзе, 1948, с. 10.

¹⁹ История Киргизской ССР, т. 1, с. 617.

²⁰ Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М. — Л., 1953, табл. XCV, СП, СХI; Махова Е. И., Черкасова Н. В. Орнаментированные изделия из войлока. — В кн.: Народное декоративное прикладное искусство киргизов. Тр. КААЭ, т. V. М., 1968, с. 28.

²¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 138.

посредственными предшественниками и образцами подражания для последующих киргизских гумбезов XVIII—XIX вв. В убранстве этих сооружений прослеживаются рогеобразные мотивы, узоры в виде парных спиралей, трилистника, волнообразный погон с отходящими от него полупальметтами, ступенчатые квадраты, «городки», диагонально перекрещенные квадраты и другие фигуры, которым полностью соответствуют такие же мотивы традиционного киргизского орнамента. Растительный орнамент внутренней стороны куполов таласских гумбезов и гумбе́за Байтыка в Чуйской долине, а также наружный наклепной рельефный орнамент гумбезов с. Лама в Джумгалском районе, архитектурная орнаментированная кирпичная кладка гумбе́за Тайлака в Ак-Талинском районе и многих других гумбезов Тянь-Шаня убедительно свидетельствует о их традиционно-киргизском происхождении и глубоких многовековых истоках.

Орнаментальные истоки. Глубокие древние местные традиции в искусстве киргизов прослеживаются при изучении орнамента гумбезов, которой наши предшественники почти не уделяли внимания. В украшении киргизских усыпальниц употреблялись три типа орнамента: роспись, наклеп и фигурная кладка кирпича.

Одним из древнейших мотивов, нанесенных на стены гумбезов краской, являются солярные знаки в виде многолепестковых розеток с вихревидными завитками и вихревые розетки. Они отмечены в гумбе́зе Байтыка (близ г. Фрунзе), гумбе́зе у с. Козучан (Таласская долина) и в других погребальных сооружениях. В степях Казахстана и в долинах Киргизии изображение вихревой розетки, являющееся символом солнца, известно еще в XIV—XII вв. до н. э. Многолепестковые розетки обнаружены и в катакомбных погребениях (I—V вв. н. э.) долины Кетмень-Тюбе. Здесь они вырезаны из ярко-желтого листового золота. Тип вихревой розетки, который киргизские художники нанесли на гумбе́з Байтыка, окончательно сложился к X—XII вв. Чаще всего его можно встретить на донце полихромной глазурованной посуды, в большом количестве найденной археологами при раскопках городищ в Чуйской и Таласской долинах²². Удивления достойно и то, что киргизские мастера не забыли смысла этого изображения. И в XX в. на вопрос, что означает такая вихревая розетка в орнаменте, они ответили: «кун» (солнце)²³.

Не менее древним является мотив, изображенный на портале гумбе́за у с. Козучан (Таласская долина). Здесь солнечный символ венчает голову собаки. Подобные композиции на территории Киргизии известны еще во времена становления кочевых общин и относятся к эпохам поздней бронзы — раннего

железа, то есть до 3 тыс. лет тому назад. На скалах Саймалы-Таша запечатлены фигурки козлов, архаров и даже человека с головой-солнцем. Они могли обозначать солнечное божество в виде животного или человека, как предка того или иного племени. Если вспомнить, что в генетических преданиях киргизов собаке отведена довольно определенная роль, то не исключено, что подобный смысл был вложен и в изображение собаки-солнца на исследуемом гумбе́зе.

Солярные знаки встречаются не только на гумбезах, но и на многих других предметах, украшенных киргизским орнаментом, и могли иметь различное значение. В зафиксированных нами случаях изображения солнца на гумбезах, а также на каменных надгробных эпитафиях, означали пожелание вечности своим предкам.

В глубокую древность уводит нас мотив наклепных изображений рогов барана, круто загнутых в спираль, которыми был украшен купол гумбе́за у с. Лама (Джумгал). Этот мотив в среде кочевников Ала-Тоо был широко распространен в различных исторических эпохи, начиная с V—IV вв. до н. э.

Орнаментирование порталов киргизских гумбезов особой фигурной кладкой кирпича — наиболее распространенный тип их украшения. Кирпичом выкладывали треугольники, «городки», ромбы, крестообразные фигуры. Иногда мастера использовали технику ажурной кладки на фоне тела стены. Подобные приемы архитектурного декора известны на территории Киргизии по меньшей мере с XI—XII вв., когда они нашли свое блестящее воплощение в орнаментике башни Бурана и погребального комплекса в Узгене.

Знатоков древнего архитектурного орнамента привлек портал киргизского мавзолея у с. Ак-Моюн. Стена его увенчана чередующимися ступенеобразными выступами, придающими строению вид замка или крепости. Аналогичные детали украшали в свое время и замки согдийских дехкан в Семиречье, зафиксированные археологами при раскопках в Чуйской долине. Они относятся к VI—VIII вв. Насколько нам известно, в эпоху развитого и позднего средневековья ступенчатые зубцы не употреблялись в качестве архитектурных деталей крепостных сооружений, цепочка преемственности была прервана. Невольно возникает вопрос, в какую глубокую древность может проникнуть память киргизского народного мастера, если в ней запечатлелась не только форма, но и ее функциональное назначение?

В то же время ощущалось, особенно в отдельных медресе, мечетях и гумбезах, явно исламское влияние, выраженное как в заимствовании мотивов, так и в расположении и технике изготовления орнамента. Характерна в этом плане резная дверь из дерева Арсланбобского мазара в Южной Киргизии. Она давно уже снята с петель и покоится во дворе этого знаменитого гумбе́за, где мы ее обнаружили и зарисовали. Неоднократное

²² Тр. Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». — МИА, 14, М.—Л., 1950.

²³ Киргизский национальный узор, с. 31.

повторение растительного орнамента давало отличный декоративный эффект: ощущение величественности. Кстати, это же самое можно сказать и об отреставрированных деревянных резных дверях знаменитых узгенских мавзолеев XI в.

Близость войлочных изделий, сохранившихся в погребениях ранних кочевников, произведениям киргизских мастеров XIX в. можно проследить не только по орнаментальным мотивам, но и по некоторым техническим приемам их нанесения.

Одежда и украшения. Киргизская одежда была приспособлена к условиям кочевой жизни. Она характеризовалась многими общими чертами, присущими одежде тюркских кочевников, но и обладала своеобразными чертами, вызванными особенностями географической среды, этнической самобытностью. Традиционную одежду киргизов можно реконструировать по фольклорным материалам, по эпосу «Манас», китайским источникам, по записям и рисункам первых русских путешественников в Киргизии — П. П. Семенова-Тянь-Шанского и его спутника — художника П. М. Кошарова, а также Ч. Ч. Валиханова и В. В. Верещагина.

Возьмем, к примеру, известную картину В. В. Верещагина — «Богатый киргизский охотник с соколом», ярко отображающую колорит прошлого. Экзотически красочен нарядный костюм охотника. Зеленый с красными и желтыми разводами халат заправлен в широкие желтые штаны, украшенные традиционным национальным узором, вышитым красными, синими, зелеными, оранжевыми и фиолетовыми нитями. Белый расшитый кушак и белая войлочная шляпа, отороченная вышивкой с яркими разноцветными полями, подчеркивают роскошь костюма, олицетворяющего собой буйное цветение красок²⁴.

Материал для реконструкции одежды древних кочевников дает мусульманская миниатюра. Традиция костюма, каким он отражен на миниатюре XIV—XIX вв., была единой для всего Среднего и частично Ближнего Востока от Месопотамии до Семиречья и Восточного Туркестана. В основе этой общей традиции лежали, с одной стороны, местные элементы одежды, воспринявшие черты тюркского костюма, с другой, ирано-месопотамские и монгольские черты²⁵. Судя по миниатюрам, в XV—XVII вв. носили одежду из гладких, цветочных и узорных тканей, различного покрою халаты, кафтаны. Это был самый распространенный вариант распашной верхней одежды, в основе которой лежал туникообразный покрой. Халаты могли иметь меховую подкладку и ворот. Важной деталью верхней мужской одежды была вышивка, которой украшалась верхняя часть груди, спина, плечи.

²⁴ См.: Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958, с. 102.

²⁵ Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. — В кн.: Костюм народов Средней Азии. М., 1979, с. 49.

Встречается на миниатюрах и нераспашная мужская одежда, употреблявшаяся гораздо реже. Покрой штанов без разрезов; держались они на продернутом шнуре, концы которого укрывались кисточками. Верхнюю одежду мужчины подпоясывали кушаками (богатые) и шнурками (бедняки). Знать предпочитала носить кожаные ремни. Ремень украшался металлическими обоймами, бляшками, драгоценностями, следуя традициям раннего средневековья. Непременными аксессуарами одежды мужчин Средней Азии был заткнутый за пояс платок (служивший ковриком при намазе в пути).

Головные уборы были разнообразных фасонов: маленькие шапочки без околыша, стеганные из ткани, чалмообразные и колпаки. Широкое распространение имела шапка войлочная, особенно среди жителей гор, охотников. Под влиянием тюркских колпаков она приобрела коническую форму. Войлок иногда красили, украшали вышивкой. Колпак с разрезными краями — традиционный центральноазиатский кочевнический головной убор — был популярным у кочевнической знати, осевшей в городах Средней Азии. Этот вид головного убора бытует в народе и сегодня.

Еще в китайском источнике XVIII столетия — рукописи «Описание Западных земель» («Сиюй чжи») ²⁶ — сообщаются характерные черты традиционной киргизской одежды: мужчины летом и зимой носили белые войлочные шляпы, сапоги из телячьей кожи с подбитой железными гвоздями подошвой и на каблуке. Женщины зимой и летом накручивали на голову белую ткань, закрывая лоб и соединяя под подбородком. Остальные детали женской одежды, как отмечает рукопись, подобны уйгурским²⁷.

В одной из более ранних среднеазиатских рукописей «Зафарнаме» Шараф ад-дина Йезди имеется миниатюра, изображающая картину сбора дани у кочевников Моголистана Тимура²⁸. Неизвестный художник, сохранив дух повествования, вместе с тем красочно изобразил современные им реалии и хозяйство кочевников Моголистана: одежду, головные уборы, вооружение, конское снаряжение, лошадей, верблюдов, коров, коз, курдючных овец. Несомненный интерес представляет изображение могольской женщины, головной убор которой напоминает южный вариант национального головного убора киргизской женщины — *элечек*.

Характерно, что на скульптурных памятниках тюрков, сохранившихся рисунках женские халаты изображены только накинутыми на плечи. Ни в древности, ни в средневековье жен-

²⁶ Перевод с китайского. Г. П. Супруненко. Хранится в фондах Института истории АН Киргизской ССР.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Пугаченкова Г. А., К истории паранджи. — СЭ, 1952, № 3; Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты). — СЭ, 1956, № 6.

щина не носила паранджи или ее разновидностей, характерных для XIX в.

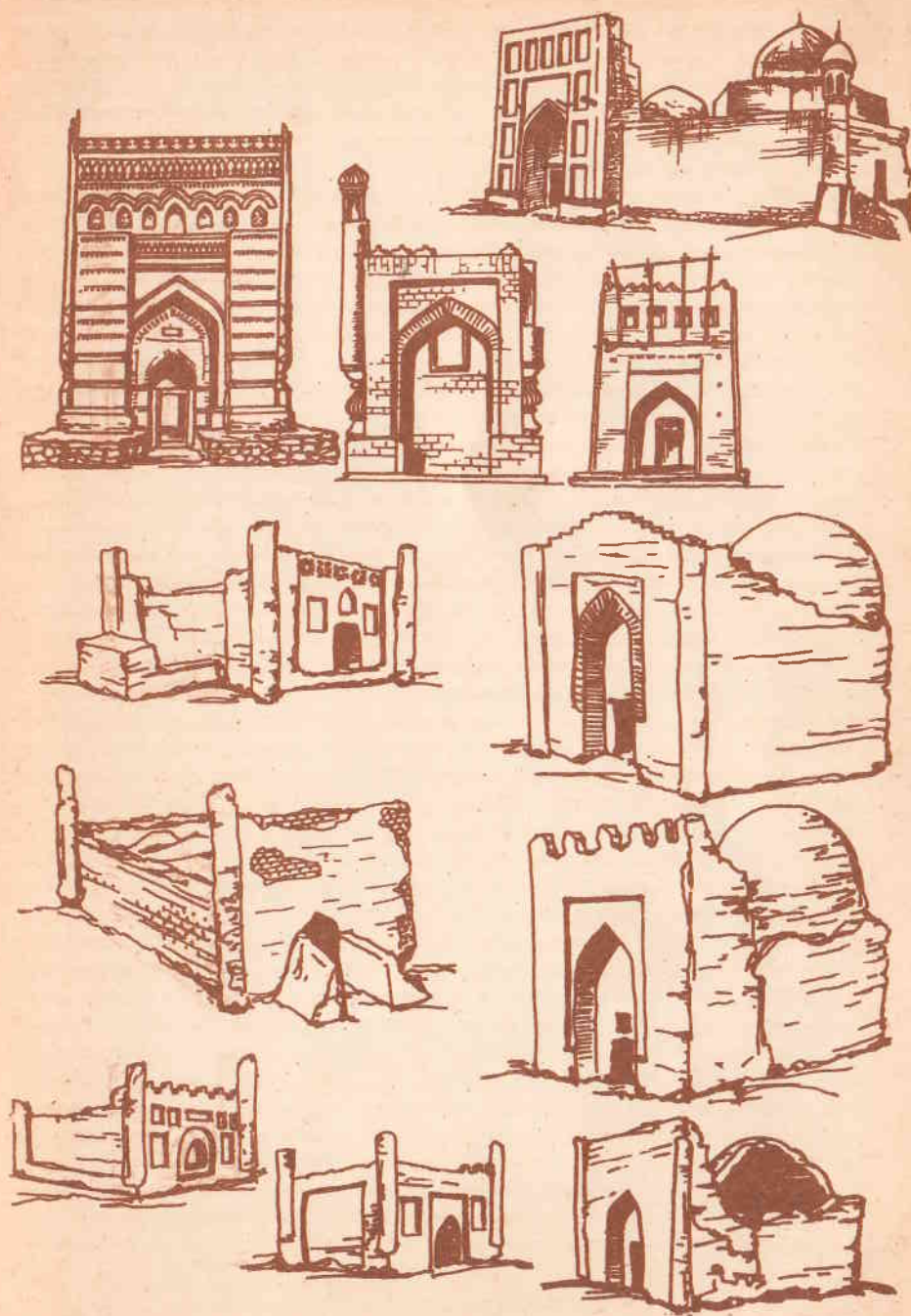
Исследователи отмечают традиционность одежды народов Средней Азии, сложившейся в рамках единой культуры. Если раньше в ней имелись существенные различия, то на протяжении веков они успели сгладиться и образовать нечто цельное. Однако при единстве конструктивной основы, одежда киргизов не утратила самобытности, особенно отчетливо проявляющейся в отделке и способе ношения. Исследователи отмечают недифференцированность некоторых видов мужской и женской одежды у киргизов в прошлом²⁹. Основной нательной одеждой у мужчин являлся распашной халат, у женщин — нераспашная рубаха. Когда, кроме нательной, появилась верхняя одежда, она не отличалась покроем от мужской нательной — разница была лишь в материале и второстепенных деталях.

Широкое распространение имела одежда из войлока, кожи, шкур диких и домашних животных, из грубой шерстяной ткани домашнего производства. Часть изделий изготовлялась из покупных тканей, поступавших преимущественно из среднеазиатских ханств. Привозились и готовая одежда, обувь, украшения. Вместе с тем одежда являлась важным индикатором, определявшим социальное и имущественное положение населения. Все исследователи XVIII—XIX вв. отмечали резкий контраст в одежде знати и бедняков.

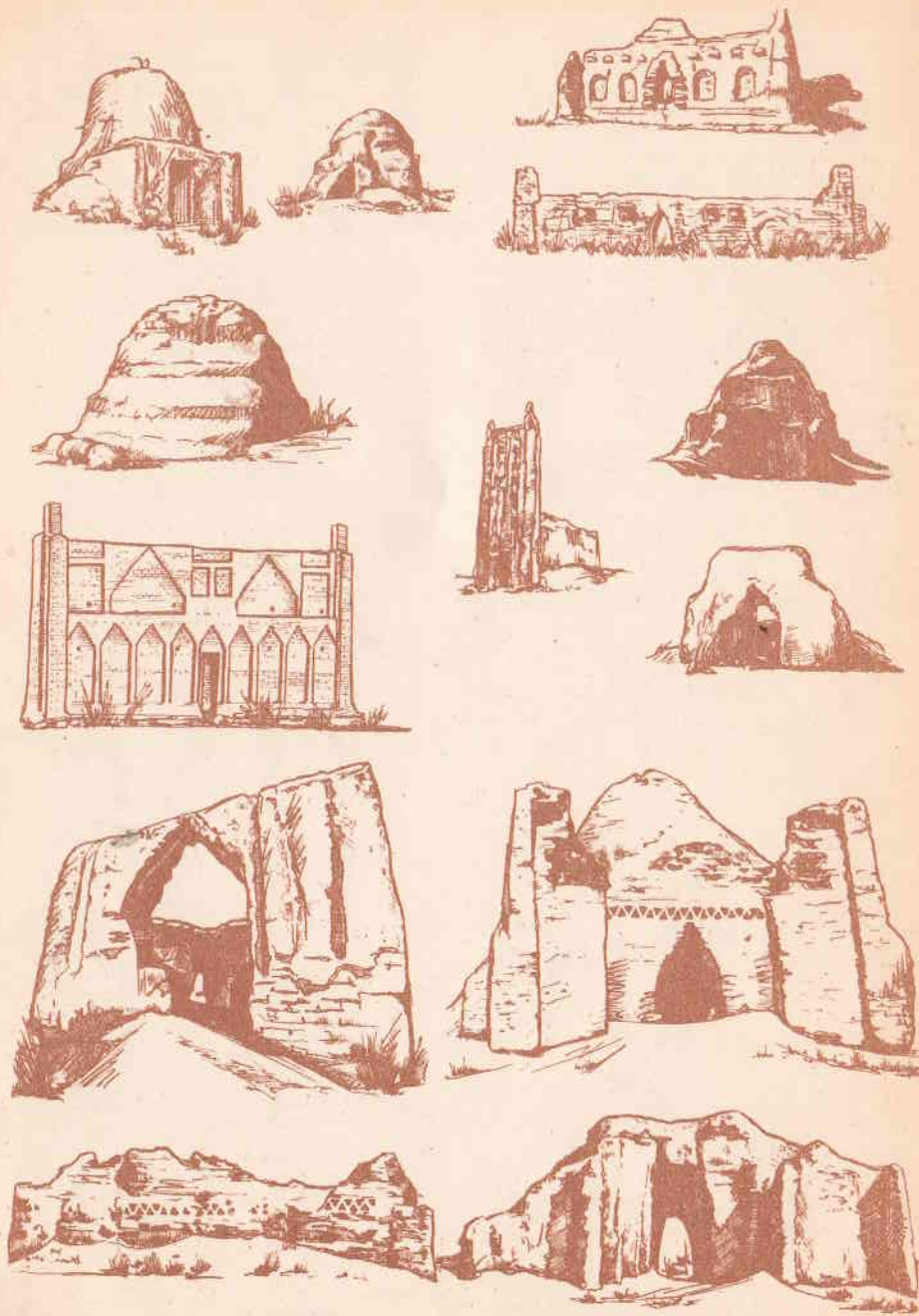
Верхняя мужская одежда киргизов была халатообразного покроя. К традиционным видам ее относятся *кементай* и *чепкен*. Зимой киргизы носили меховые шубы (*ичик*), в горных районах — с меховым воротником-шалью. Другим видом национальной зимней одежды был длиннополый нагольный овчинный *тулуп* (*тон*) с длинными рукавами. В северных районах его шили с большим меховым воротником, в южных — без воротника. Полы, подол и ворот обшивали мехом.

Нательная мужская одежда состояла из длинной прямого покроя распашной рубахи и шаровар. Особенно парадными были праздничные шаровары, которые шили из замши оранжевого цвета. Они отделялись цветным швом; с боков и снизу их расшивали яркими сложными узорами, выполненными цветным шелком и гарусом. Носили такие шаровары лица знатного происхождения.

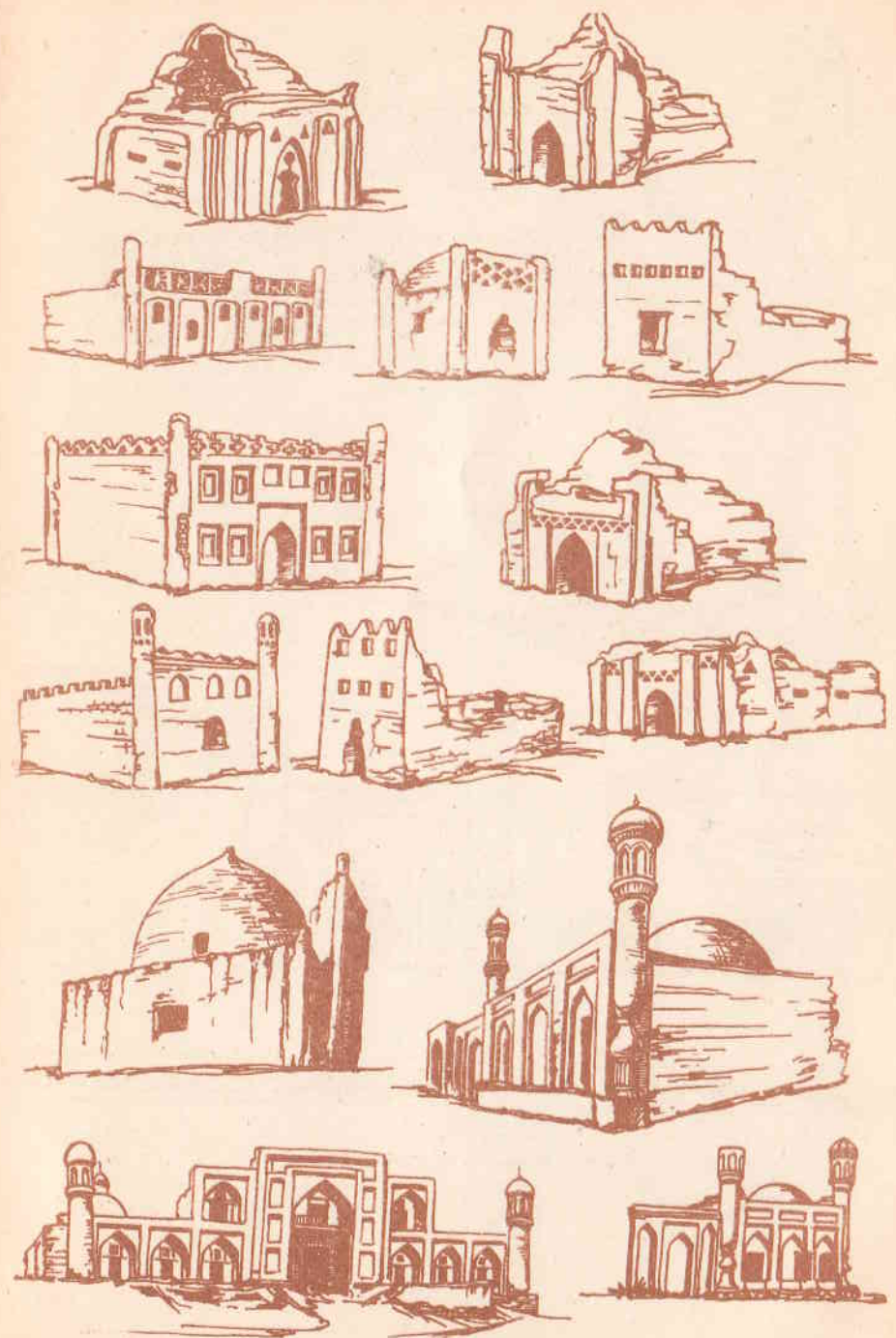
Обязательной деталью мужского костюма был пояс, которым подпоясывали верхнюю одежду. Наиболее распространены были кушаки из домотканой или фабричной ткани. В южных районах для этой цели использовали большие платки, сложенные по диагонали, вышитые по краям. У богатых были распространены широкие кожаные пояса с массивной пряжкой, отделанные серебряными украшениями. На поясе киргизы носили

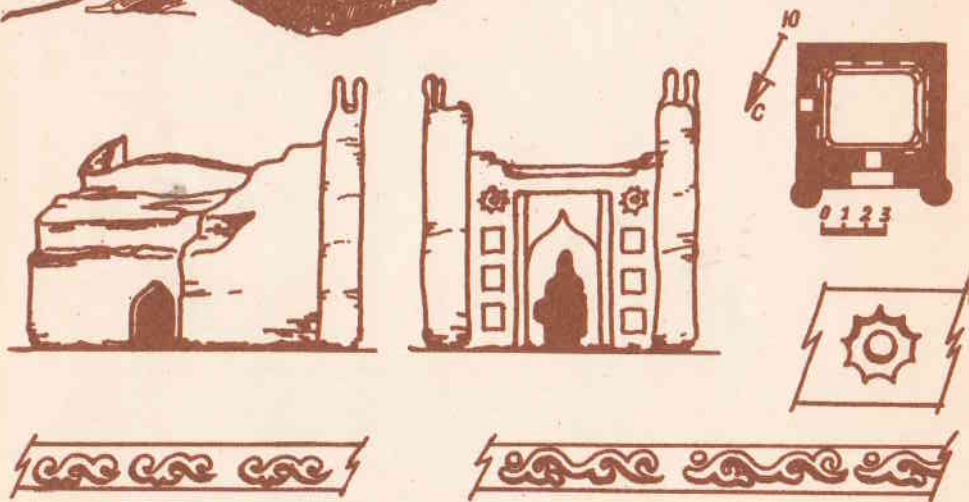
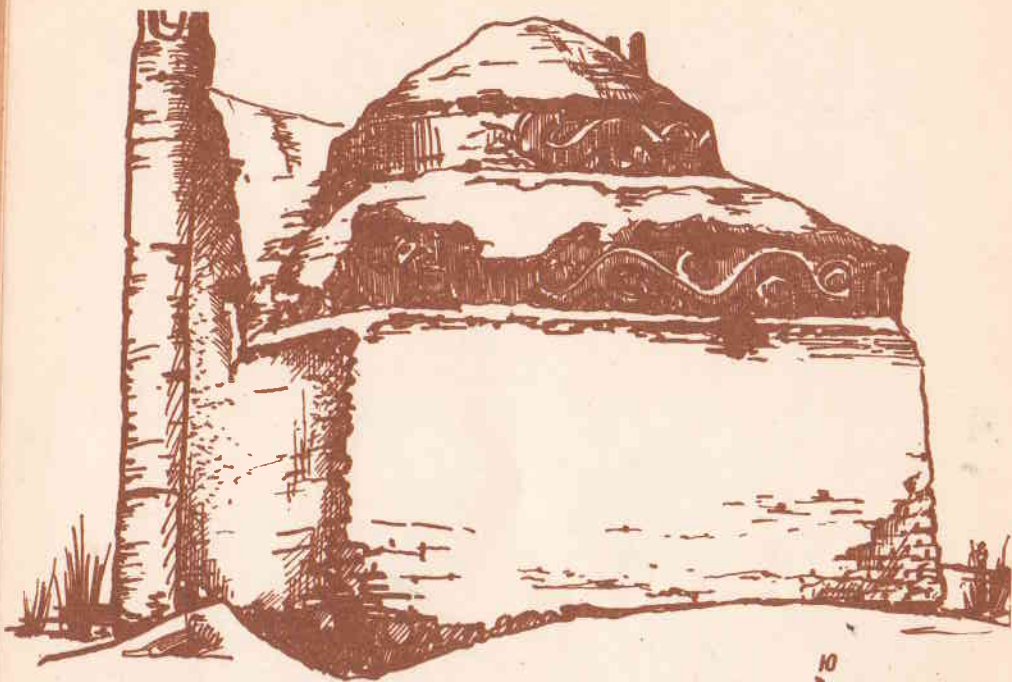
²⁹ Антипина К. И. Особенности материальной культуры..., с. 217—259.

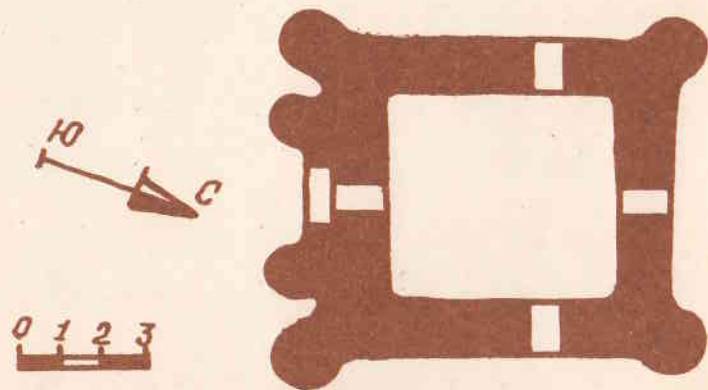
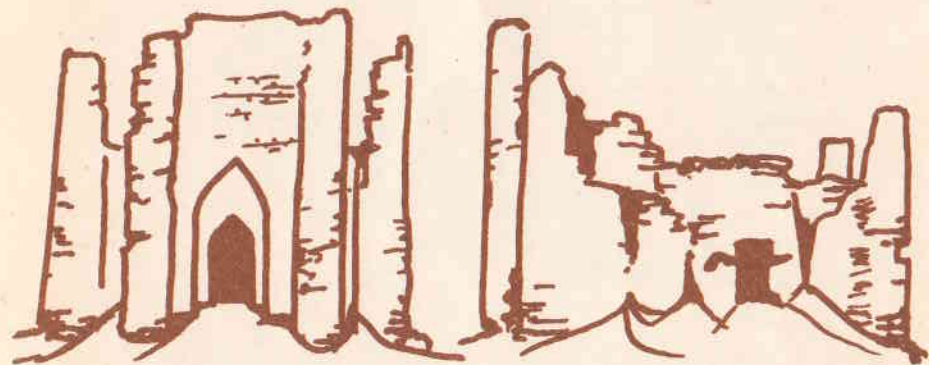
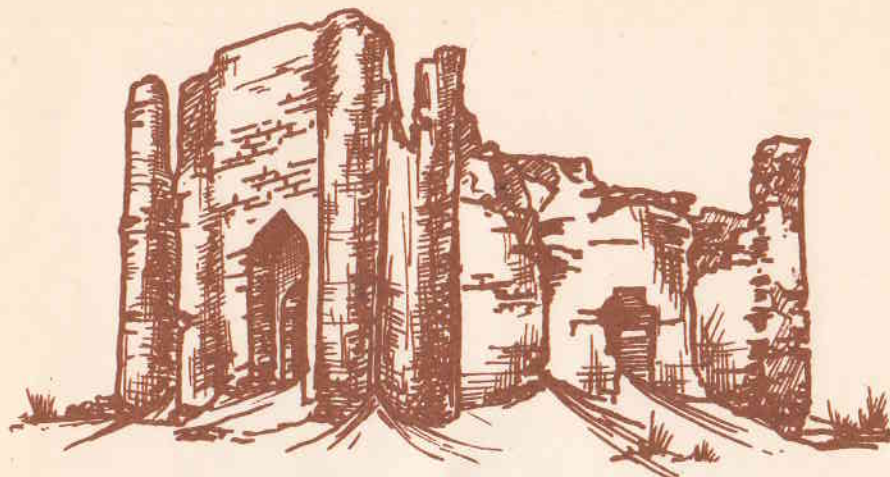
Типы киргизских гумбезов.

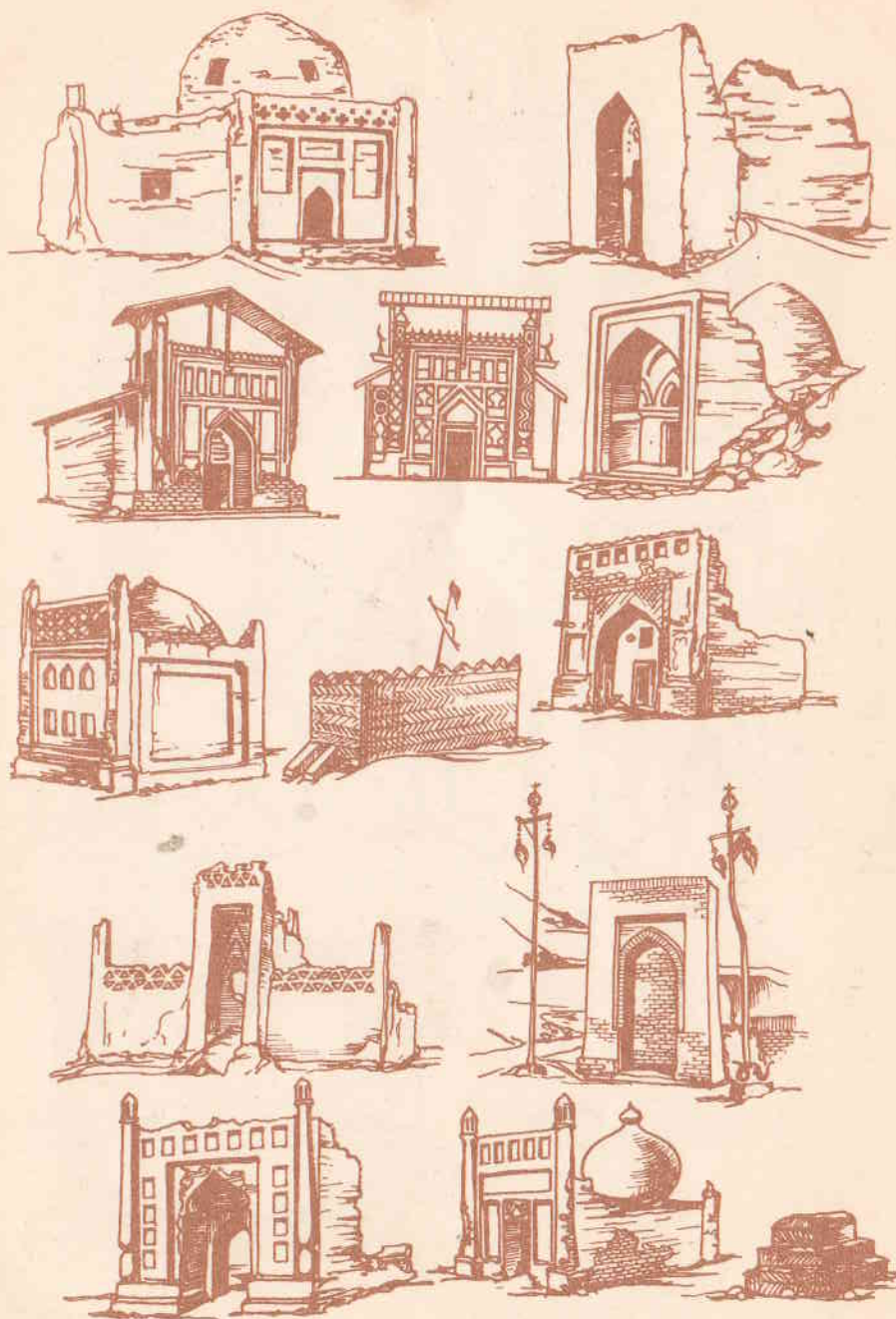
Типы киргизских гумбезов.

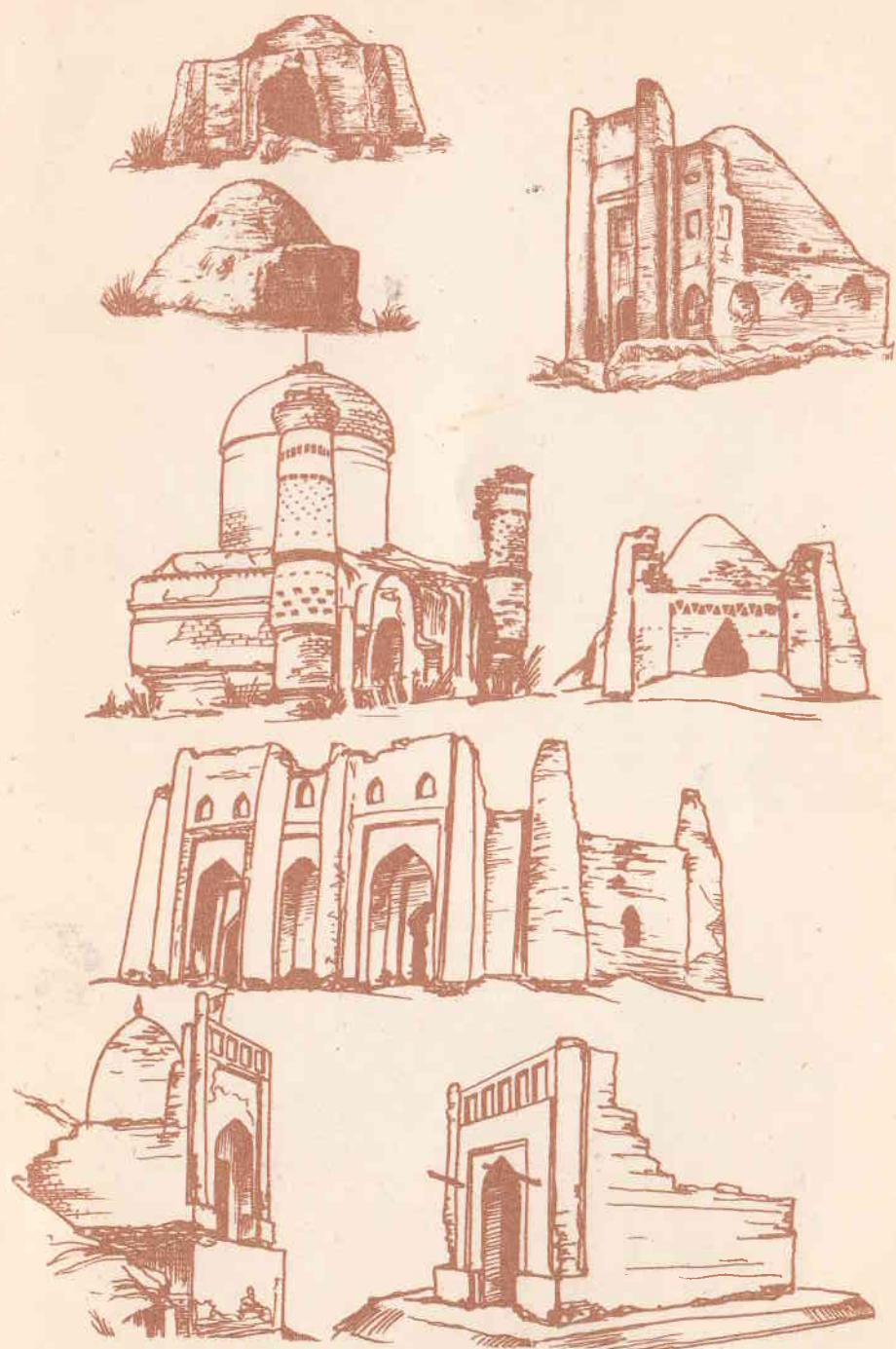
Гумбез Мурок у с. Лама. Джумгал.

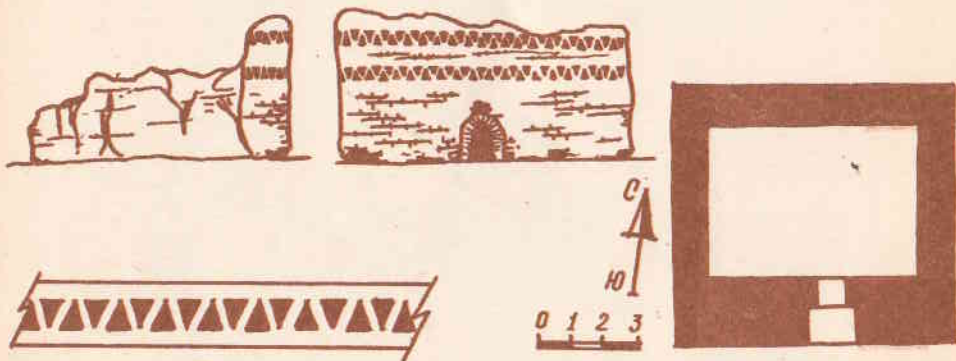
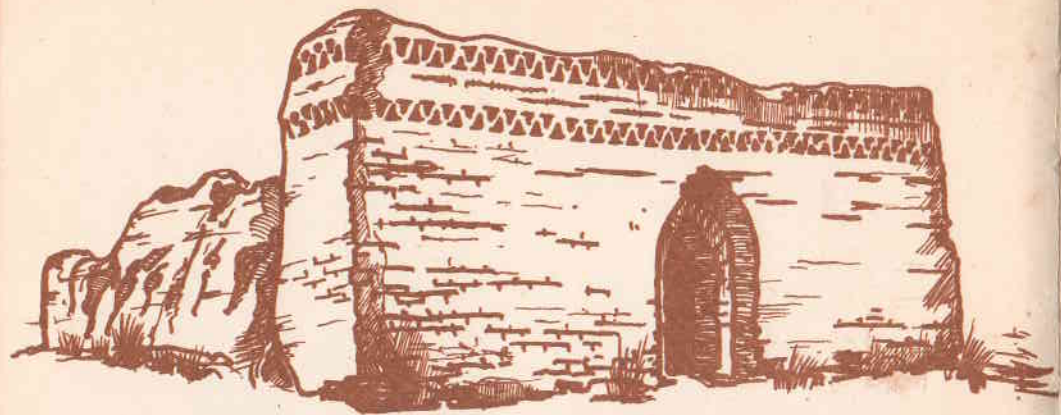
Гумбез из комплекса «Тайлак».

Типы киргизских гумбезов.

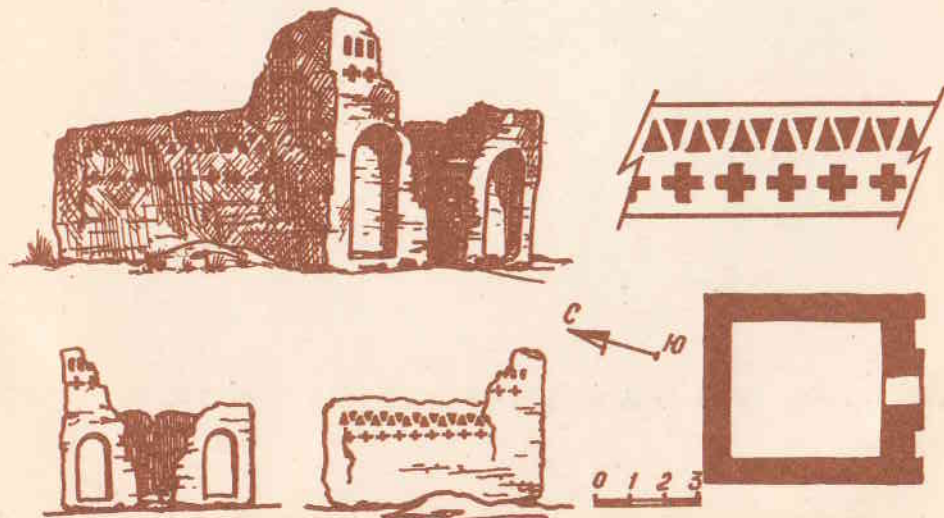
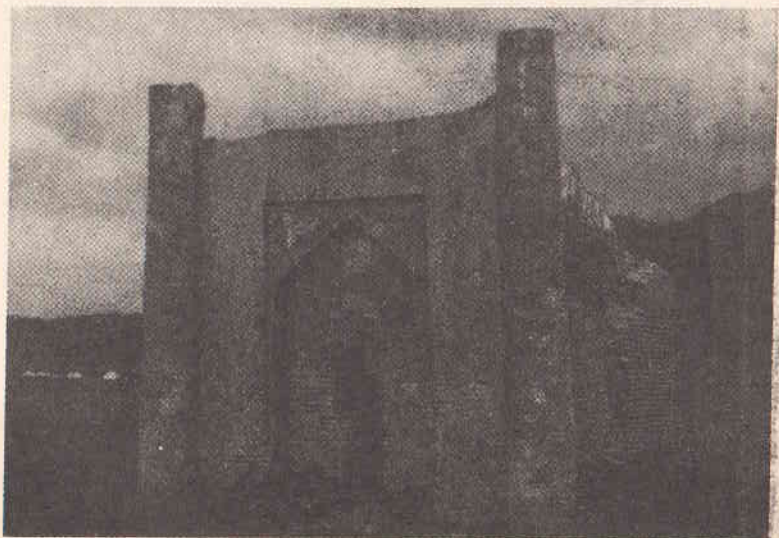
Типы киргизских гумбезов.

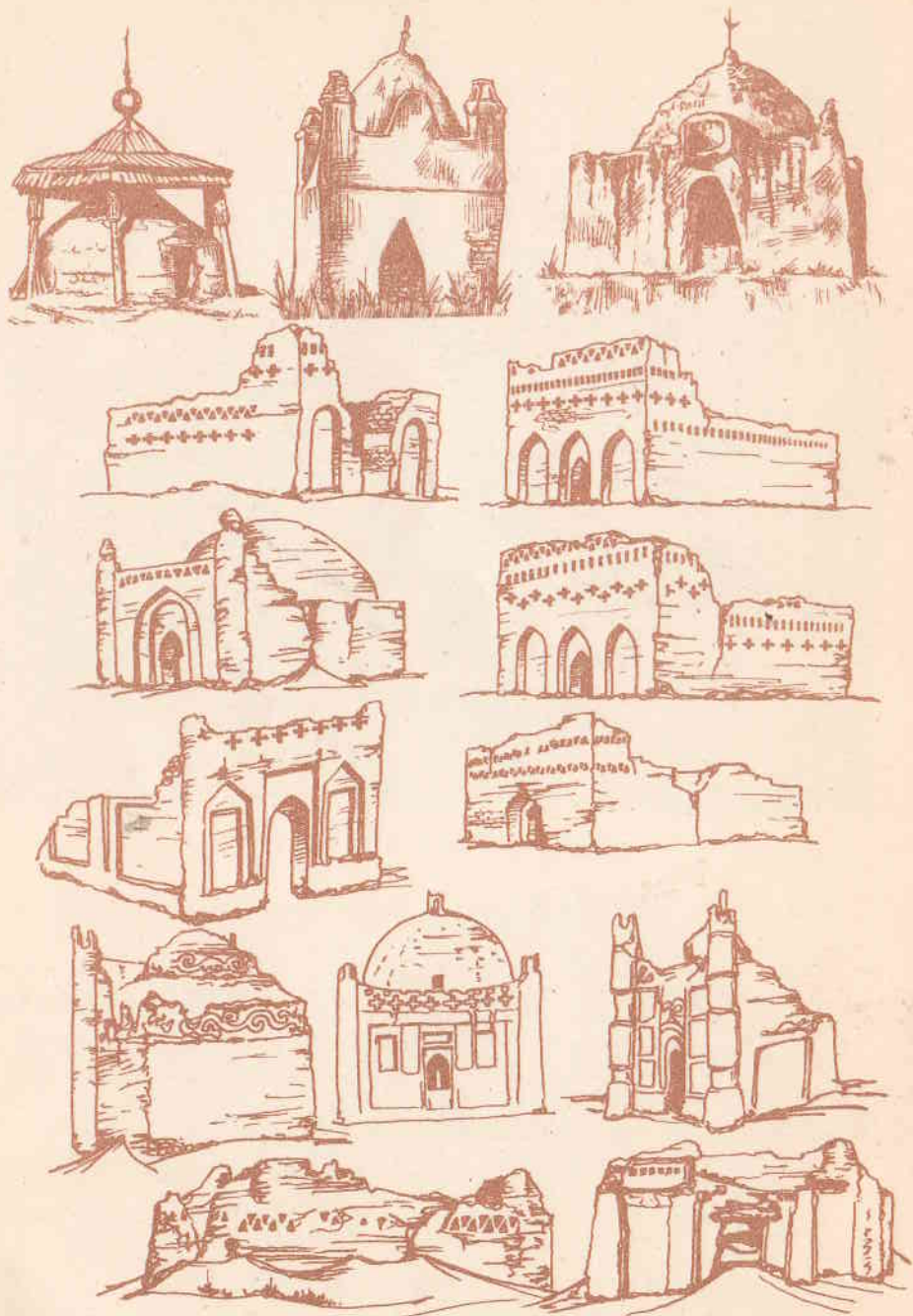
Гумбез в с. Чон-Добе. Джумгал.

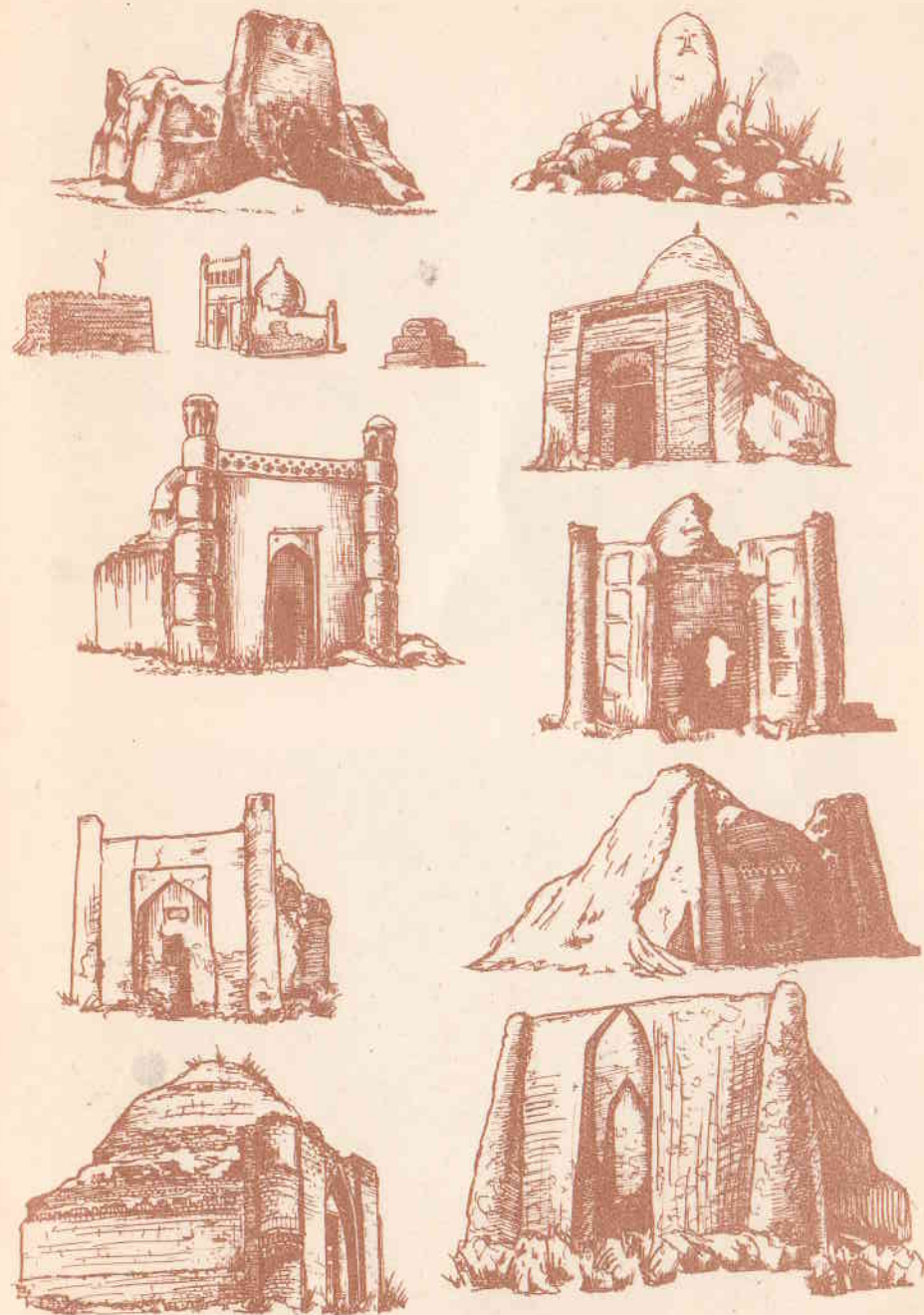
Гумбез Айдаркан у с. Лама. Джумгал.

Гумбез из комплекса «Тайлак». Ак-Талинский район.

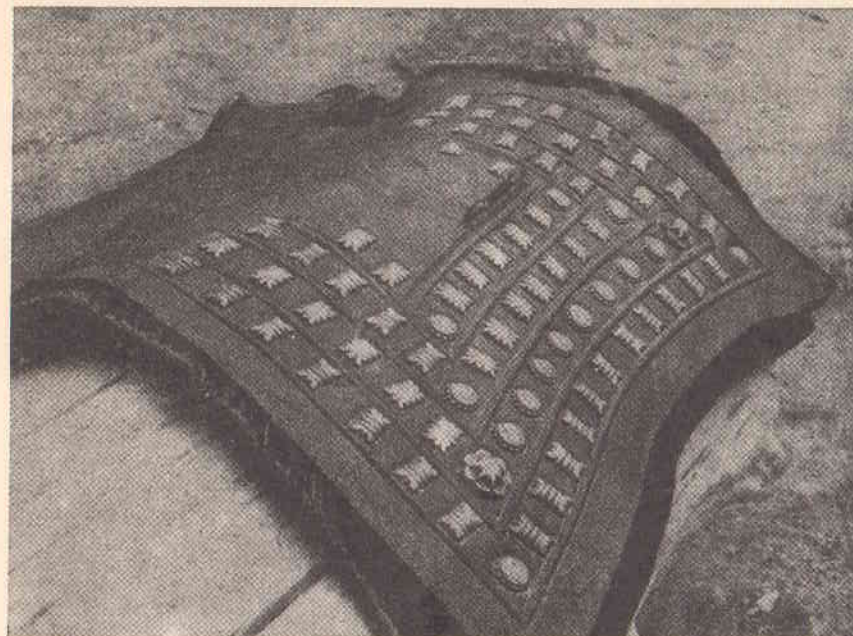
Типы киргизских гумбезов.

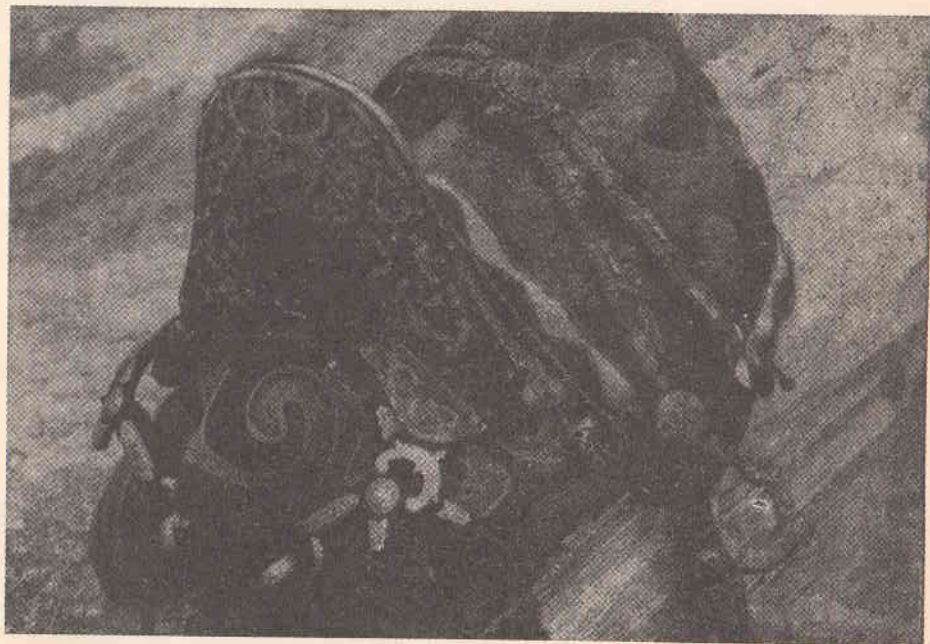
Типы киргизских гумбезов.

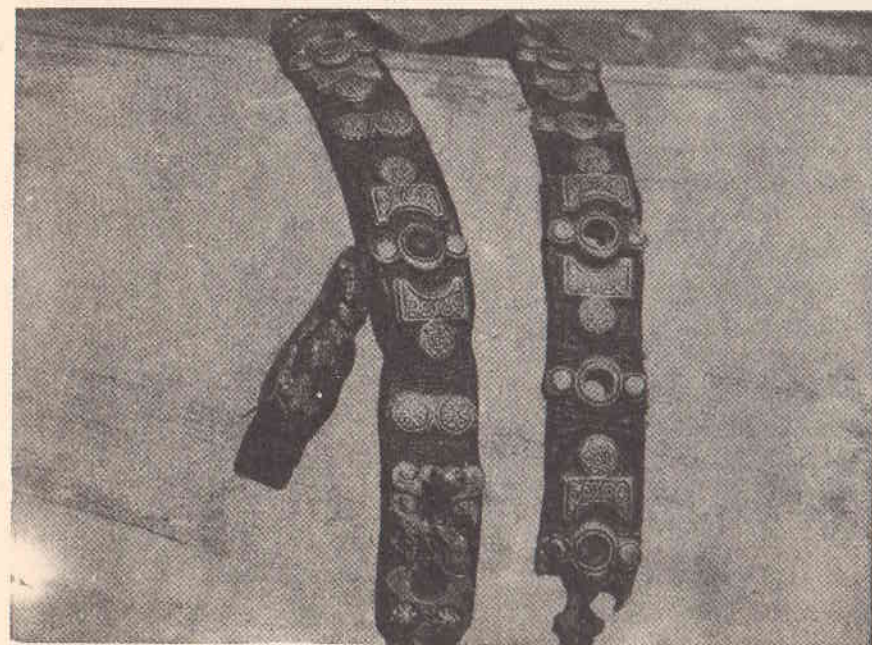
Праздничное традиционное убранство лошади.

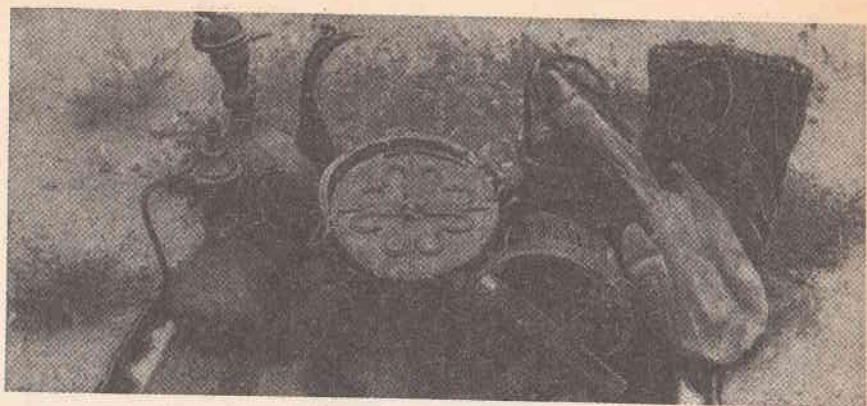
Тердик, украшенный бляшками.

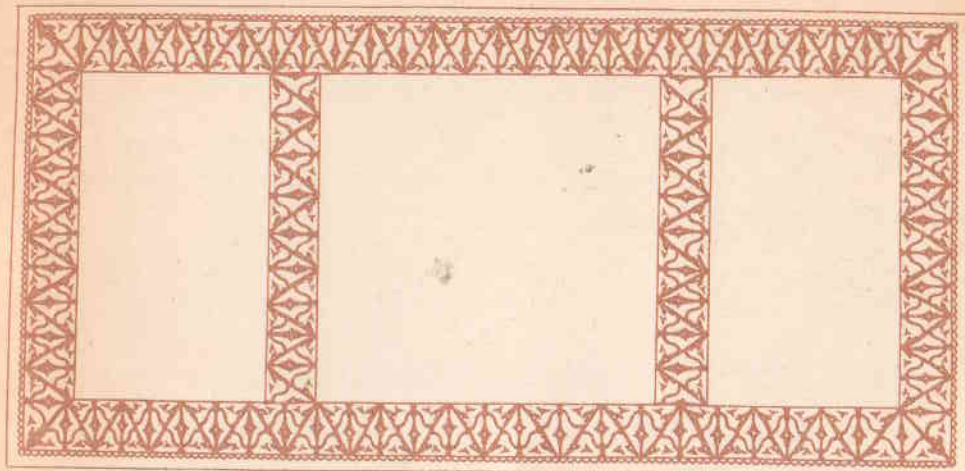
Седло. XIX в.

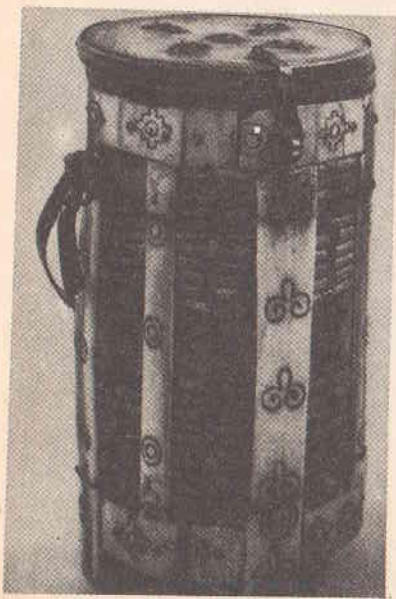
Детали конской сбруи.

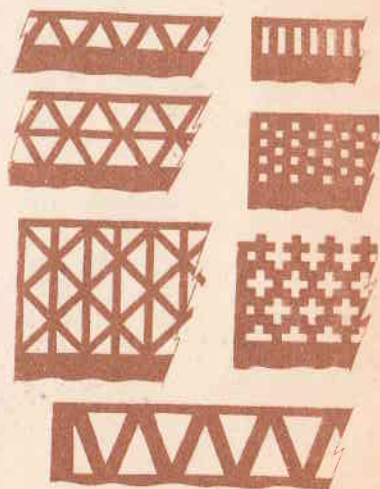
Традиционная домашняя утварь. XIX в.

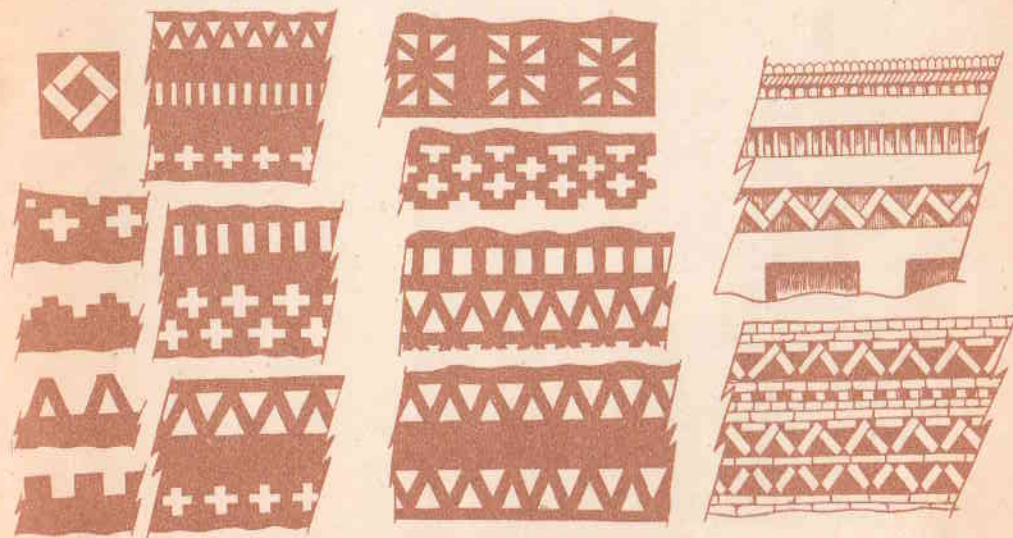
Орнамент резной двери мазара Арсланбоб.

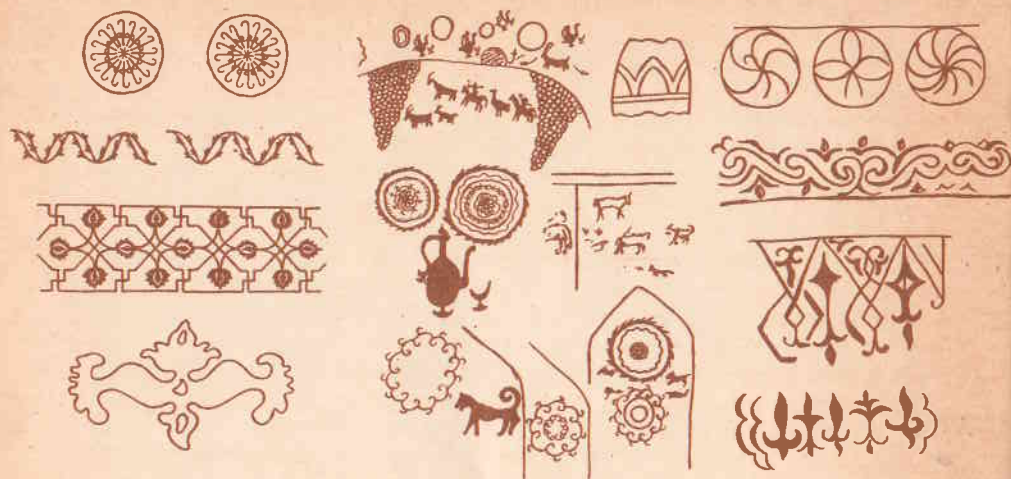
Сосуд для хранения и перевозки пиалок.

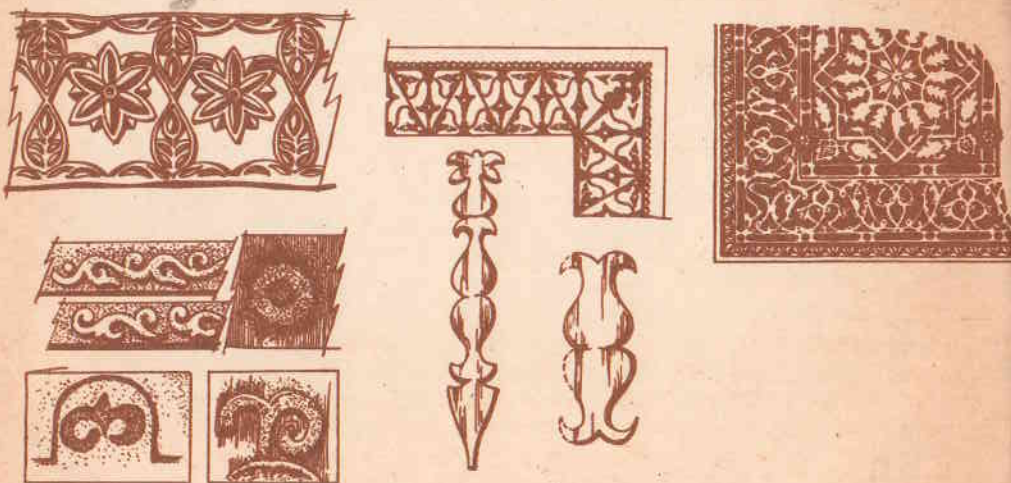
Образцы декоративной кладки кирпичей гумбезов.

Образцы декоративной кладки кирпичей гумбезов.

Орнамент и роспись гумбезов.

Рисунки фрагментов резьбы по ганчу и дереву.

небольшую сумочку, мешочек для пуль. Один из таких богатых поясов мы встретили в Токтогуле. Со временем хозяин обещал передать его в музей.

Довольно разнообразными были головные уборы. Зимой мужчины носили меховую шапку — *тебетей* — с широкой опушкой из черной овчины, лисьего меха, с суконной или бархатной тульей. В горных районах носили малахай из овчины, отделанный по краю меховой опушкой. Распространен был старинный колпак из белого войлока, с высокой тульей и полями, отороченными черным бархатом, тесьмой или цветной тканью. У разных родоплеменных групп были некоторые различия в покрое и форме колпака. В широком обиходе у пожилых мужчин были тюбетейки конической и уплощенной формы. Их носили летом, а также надевали под колпаки и зимние шапки.

Обувь изготовляли из сыромятной кожи. Сапоги шили с невысокими голенищами, скроенные из цельнокройного куска кожи. Пожилые мужчины носили сапоги из тонкой черной кожи, без каблука, на мягкой подошве. Носили их обычно с галошами из конской кожи. Шили киргизы и нарядные сапоги со скошенным внутрь каблуком, с узким следом и высокими голенищами. Низ сапог отделялся цветным кантом. Такие сапоги носили и мужчины и женщины, однако, женские сапоги шили в основном из цветной кожи.

Женские нательные платья-рубахи шили преимущественно из белой хлопчатобумажной ткани, реже — из цветной. Они были длинные с широкими рукавами. Особенно красочно расшивались женские манишки из белой ткани.

Верхняя женская одежда во многом напоминала мужскую. Как и мужчины, женщины носили короткую безрукавку на подкладке. Распашная юбка являлась принадлежностью замужних женщин. Она была с пышными сборами, обшивалась черным бархатом или украшалась нарядной вышивкой. Разнообразен и оригинален женский головной убор. Летом девушки носили тюбетейки из разноцветных тканей, которые расшивались шелком, гарусом, серебром, золотом. Зимние шапки имели коническую форму, верх их шили из цветного сукна, низ оторочивали мехом. Своеобразен традиционный женский национальный головной убор — *элечек* — из белой тонкой ткани длиной 3—5 м, которую наматывали на голову в виде тюрбана. Форма элечека имела локальные различия, отражавшие родовые традиции. По краю элечек украшался вышивкой. Такой тюрбан носили только замужние женщины.

Основные типы одежды и ее покрой были распространены повсеместно. Весьма существенной особенностью, которая определяла в прошлом внешний облик киргиза, была классовая принадлежность владельца одежды. Бедняк в качестве верхней одежды обычно вынужден был довольствоваться халатом из грубой армячины, а домашняя прислуга получала поношенную

сдежду какого-либо из членов богатой или зажиточной семьи.

Несмотря на экономическую и культурную отсталость, углубляющуюся тяжким гнетом феодалов и постоянной борьбой с внешними врагами, киргизский народ достиг высокого уровня искусства, тщательно сберегая свои культурные традиции. На их основе был создан единый народный стиль, характерными чертами которого были простота, строгость, выразительность художественных форм и самобытность.

Таким образом, киргизское декоративно-прикладное искусство имеет глубокие, в том числе и местные, корни, восходящие к культуре ранних кочевников. Оно продолжало развиваться в период тюркских государственных объединений и в послемонгольское время в XVI—XIX вв., что нашло отражение в археологических материалах и архитектурном декоре, в ковроткачестве и войлочном производстве, ювелирном искусстве и строительстве гумбезов. Близость многих орнаментальных мотивов и надгробных сооружений — гумбезов у кочевых узбеков, казахов, кара-калпаков и киргизов — была обусловлена их родством, общим происхождением некоторых родов и племен, культурными связями на протяжении веков, отношениями с оседлыми земледельческими народами, культурным значением для кочевников одних и тех же крупных городских центров, с которыми они экономически были связаны.

Традиционное ювелирное и кузнечное производство. Древние ювелиры изготавливали разнообразные женские украшения, предметы конской упряжи, домашнего обихода, пояса, охотничье снаряжение. В качестве основного материала они использовали серебро, иногда с позолотой, в сочетании с драгоценными камнями. Им были известны разнообразные приемы изготовления и отделки изделий: штамповка, ажурная резьба, чеканка, зернь, чернение, украшение изделий эмалью³⁰.

Киргизские кузнецы и ювелиры довольно широко практиковали применение техники насечки или набивной таушировки для украшения предметов конского убора, ножей, мужских поясов, различных футляров, накладных пластинок и блях. Для этого они предварительно размягчали серебро многократной ковкой, а полученную серебряную фольгу или же проволоку накладывали на поверхность железной пластинки с нанесенной насечкой в виде сплошной сетки или пунктирных штрихов. Специальным молоточком вбивали фольгу или проволоку в насечку. Проволоку различного диаметра получали путем протягивания прутиков-заготовок через волоочильную доску. Серебряная проволока использовалась для аппликации по железу.

³⁰ Иванов С. В., Махова Е. И. Художественная обработка металла. — В сб.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. — ТКАЭЭ, т. 5. М., 1968, с. 98; Сулайманов Э. Традиции обработки металлов у киргизов. Фрунзе, 1982, с. 33—61.

Применялась также техника штамповки полых внутри украшений, состоящих обычно из двух половинок. Матрицу при этом изготавливали из рога горного козла или барана, а штамп — из твердого металла. Женские украшения, преимущественно серьги, перстни, браслеты, зачастую украшались зернью. Техника зерни на территории Киргизии была известна уже в I тыс. до н. э., в сакское время, и в сочетании с инкрустацией применялась в отделке серег, перстней и колец.

Широкое распространение получила чеканка по серебру. Употребляемые для чеканки стальные стержни имели на рабочем конце различные элементы узора: в виде полумесяца, звездочки, ногтевидного овала, точки, треугольника, квадрата и т. д. Этот орнамент в различных комбинациях наносился на женские украшения, на сбрую, отделанную накладными серебряными пластинками, на нагайки и ножны.

Применялось также и чернение поверхности женских украшений, блях для мужских поясов, предметов конской упряжи. Особенностью являлось то, что чернение применялось не в качестве изображающего средства, а для получения желаемого фона, на который наносили узор. Чернь применялась преимущественно в северных районах Киргизии. Прибегали и к технике воронения — нагреванию изделия, особенно из железа и стали, в горне, в результате чего поверхность предмета покрывалась окисной пленкой коричневого цвета.

Мастера-кузнецы изготавливали не только украшения. Предметами их производства были металлическая утварь, седла, а также оружие. В прошлом киргизы изготавливали два вида оружия — холодное и огнестрельное, изготавливали пулезащитную одежду. Этого требовали межфеодалные войны, частые родоплеменные столкновения. Они умело использовали естественные защитные условия (окружающие горы), возводили специальные фортификационные сооружения.

За свою многовековую историю киргизскому народу не раз приходилось вести борьбу с иноземными захватчиками за национальную независимость и свободу. Так, в XVII — первой половине XVIII в. киргизам пришлось вести борьбу с джунгарскими феодалами; в начале XIX в. они боролись с кокандскими ханами-колонизаторами. В этой борьбе большое значение имело холодное и огнестрельное оружие, изготавливавшееся киргизскими кузнецами. Однако оружие использовалось не только для военных целей, но и для охоты; вплоть до середины XIX столетия она занимала довольно значительное место в киргизском хозяйстве. Этнограф прошлого столетия Н. Зеланд писал в очерке: «Оружие состоит из пики, ружья, шашки и ножа. Кроме того, при барымте употребляли палки с острыми наконечниками. Ножи и наконечники для палок делают сами в походных кузницах. Луки и стрелы вышли из употребления (сведения относятся к началу второй половины XIX в. — Б. Д.). К оружию

же можно причислить нагайку, кожаная часть которой нередко бывает так толста и тверда, что удар по голове может оглушить»³¹. Оружием ближнего боя, предназначенным для поражения противника в рукопашном бою, были копье, меч, сабля, боевой топор, палаш, булава, кинжал и другие. Оружием дистанционного боя были лук и стрелы, позже (примерно с XVIII в.) появились ружья.

В эпосе «Семетей» упоминается богатырский лук «аленгир джаа» — «разрушающий, губительный».

Из исторических источников и археологических находок известно, что поверхность боевых топоров иногда украшалась орнаментом, выполненным техникой инкрустации цветными или благородными металлами, или покрывалась листовым серебром с гравированными сюжетами. Именно о таком украшении боевого топора упоминается в эпосе «Семетей»: топор, сделанный из белой стали с золотым эфесом; топор, составленный из кусков белой стали и украшенный серебром с ртутью. Золото или серебро в порошке смешивали с ртутью, затем ртуть выпаривали, соединение наносили на предмет, добываясь таким образом позолоты или посеребрения.

В настоящее время старинные виды оружия среди населения почти не сохранились. С ними можно познакомиться только в музеях. Крупнейшим таким хранилищем в Киргизии является Республиканский исторический музей. Сегодня здесь можно увидеть следующие примечательные виды холодного оружия:

чоюн-баш — состоит из палки и металлического набалдашника, в котором имеется сквозное отверстие для надевания на палку. Таким оружием воевали сидя верхом на коне, также как и булавою. На месте, где располагалась ранее кокандская крепость Пишпек, краеведы средней школы № 10 г. Фрунзе нашли тяжелую кованую булаву с шаровидным навершием с шипами. Наносить удары такой булавой мог только физически сильный человек;

чокмор — оружие в виде палки с медным кольцевидным скользящим набалдашником, имеющим закругленные ребра. Применялось во время военных столкновений. По словам владельца, у которого было приобретено оружие, сидящий на коне всадник надевал петлю (на конец палки продет в поперечное отверстие ремешок) на правую руку, набалдашник прятал в руку. Для отражения противника палка отводилась в сторону, и ладонь, в которой был спрятан набалдашник, разжималась. Последний соскальзывал на конец палки; этим набалдашником и наносился удар (длина палки 95 см, диаметр набалдашника 13 см);

³¹ Зеланд Н. Д. Киргизы. Этнологический очерк. — Записки Зап-сиб. отд. Русс. Геогр. Общ., кн. VII, вып. II. СПб., 1885, гл. III.

шалк-этме — вид холодного оружия. Оно состояло из короткой палки, на одном конце которой был закреплен чугунный набалдашник, в котором имелось глухое отверстие. Другой конец этой палки при помощи параллельных железных пластин прикреплялся в свободном состоянии к другой, более длинной палке. В целом оружие напоминало цепь³².

Широко применялся *ай-балта* — боевой топорик в виде секиры или алебарды с полукруглым лезвием.

Одним из видов наступательного оружия боевого всадника был меч (*кылыч*). Это орудие было доступно привилегированному сословию, профессиональным воинам, богатырям и предводителям дружин. Представители имущих классов носили их как «символ» почета и власти, а также как знак славы. Местные кузнецы-оружейники изготавливали также мечи, сабли, кинжалы.

Из огнестрельного оружия наиболее опытные киргизские мастера изготовляли фитильные ружья — *мылтык*. Пули делали сами, либо отливали из свинца, который покупали на рынке. Судя по легенде, один актюзский охотник открыл в горах свинцовую жилу и понемногу стал ее разрабатывать, лить дробь и пули. Это вызвало подозрение, за ним была установлена слежка и... жила раскрылась. Косвенные свидетельства, находки геологами старинных разработок на Ак-Тюзе доказывают, что добыча свинца и изготовление дроби и пуль были известны киргизам еще в древности.

Пули отливали при помощи пулелеек, изготовленных в виде двух небольших брусочков из мягкого камня (форма для литья пуль, датированная специалистами XVII—XVIII вв., найденная на городище Беловодская крепость, была сделана из кирпича, который, видно, был обожжен еще в X—XIV вв.). На поверхности обоих брусочков выдалбливали полушаровидные углубления. От этих углублений к краям брусочков продельвали совпадающие друг с другом бороздки. Для того, чтобы брусочки не разъединялись, их затягивали ремешком. Расплавленный свинец стекал по бороздкам в шаровидное углубление, где и застывал. Затем брусочки разъединяли и вынимали из углубления круглую пулю.

Нужно отметить, что как декоративно-прикладное искусство, ювелирное производство, как и кузнечное дело, равно как и другие ремесла в целом, отличались весьма своеобразными чертами, порожденными кочевым образом жизни, сохраняли древние элементы и традиции. Ремесла и искусство не доросли до цеховых организаций и не отделились от скотоводческо-земледельческого хозяйства, судьба их полностью зависела от потребностей коренного населения, т. е. они были приспособлены к

³² Хранятся в Республиканском историческом музее под инв. №№ 3145, 4185, 43190 и др.

обслуживанию кочевого быта киргиза. Специфические особенности киргизского декоративно-прикладного искусства, ювелирного мастерства древних кочевников заключались, по нашему мнению, в следующем:

специальных помещений для работы не было. Ввиду того, что основным занятием все же было кочевое или полукочевое скотоводство, в известной мере сочетаемое с земледелием, киргизы занимались искусством и ремеслом от случая к случаю, по мере поступления заказов;

мастера использовали большей частью натуральные красители и самодельные инструменты, часть которых переходила по наследству;

весь процесс труда, начиная с первичной обработки материала, а в отдельных случаях начиная с добычи сырья (металла) и кончая отделкой готового продукта, сосредоточивался, как правило, в руках одного мастера;

преобладающей формой оплаты труда специалистов была натуральная оплата, продукты ремесленного производства сбывались как внутри, так и вне аила или родового коллектива;

почти полностью отсутствовала какая-либо связь мастеров с рынком как при заготовке материалов, так и при сбыте изделий. Отсутствовали также посреднические инстанции при реализации предметов декоративно-прикладного искусства и ремесла;

изделия изготавливались в основном из материала заказчика, а вспомогательное сырье и отдельные предметы труда, например, металлический лом, мастера покупали на рынке. Практиковалось изготовление сырья, в частности металла, самим мастером;

уже в тот период существовало обучение технике декоративно-прикладного искусства и ремеслу. Однако чаще всего мастерство передавалось по наследству;

многие из мастеров совмещали такие специальности, как кузнечная, ювелирная, деревообделочная, шорная и т. п., т. е. они одновременно были и деревообделочниками, и кожевниками, и шорниками, и плетельщиками, и камнерезами, и оружейниками и т. д.

В целом материальная культура и декоративно-прикладное искусство удовлетворяли запросы кочевого скотоводческого общества. В их основе лежала функциональность, красота приходила вслед за ней. Как отмечает известный теоретик и специалист по истории декоративно-прикладного искусства Анри де Моран, «всякий мастер декоративного искусства прежде всего ремесленник»³³. Поэтому личности художника в прошлом не придавалось особого значения. Обычно художников не отлича-

³³ Анри де Моран. История декоративно-прикладного искусства от древнейших времен до наших дней. М., 1982, с. 9.

ли от простых ремесленников, поэтому не сохранились и их имена, и все же они пользовались известным уважением и авторитетом в народе. Произведения их, дошедшие до наших дней, восхищают нас как прекрасные непреходящего значения образцы искусства.

В канун 60-летнего юбилея республики и Коммунистической партии Киргизии в Музее изобразительного искусства и в павильоне Выставки достижений народного хозяйства экспонировались произведения мастеров декоративно-прикладного искусства современной Киргизии.

Участники Всемирной организации Международный Совет музеев (ИКОМ), действующей под эгидой ЮНЕСКО, зарубежные специалисты, ознакомившись с экспонатами, единодушно отмечали высокий уровень и оригинальность современного киргизского декоративно-прикладного искусства, впитавшего в себя важнейшие черты традиционной материальной культуры. Президент Комитета ИКОМ по прикладному искусству, главный хранитель Королевского музея Швеции Л. Гранлунд отметила, что члены комитета и гости, знакомясь с жизнью республики, ее музеями и выставками, явились свидетелями подлинного расцвета национальных традиций в быту, в искусстве народа Киргизии. От имени своих коллег Л. Гранлунд выразила искреннее восхищение художественным вкусом и высоким профессионализмом, которые присущи каждому изделию народных мастеров. Все это является убедительным доказательством, что современное народное декоративно-прикладное искусство Советской Киргизии, являясь неотъемлемой частью социалистической культуры, пользуется у народа огромной популярностью, заслуженной любовью³⁴. И какими же, в свете этого, беспочвенными выглядят попытки зарубежных фальсификаторов, разглагольствующих о затухании и даже утрате глубоких национальных традиций в киргизском быту и искусстве. Достижения во всех областях жизни, всесторонний расцвет киргизского национального искусства, сохранение и преумножение национальных традиций в сочетании с развитием интернациональных элементов культуры — вот та правда о социалистическом образе жизни, которую не опровергнуть и не очернить никаким зарубежным фальсификаторам.

³⁴ Советская Киргизия, 1984, 31 августа и 4 сентября.

ГОРНОРУДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

более труднодоступного гайона Киргизии, чем Сары — Джаз еще недавно нельзя было и представить. Здесь центр Тянь-Шаня с мощным горным узлом Хан-Тенгри, здесь располагаются высочайшие вершины — пик Победы (7439 м) и пик Хан-Тенгри (6695 т), здесь один из крупнейших массивов оледенения — гигантский ледник Иньльчек (длина 57 км). Абсолютные высоты, сложный глубоко расчлененный рельеф, многочисленные перевалы, резко континентальный климат, отсутствие путей сообщения затрудняют развитие Сары-Джазского края, проведение здесь геологических работ и археологических обследований. Тем не менее еще в давние времена рудознатцы вели здесь поиски и разведку оловянного камня, а возможно, и других полезных ископаемых. Об этом свидетельствуют обнаруженные при геологической разведке месторождений Лесистое, Трудовое, Ат-Джайлоо, Учкошкон следы древних горных выработок, каменные орудия, применявшиеся для добычи руды, светильники, кучи шлака.

В этом богатом облицовочным камнем и водой, залежами руды и благодатными пастбищами крае с незапамятных времен промышленяли люди зверя, пасли табуны лошадей и отары овец. Следы первых обитателей почти не сохранились. Одно из очередных оледенений и последовавшие за ним века стерли их. Напоминаний же о человеке более поздних эпох сохранилось больше.

В археологическом отношении верховья бассейна р. Сары-Джаз изучены слабо. О Сары-Джазе, главным образом о росписях пещеры Ак-Чункур¹, имелись сведения в литературе, встречаются отдельные упоминания и о других памятниках². Но это, пожалуй, и все. Между тем регион в древности являлся местом сосредоточения горнодобывающих промыслов, был

¹ Окладников А. П., Рацек В. Н. Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня. — Изв. ВГО, 1954, т. 86, вып 5, с. 447—452.

² Рацек В. Н. Высотные экспедиции альпинистов. — Советская Киргизия, 1954, 19 сентября.

густо заселен. Об этом говорят множество могильников и следы деятельности древних рудокопов.

Здесь, высоко в горах, у подножья ледников, человек впервые поселился пять-семь тысячелетий назад. Жилищем ему служила пещера. Одна из таких пещер (Ак-Чункур) расположена в верховьях р. Сары-Джаз. Стены ее украшают пережившие века рисунки первобытного человека. Возможно, это и были рудознатцы. А может быть, нашего предка влекли сюда тучные пастбища, несмотря на суровость климата?

Орудием древнего человека вначале был камень, а в дальнейшем, по мнению геологов, случай помог открыть ему металл. Так появился на Сары-Джазе древний первооткрыватель оловянного камня. Теперь до бронзы был всего один шаг, но длинной в многие столетия.

С первой добычей самородной меди и, особенно, золота, которое встречалось, очевидно, в небольшом количестве во многих местах Сары-Джазского района и сравнительно легко добывалось из россыпей, началось настоящее знакомство человека с металлом. Обработывая его при высокой температуре, он уже тогда обратил внимание на одно удивительное свойство — ковкость — и подспудно пришел к обнаружению его новых свойств. Добавление к расплавленной меди оловянного камня (касситерита) повысило твердость сплава по сравнению с самородной медью. Так была получена бронза.

Древние люди добывали олово при помощи молотка или куска камня. От оловянного камня отбивались куски пустой породы. После сортировки касситерит направляли в литейные мастерские, где, соединив олово с медью, переплавляли в бронзу.

Паводковые воды Сары-Джаза размывали следы древних промыслов. Сохранились лишь траншеи в цоколе второй террасы на участке Эчкилиташ, заваленные галечниками и валунами, отработанной породой.

Горы, как ни странно, не разделяли, а, напротив, объединяли народы, населявшие различные районы Центрального Тянь-Шаня. Представители древних цивилизаций имели возможность для передвижения по горным тропам. В 30—60 км к северу от Сары-Джаза проходила важная торговая артерия. От этого международного шелкового пути отходились более мелкие торговые тропы местного значения. С Иссык-Кульской котловиной Сары-Джаз был соединен такой тропой протяженностью в 140 км. Наиболее близкий, но очень трудный караванный путь в Восточный Туркестан проходил через хребет Кок-Шаалу по долинам рек Каинды, Учат, Каюкеш и перевалы Учат, Чичар, Кара-Мойнок и Майбаш, а также поселения Аксу, Кашгар или Яркенд. Проезд по этому пути был возможен только в ограниченное время. Летом мешали водные преграды, зимой — снежные заносы.

Ко времени открытия бронзы торговля уже стала играть заметную роль в жизни общества. Весьма ценным товаром на рынке становится олово. Оно направлялось туда, где имелось основное для получения бронзы сырье — медная руда.

Следы древних разработок олова на территории Сары-Джазского района прослеживаются во многих точках Иньльчекского хребта, на его северном и южном склонах. Здесь выявлено большое количество выработок. Кроме того, обнаружены древние подземные эксплуатационные выработки на месторождениях Учкошкон и Ат-Джайлоо. Наряду с открытыми выработками (шурфы, каналы) археологи нередко встречают подземные. Все это свидетельствует о том, что горный промысел в то время был достаточно развит. Представление об этом можно составить по различным выработкам, разбросанным по всему рудному району.

Наибольший научный интерес из всех древних выработок представляет выработка по правому борту Лесистого сая (северный склон хребта Иньльчек). Открыта она была случайно. Об этом подробно рассказал один из первооткрывателей Сары-Джазского горнорудного бассейна геолог С. С. Малышев. При проходке первой штольни в 1966 г. на участке Лесистом по течению реки и в 12 м от поверхности была вскрыта древняя выработка шириной около 5 м. Осмотреть тогда ее не удалось: выработанное пространство было завалено пустой породой. В 40 км к югу от штольни в целях вскрытия южного фланга рудной зоны был пробит шурф с рассечкой. В северной стенке шурфа, на глубине 10 м показалось небольшое отверстие, принятое вначале за нору сурка. Продвигаясь по узкому извилистому лазу, геологи все время ощущали давление пород на спину и грудь.

Как показало обследование, длина выработки 30 м, ширина — от 1 до 3 м, высота в отдельных местах достигает 4 м. После завала выработка продолжается далее к северу. Нижняя часть выработанного пространства заложена пустыми породами, глубину его установить не удалось. Верхняя часть выработки шла вдоль пологого контакта гранитов и ограничивалась мраморами и сланцами силура, где и выклинивалась руда. Даже беглый осмотр говорит о том, что выработка имела неправильные очертания, строгая система отработки отсутствовала, отработанные участки закладывались, далее рудокопы продвигались вслед за прихотливыми изворотами рудных тел в глубь земли.

Обследовав стенки и своды выработки (1966 г.), разведчики обнаружили наличие небольшого количества древних каменных инструментов. Формы и размеры их были различны и довольно разнообразны: овалы, клинья, полусферические формы, плоские, в центре с углублениями и т.д. Найдены остатки деревянной крепи, плоские фитильники, древесный уголь и ка-

менный молот с деревянной ручкой, перевязанной сыромятным ремешком.

Одно из углублений в стенке, очевидно, служившее кладовой для хранения каменного инструмента, дошло до настоящего времени. Сохранность орудий (особенно дерева и кожи) можно объяснить двумя причинами: сухостью воздуха или сравнительно недавним временем. Геологи убеждены в древности орудий, археологи же склонны считать, что их оставили рудознатцы в сравнительно недавнее время — XVIII—XIX вв., когда здесь продолжалась выработка руды, как и тысячу — две тысячи лет назад.

Орудия для добычи изготавливались из местной горной породы — плотного и вязкого габбро-диабазы, мелкозернистого, темно-серого цвета. Инструменты из габбро-диабазы дошли до нас из глубины веков в великолепной сохранности. Облик их наглядно свидетельствует о многовековой традиции.

По окончании геологических работ в зоне «Лесистый» шурф был перекрыт двумя накатами из бревен и законсервирован. После того, как древние рудокопы покинули выработку, туда, кроме геологов (1966 г.), не проникал никто. Часть инструмента, древесный уголь, крепь остались в полной сохранности. Для локализации на местности древней выработки можно обратиться к Павлу Степановичу Поповичеву, который работает в Сары-Джазской экспедиции с 1964 г. и является любителем-краеведом, или к С. С. Малышеву, которому мы признательны за информацию. Эта древняя штольня ждет квалифицированного археологического исследования.

Месторождение Ат-Джайлоо было обнаружено Сары-Джазским геологом Г. П. Габба. Расположено оно в труднодоступном месте у р. Каинды.

Выработка представляет собой штольню, находящуюся высоко (до 10 м) в отвесной стене. Обнаружена она в октябре 1969 г. Ее длина около 26 м, высота выработанного пространства — 17 м. Это на высоте над уровнем моря в 3720 м по южному склону хр. Иньльчек-Тоо, у подножья которого в условиях вечной мерзлоты протекает р. Каинда.

Снаружи вход в древнюю выработку был завален моренными отложениями. Древние разработки были обнаружены при прокладке современной штольни. Места их заложения определяют по наружным признакам. Поисками рудных жил, видимо, занимались и старатели в древности.

Здесь добывали оловянистую руду, в которой была примесь меди, свинца и цинка. Место, где плавил руду и получали металл, не обнаружено. Обработку руды вели каменными орудиями. В древней штольне были найдены деревянные держатели, каменные молотки из крепкой породы (габброид), сыромятные ремешки, которыми привязывали камни к держателям. Найдены также обломки глиняной посуды — керамика — и кости жи-

вотных. Находки геологи передали в Республиканский музей, но, к сожалению, они были утеряны.

На месте древних выработок еще и сейчас имеется руда в недоступных для молотка местах. Глубина около 10 м. Предполагают, что эта штольня была пройдена от уровня ледника, который в настоящее время отступил высоко в горы. В пользу этой версии имеется убедительное доказательство. В скалах на почве возле стены имеются нетронутые выходы рудных тел. В то время их не было видно. Руда плотная, состоит из кристаллов касситерита, турмалина с вкраплением сульфидов мышьяка и меди, плохо поддается разрушению. Подъехать к месторождению на машине невозможно. По узким горным тропам можно проехать лишь на лошади.

Интерес представляет месторождение Джиланды. Выработка находится у пос. Кургак. Здесь расположены две штольнеобразные выработки с входными отверстиями до 1,2 м. В метре от устья выработки они завалены полностью обрушившейся с кровли породой. В этом месте на склоне просматривается обширная площадка интенсивной ржавой окраски с тектонической зоной дробления.

По-видимому, выработки проводились с целью разведки, а, возможно, они связаны с добычей незначительного количества оловянистой руды. Рудных тел с промышленным содержанием олова вблизи этих выработок не имеется.

Примечательно, что древние рудокопы, добывая медную руду, тщательно выбирали не только крупные рудные тела, но и извлекали ее мелкие гнезда и прожилки. Вероятно, медь в те времена была дефицитным металлом. Шлаки переработки железных руд имеются у поселка конезавода № 54 по дороге на Нарын, южнее перевала Долон, ниже поселка Кара-Унгур. Ближайшее месторождение железа (магнитного железняка) находится возле северной оконечности оз. Сон-Куль.

Используя в практических целях различные полезные ископаемые, человечество постепенно накапливало и расширяло опыт по разведке и добыче их не только среди коренных (скальных) пород, но и в россыпях. Россыпные месторождения образовались за счет разрушения коренных пород, содержащих полезные ископаемые. Эти природные скопления минералов могут находиться на месте разрушения (выветривания) коренных пород, а также могут быть перемещены водными потоками, образуя россыпи речных долин и террас.

Отгремела слава добычи оловянного камня в бассейне р. Сары-Джаз. Отслужил свой срок путь транспортировки. Ветры засыпали древние выработки и ничтожные тропные выемы песком, обломками, мелкоземом. Поросло все кустарником и травой. Под спудом тяжких веков исчезли следы древних выработок. Во многом способствовали этому и разрушительные походы Чингисхана. И все-таки любознательный, пытливый иссле-

дователь отыщет следы давно минувших событий. На придорожных камнях он может прочесть послания далеких предков — петроглифы с изображением солнца, горных козлов, охотников с луками на конях, бегущих человекочков. Память о прошлом хранят и десятки заброшенных выработок на склонах Иныльчекского и Акшийракского хребтов. Здесь для владелинов Тянь-Шаня добывали древние рудокопы оловянный камень, золото, родонит, амазонский камень.

В 1857 г. шестьдесят три участника экспедиции П. П. Семёнова остановились на перевале Кок-Джар, замороженные открывшейся им картиной. С этого времени и можно повести отсчет начала истории исследования Сары-Джазского района. Этот район все больше привлекает внимание альпинистов и ученых. Сначала сюда приезжают итальянцы во главе с герцогом Боргезе (1900 г.), позднее снаряжается немецкая экспедиция географа Мерцбахера (1902—1903 гг.), чьим именем названо уникальное озеро в верховьях р. Иныльчек.

В 20—30-х годах нашего столетия славные страницы в историю покорения Хан-Тенгри вписали советские альпинисты М. Погребецкий (1931 г.) и Е. Абалаков (1936 г.).

В 30-х годах геологи (Яковлев, Соболев, Тарасов и Ковалев) обнаружили здесь олово, но поисковые работы не дали положительных результатов, так как в основном ориентировались на пегматитовый тип руд. И только в 50—60-е годы было обращено внимание на другие типы оловянистого оруденения (Кнауф, Ключкин, Мозолев и Малышев), что подтвердило наличие здесь месторождений олова. И все-таки первый ключ к оловянным сокровищам подобрали рудознатцы эпохи бронзы.

Создание Иссык-Кульско-Чуйского территориально-производственного комплекса, проектирование и строительство оловяно-рудного комбината — такова сегодняшняя судьба этого издревле богатого металлом района.

Попутно нами собирались сведения у других геологов, встречавших на своих маршрутах древние поселения или остатки горнорудного промысла. В частности, геолог Ю. К. Алексеев в Боомском ущелье обнаружил зону медной минерализации жильного типа. В 300—500 м от реки по этой зоне имеются древние горные выработки, одна из них в виде вреза, другая — штольнеобразная глубиной до 12—15 м. Выработки пройдены в зоне окисления медных руд. В других выработках, по-видимому, добывались первичные медные руды. На третьей террасе р. Чу, в том же районе, в 800 м от реки имеются наскальные изображения баранов и козлов.

На левом борту р. Чу в районе р. Коморчек (Бала-Тегерек) встречены небольшие древние углубления. При промывке отвалов и рыхлых отложений на этой площади в шлихах геологами обнаружены зерна галенита (свинцового минерала) и минералов железа.

Вверх по ущелью, близ урочища Капчигай, открыты древние выработки по добыче свинцовых руд. Здесь же имеются скальные изображения козлов.

Еще А. Н. Бернштам, отмечая немногочисленные данные о горных выработках Киргизии, датированных археологическим материалом, указал, что выработки Хайдаркана по находкам можно датировать с XI в. вплоть до XIX в. Он отмечал также, что «весь археологический материал ясно свидетельствует о местном характере разработок».

В научных отчетах геологов попутно отмечаются древние горнорудные выработки, описываются археологические предметы. Их сводка во многом бы помогла современным археологам в изучении древних горнорудных промыслов. Геологи В. А. Васильев (1932 г.) и Н. А. Голубин (1939 г.) зафиксировали древние нефтяные колодцы и ямы в Майли-Сае. Судя по преданиям, здесь еще со времен похода Александра Македонского добывали нефть — «горное масло». Сохранился даже «колодец Александра Македонского». Были отмечены и штольнеобразные выработки озокерита, сохранилось около 17 завалившихся штолен длиной около 200 м.

Во времена господства Кокандского ханства эксплуатировались древние рудники под названиями «Гава» и «Зиндам» в Ала-Букинском и Базар-Курганском районах Ошской области. Шахта «Зиндан» уходила в глубину на 50 м, выработанное пространство имело высокую кровлю, превышающую местами 6 м. Геологом Вольфсоном Ф. И. и др. в 1937—1938 гг. были найдены остатки старой деревянной крепи, в одной из выработок обнаружен светильник эллипсоидной формы с вытянутым носиком, покрытый глазурью. Плавка руды производилась, видимо, в долине р. Кара-Ункур, о чем свидетельствуют кучи отработанного шлака.

Немало сохранилось старых шахт по добыче свинцовых руд. Геолог И. П. Морозов, обследовавший месторождение Кан в Ошской области, исследовал в 1938 г. более 30 карьерообразных древних выработок свинцовых руд. Здесь же находились и отвалы. Найденный в выработках кетмень, по определению известного знатока истории горного дела в Туркестане археолога М. Е. Массона, относился к кокандскому времени.

Руководитель Кок-Суйской поисково-разведочной партии в 1932 г. на месторождении Кара-Курум на Чаткале А. О. Кайзер обнаружил следы старых штольнеобразных выработок, древних плавок на свинец и яму с заготовленной рудой. Специалисты датировали находки XIX в.

Самым знаменитым и трагическим местом добычи свинца и серебра в Киргизии был рудник Кан-и Гут, что в переводе означает «Рудник погибели». Рудник находится в Баткенском районе Ошской области. Мы посетили его осенью 1984 г. Он и сейчас поражает своей мрачной дикостью. В свое время рудник

обследовали геологи И. К. Дюгаев, Э. А. Язбутис, его изучением занимался М. Е. Массон, выпустивший о древнем руднике специальную книгу³. Еще в 1930-х годах здесь были зафиксированы длинные (свыше 1 км) ходы древних выработок, глубиной более 120 м. Выработки имели густую сеть извилистых пещерообразных ходов, душных и грязных. Археологи обнаружили в них полустгнившие, местами даже хорошо сохранившиеся крепи и лестницы. Находка в руднике 23 ферганских монет конца XVIII—XIX вв. позволила заключить М. Е. Массону, что разработка велась с древнейших времен до XIX столетия. В 1850 г. пещеру посетил кокандский курбаши с несколькими рабочими⁴. Имеются данные, что в кокандский период в Кан-и Гут добывали свинец для охотничьих нужд и местные киргизы. В народе и сейчас еще живы предания о жестокости ханских стражников: они заточали в пещеру осужденных на казнь. Здесь они добывали серебро. Многие из них гибли, а если возвращались с пустыми руками, их убивали. А отсюда и название — «Рудник погибели»⁵.

Поиски новых следов горнорудного производства ведут в Ак-Тюз, горнорудный бассейн Кеминской долины. Актюзское рудное поле располагается в отрогах Заилийского Ала-Тоо на водоразделе Кичи-Кемина. Средняя высота его над уровнем моря 2250 м. Сейчас здесь находится поселок горняков Ак-Тюз, к которому подступают лесные массивы из тянь-шаньской ели. Когда-то они опоясывали все склоны гор, позже начался процесс постепенного обезлесения. В настоящее время лесные массивы не эксплуатируются и отнесены к охранным зонам. В прошлом тянь-шаньская ель употреблялась как крепежный материал для строительства и топлива.

Геологи-практики, обращаясь к истории исследования актюзского рудного поля, упоминают и встреченные ими следы древних выработок. Они, как правило, имели «весьма причудливую конфигурацию, повторяющую форму выработанных рудных тел с богатой свинцовой рудой»⁶. Они отмечают, по крайней мере, три подпункта древних выработок в верхнем Ак-Тюзе. Сохранились остатки примитивного крепления, полуистлевшие части деревянных лотков, что говорит о не слишком большой исторической отдаленности выработок. Были обнаружены также фрагменты керамики и светильники — *чираги*. В наносах одной из выработок была найдена грубо отделанная фигура, напоминающая собой шахматную фигуру. Изготовлена она из

³ Массон М. Е. Рудник погибели. (Из истории первых лет деятельности Туркестанского кружка любителей археологии). Фрунзе, 1971.

⁴ Там же, с. 34—35.

⁵ Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство, с. 231—232.

⁶ Из научного отчета: Тихомиров Н. Д., Пивоваров Ю. В. Геология и полезные ископаемые Ак-Тюзского рудного поля в Северной Киргизии. Ак-Тюз, 1954.

сильно оталькованной породы. Встречаются шлаки старых плавок, иногда в больших количествах — свидетельство интенсивной добычи здесь свинца в давние времена. Точную датировку установить трудно: керамика, орудия труда и предметы быта рудокопов до нас не дошли. О них встречаются лишь упоминания в отчетах геологов. О двухсотлетней давности этих разработок (или более ранней) свидетельствует возраст елей, выросших на просевших почвах под старыми разработками. Наиболее богатые месторождения были отработаны древними рудокопами. Но в отличие от других подобных разработок древние выработки Ак-Тюза оставлены на небольшой глубине в богатых, по определению геологов, сульфидами рудах. Вероятно, какие-то события помешали полной их отработке. После длительного перерыва месторождение было как бы заново открыто местными охотниками.

Интенсивное развитие горного дела в Средней Азии в IX—XI вв. привело к разработкам Ак-Тюзского месторождения свинца. Но последующий горнорудный кризис, охвативший в XI столетии все восточные страны, привел к консервации рудников и на Ак-Тюзе.

Имеются сведения, что киргизы понемногу сами добывали в рудоносных жилах свинец. Главный инженер рудоуправления Ак-Тюз поведаль историю, как когда-то в древности один местный охотник открыл свинцовую жилу и стал изготавливать дробь и лить пули. Следовательно, киргизы и раньше использовали свинец, добывали его, даже плавил на месте. Занимались они горнорудными разработками и на Ак-Тюзе⁷.

Изучение истории Ак-Тюзского горнорудного промысла — дело предстоящего будущего. Обращает на себя внимание повсеместное соседство историко-археологических памятников с горнорудными промыслами. К тому же чрезвычайно важно, что археологические данные могут содействовать поискам новых месторождений полезных ископаемых. Почти повсеместно в ходе геологических поисковых работ в Сары-Джазском районе геологи часто натывались на ямы, траншеи, шурфы и даже древние штольни. Как показали археологические раскопки в районе сая Лесистого, древние рудознатцы добывали руду даже из рудных тел на глубине до 20 м. Наши предки работали не зря. Почти все открытые в настоящее время месторождения олова в Сары-Джазе, включая Учкошкон и Сары-Булак, можно считать открытыми во второй раз.

Теперь рудники Сары-Джаз и Ак-Тюз в руках человека думающего, строящего, преобразующего, по-хозяйски подбирающего ключи к природным кладовым. Сегодняшний Сары-Джаз — это и всевозможные полезные ископаемые, и целебные свойства минеральных источников, и разнообразный животный

мир, и вечные ледники — драгоценное хранилище влаги — источник жизни на земле. Тянь-Шань хранит красоту и величие снежных вершин, стремительных рек, высокогорных альпийских пастбищ. Может быть поэтому и влекло сюда первобытного человека, который за суровыми чертами внешнего облика края смог разглядеть его несметные богатства.

А сколько тайн еще предстоит раскрыть, и не только раскрыть, а сберечь для потомков как память о древней киргизской земле.

* * *

Киргизские погребальные памятники Тянь-Шаня, фортификационные сооружения, скульптуры древних тюрков, горнорудные промыслы представляют собой неотъемлемую часть общей материальной и духовной культуры многонационального населения республики. Уже по одной этой причине они заслуживают глубокого исследования, своевременной публикации и активного поиска новых, еще не известных памятников.

Впереди большая работа. И если за нее, наряду с учеными, музейными и архивными работниками, в полную меру возьмутся учителя, краеведы, школьники и энтузиасты народных музеев, мы сохраним для грядущего, для истории бесценные богатства духовного прошлого и героических свершений наших современников.

...Новый полевой сезон. Новые задачи. Новые планы. Археологи, этнографы, историки ежегодно выезжают в поле. Интенсивная работа продолжается. В ожидании — новые находки, раскрытие тайн давно минувших дней. А Тянь-Шань их хранит в изобилии и делится только с любознательными и настойчивыми.

⁷ Из полевых дневников автора, июль, 1982.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы совершили краткое путешествие в прошлое, попытались рассказать о памятниках истории и культуры Киргизстана XVIII—XIX веков. Они не возникли на пустом месте, их корни уходят в глубь веков, свидетельствуют о многовековой истории народа.

Историко-культурные памятники не могут также рассматриваться вне связи с общенациональным фоном и социально-экономическим положением местного населения на данном конкретном этапе. Наша задача облегчалась тем, что вопросы политической и социально-экономической истории Киргизстана конца XVIII—XIX веков уже достаточно разработаны в советской историографии¹. Мы акцентировали внимание лишь на том, в какой степени эти аспекты преломлялись в фортификационных и культовых сооружениях, в традиционных памятниках материальной культуры. В них прослеживаются глубокие традиции киргизского народа, местное происхождение многих ее элементов. Рассмотрение фортификационных сооружений и культовой архитектуры, народных и горнорудных промыслов, декоративно-прикладного искусства позволяет сделать вывод, что материальная культура киргизского народа своими истоками восходит к древности и средневековью, в ней получили естественное продолжение культурные традиции многочисленных кочевников, проживавших в разное время на территории Киргизии — от саков, усуней и гуннов до тюрок и моголов. В то же время в ней наличествует ряд элементов, сближающих ее с культурой народов Центральной Азии. Все это убедительно свидетельствует о том, что киргизская народность сложилась именно на Тянь-Шане на базе автохтонных местных племен и племенных объединений, которые входили в контакты и временами ассимилировались

¹ См.: Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Джемгерчинов Б. Д. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966; его же. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. Фрунзе, 1961; Хасанов А. Х. Из истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1959; Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977, и др.

племенами центральноазиатского и южносибирского происхождения, откуда и был привнесен сам этноним «киргыз», приобретший более широкое этнополитическое значение².

На материальную культуру киргизского народа наложили своеобразный отпечаток кочевой быт и патриархально-бытовой уклад. В целом, в своих главных чертах она была глубоко самобытна и едина на всей территории расселения киргизов, хотя имели место и определенные локальные особенности. Специальное рассмотрение фортификационных сооружений показывает, что их строительство хотя и активизировалось с кокандской колонизацией в конце XVIII — нач. XIX в., но отнюдь не было ею вызвано (как считалось еще совсем недавно). Последние экспедиционные работы и более внимательное прочтение архивных материалов и других первоисточников убедительно свидетельствует, во-первых, что на территории Киргизии были свои укрепления и до кокандских крепостей, а, во-вторых, киргизские крепости (правда, меньших размеров) существовали и параллельно с кокандскими, как ставки киргизской феодальной знати.

Возведение культовой архитектуры было, с одной стороны, делом, не зависящим от кокандцев (строительство традиционных намогильных мавзолеев киргизов — гумбезов), а, с другой, стимулировалось и даже насильственно насаждалось кокандцами в целях распространения и закрепления ислама в кочевой среде киргизов (мечети и медресе). И если гумбезы были повсеместным явлением на всей территории Киргизии, имея лишь незначительные локальные особенности, то мечети и медресе в кокандский период имели место лишь в южных районах Киргизии, наиболее близких к исламским центрам ханства, в то время как в центральных районах Тянь-Шаня, на севере Киргизии они полностью отсутствовали: здесь ислам не пустил еще глубоко свои корни.

Самобытными были народно-прикладное и декоративное искусство, жилище и одежда киргизского народа, своеобразие территории обитания — высокогорье Тянь-Шаня обусловили обращение к занятию местного населения горнорудными промыслами.

В виду отсутствия собственной письменной литературы и исторических хроник у киргизского народа до революции сведения обо всем этом мы черпаем из фольклора и монументального героического эпоса «Манас», из восточных нарративных источников на узбекском, таджикском, китайском языках. Но сохранился определенный вид источника, который представлен вещественными памятниками, — это фортификационные, архитектурные и культовые сооружения, предметы материальной культуры, которые помогают воссоздать нам яркие картины историко-культурного прошлого киргизского народа.

² История Киргизской ССР, т. 1, с. 12, 441.

Можно задаться вопросом: стоит ли изучать кокандские крепости, служившие целям подавления киргизского населения, ханско-феодалного гнета; мечети и медресе, являвшиеся орудием духовного порабощения исламом местного населения?

Бесспорно, что памятники фортификационного и культового зодчества, возникшие и существовавшие в период феодализма, служили интересам господствующего класса. Они обслуживали ханов, феодалов, мусульманское духовенство, религию. Они нередко принадлежали представителям эксплуататорской знати — что вообще характерно для всех несправедливых, классовых обществ. И тем не менее это не исключает и не уменьшает их исторического и культурного значения, как памятников прошлого. Они возводились трудом рядового населения, в них многовековой опыт народных мастеров и умельцев, воплощение разума и таланта, духа народа.

Восхищаясь мавзолеем «Гур Эмира» и другими усыпальницами феодальной знати в Самарканде, мы нередко даже не задумываемся и не знаем тех, в честь кого они возведены. Но мы не можем не преклоняться перед трудом и филигранным искусством тех простых мастеров из народа, чьих имен история не сохранила, но они сами сохранили незыблемую память о себе величественными архитектурными ансамблями. И гүмбез «Манаса» влечет нас не как усыпальница безвестной Канизек-хатун — дочери эмира Абуки, а как архитектурный монумент, связанный народом с памятью о своем герое — защитнике Манасе, как творение народного гения.

Кокандские крепости были свидетельством вольнолюбивого духа киргизского народа, безуспешно боровшегося с ханским гнетом и деспотизмом местных феодалов (иначе зачем было бы завоевателям возводить эти крепости?). Разрушенные стены и башни крепостных стен — это не просто глиняные дувалы и обрушившиеся блоки — это результат борьбы киргизского народа с захватчиками, памятные места сражений наших предков за свободу и независимость.

Культовые сооружения — медресе и мечети, существовавшие в период кокандского господства только на юге Киргизии и не получившие своего распространения в северных районах, — также свидетельство степени распространения и противодействия исламу в среде киргизского населения. Созданные и украшенные народными зодчими они представляют страницу искусства и архитектуры народа. В них получили свое отражение народные художественные вкусы, иногда даже в противовес ортодоксальным канонам ислама, что выделяется как раз своей сильной стороной.

Однако, нужно помнить, что при всем значении памятников прошлого следует, с одной стороны, не забывать, что они говорят о ханах, феодалах, являлись носителями религиозного дурмана; с другой стороны — не впадать в крайность и не идеали-

зировать все культурное наследие, особенно в попытках идеализации роли исламских и других культовых учреждений в развитии народной культуры. Следует не увлекаться чисто профессиональными оценками в пропаганде памятников, не забывать о роли, например, культовых памятников в идеологической борьбе прошлого и настоящего, учитывать их идейное содержание, утилитарно-практическую направленность, функциональное значение.

Все это говорит о том, что надо дифференцированно подходить и к оценке памятников старины, как реликвиям своего времени, не следует ни приуменьшать, ни идеализировать их значения. Но то, что составляет действительно культурное наследие народа, требует неустанного изучения, бережного отношения и всемерной пропаганды, ибо «только система, не имеющая будущего, не ценит ни прошлое, ни настоящее»³.

Создание шеститомного «Свода памятников истории и культуры Киргизстана» призвано служить именно этим благородным целям: изучению и пропагандированию культурного наследия киргизского народа, сохранившегося как наследие прошлого в материальных памятниках, созданных трудом народа.

Как хорошо отметил в своем предисловии к каталогу выставки в Эрмитаже «Памятники культуры и искусства Киргизии» Чингиз Айтматов, — памятники «есть своего рода сказание, объемлющее многовековое прошлое киргизского края. Эти предметы запечатлели в себе бессмертие и преемственность человеческой мысли во времени и пространстве. По ним мы судим теперь о том, что было и как было до нас на нашей земле — о смене культур, развитии истории, об уровне искусства.

Каждый народ хочет сказать о себе как можно больше не только в настоящем, но и в минувшем времени...»

«...И минувшая жизнь снова возникнет перед взором живых»⁴.

Полевая, экспедиционная работа по сбору материалов для «Свода памятников истории и культуры Киргизстана» продолжается. Его издание явится поистине «Красной книгой» тысячелетий, светом памяти прошлого.

³ Горбачев М. С. Живое творчество народа. Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» 10 декабря 1984 года. М., 1985, с. 46.

⁴ См.: Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983, с. 5.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.
Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1985.
Айтматов Ч. Т. И дольше века длится день. Фрунзе, 1981.
Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
Анри де Моран. История декоративно-прикладного искусства от древнейших времен до наших дней. М., 1982.
Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975.
Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Соч., т. IV. М., 1966.
Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950.
Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952.
Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. 1—5. Алма-Ата, 1961—1965.
Взаимосвязи киргизского народа с Россией и народами Средней Азии и Казахстана. Фрунзе, 1985.
Галицкий В. Я. История города Пишпека, 1878—1917. Фрунзе, 1980.
Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983.
Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963.
Джамгерчинов Б. Д. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966.
Дуйшеев Б. Древние каменные скульптуры Киргизстана. — В кн.: Памятники Киргизстана, вып. 5. Фрунзе, 1982.
Дуйшеев Б., Плоских В. М. — Гумбезы, мазары, сагана Киргизии. — Декоративное искусство СССР, вып. 8, 1983.
Дуйшеев Б. К исторической топографии крепостей конца XVIII — первой половины XIX вв. на территории Киргизии. — Сборник: История и современность. Фрунзе, 1982.
Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985.
История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней, т. 1, Фрунзе, 1984.
Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе, 1977.
Ким М. П. Проблемы истории и теории реального социализма. М., 1983.
Киргизский национальный узор. Фрунзе, 1948.
Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1870.
Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. М., 1958.

- Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. I. М., 1973.
Мокрын В. П. Каменные изваяния — памятники древних тюрков. Фрунзе, 1979.
Народное декоративное прикладное искусство киргизов. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. V. М., 1968.
Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971.
Плоских В. М. Иссык-Куль: путешествие в историю. Фрунзе, 1981.
Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977.
Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, т. I, М., 1946.
Пугаченкова Г. А. Памятники искусства Советского Союза. Средняя Азия. Справочник-путеводитель. Москва — Лейпциг, 1983.
Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. — Исторический архив, I. М.—Л., 1936.
Семенов-Тянь-Шанский. П. П. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1947.
Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). Фрунзе, 1975.
Сулайманов Э. Традиции обработки металлов у киргизов. Фрунзе, 1982.
Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии», вып. 1—2. Л., 1983.
Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14. М.—Л., 1950.
Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников Золотой Орды. М., 1976.
Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950.
Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX века. Фрунзе, 1961.
Хасанов А. Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977.
Чоробаев А. Тайлак-батыр. Фрунзе, 1959.
Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.
Brenties V. Mittelasian Kunst des Islam. Leipzig, 1979.

0,65р

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	5
Беречь, изучать и использовать	10
Кокандские и киргизские укрепления	19
Скульптуры древних тюрков	39
Киргизские мавзолей-гумбезы	52
Экскурс в материальную культуру и декоративно-прикладное искусство	81
Горнорудные промыслы	104
Заключение	114
Рекомендуемая литература	118

Болот Арстанбекович Дуйшеев

ПАМЯТЬ ТЯНЬ-ШАНЯ

(Исторические очерки о памятниках Киргизстана XVIII—XIX вв.)

Издательство «Мектеп».

Редактор *В. М. Плоских*. Художник *С. С. Федоровский*.
Фотографии: *Б. А. Дуйшеева*, *В. И. Жигайлова*, *А. А. Абдыгулова*,
С. А. Ахматбекова, *В. М. Плоских*. Худ. редактор *И. Г. Васильев*.
Техн. редактор *В. И. Комерова*. Корректор *И. А. Меньшикина*.

ИБ № 3825

Сдано в набор 30. 05. 85. Подписано к печати 03. 02. 86. Д—06440. Формат бумаги 60×90^{1/8}. Бумага книжно-журнальная. «Литературная» гарнитура. Печать высокая. 7,5 физич. печатных листа +3,0 вкл. 7,5 условн. печатных листа +3,0 вкл. 7,86 учетно-издательских листа +3,15 вкл. 13,75 усл. кр.-отт. Тираж 2500. Заказ № 119.
Цена 65 коп.

Издательство «Мектеп».

720361, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.